

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2024

№ 3

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

16+

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный лингвистический университет, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия – заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия – заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США

Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия

Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии

народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Даниил Уигет*, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru. Сайт журнала: www.journals.tsu.ru/siberia

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Moscow State Linguistic University, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasilij, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Daniel Wiget*, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Станюкович М.В. Питон и прочие змеи в традиционной культуре и повествовательном фольклоре филиппинцев и их соседей	6
Функ Д.А. Эпическая традиция в цифре: опыт машинного анализа записей шорского героического эпоса	30

СИБИРСКИЕ СЮЖЕТЫ

Кузнецова Р.Ш. Взлет и падение магистра Артура Глей (из истории лингвистических исследований в Томском университете)	56
Клоков К.Б. Первоначальное землеустройство 1932–1933 гг. в судьбе чукотского оленеводства	75
Емец С. Неформальные практики трудовой занятости студентов из Китая на предприятиях лесной промышленности в Томской и Иркутской областях	101

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ В АРХЕОЛОГИИ

Колобова К.А. Современные исследовательские подходы к определению природы происхождения каменных индустрий в палеолите	128
Харевич А.В., Харевич В.М., Зольников И.Д., Клементьев А.М., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Акимова Е.В. Специфика раннего верхнего палеолита Енисея: стоянка Сабаниха 3	146

MISCELLANEA

Федорчук О.А., Кастро Степанова А.А., Чиркова А.Х., Лейбова Н.А. Комплексное краниологическое и одонтологическое исследование коренного населения Аргентины: предварительные результаты	174
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Соколовский С.В. Антропология восприятия Дэвида Хауза	206
Луговой К.В. К вопросу об основном инстинкте <i>Homo sapiens</i>	210

CONTENTS

ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF FOLKLORE MATERIALS

Stanyukovich M.V. The Python and Other Snakes in Traditional Culture and Oral Literature of the Filipinos and Their Neighbors	6
Funk D.A. Epic Tradition in Numbers: The Experience of Machine Analysis of Records of the Shor Heroic Epic	30

SIBERIAN STUDIES

Kuznetsova R.Sh. Rise and Fall of Master Arthur Gleye (From the History of Linguistic Studies at Tomsk University)	56
Klokov V.B. The Primary Land Use Planning of 1932–1933 in the Fate of Chukchi Reindeer Husbandry	75
Jemec S. Informal Employment of Chinese Students in the Forest Industry in Tomsk and Irkutsk Regions	101

NEW RESEARCH APPROACHES IN ARCHEOLOGY

Kolobova K.A. Modern Approaches to Determining the Origin of Paleolithic Industries	128
Kharevich A.V., Kharevich V.M., Zolnikov I.D., Klementiev A.M., Zotkina L.V., Anoin A.A., Akimova E.V. The Specifics of the Early Upper Paleolithic of the Yenisei: Sabanikha 3 Site	146

MISCELLANEA

Fedorchuk O.A., Castro Stepanova A.A., Chirkova A.Kh., Leibova N.A. Comprehensive Craniological and Odontological Study of the Indigenous Population of Argentina: Preliminary Results	174
---	-----

REVIEWS

Sokolovskiy S.V. Sensory Anthropology by David Howes	206
Lugovoy K.V. Towards Basic Instinct of Homo Sapiens	210

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Научная статья
УДК 398.3(59+599)
doi: 10.17223/2312461X/45/1

Питон и прочие змеи в традиционной культуре и повествовательном фольклоре филиппинцев и их соседей

Мария Владимировна Станюкович

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, mstan@kunstkamera.ru*

Аннотация. Исследователи островной Юго-Восточной Азии (Нусантары) долгое время не столько занимались ее собственными образами и представлениями, сколько прослеживали индийские и китайские влияния, особенности их преломления в австронезийской культуре. Данная статья посвящена проблеме вычленения австронезийских представлений о змее под напластованиями культурных заимствований. Исследование проведено на материале Филиппин, наименее индianизированной части ареала, на основе лингвистических, этнографических, фольклорных данных. Факты, собранные автором в экспедициях к коренным горским, равнинным и прибрежным народам архипелага, сопоставлены с данными ранних испанских источников и более поздних публикаций по антропологии, этнографии и фольклору архипелага. Проводятся параллели с культурой других частей Юго-Восточной Азии.

Последовательно рассмотрены повседневные взаимоотношения между людьми и змеями у охотников-собирателей, земледельцев и прибрежных рыбаков, функции змеи как оберега в материальной культуре, телесных модификациях, в народной медицине. Анализируются представления о функциях змеи в традиционных шаманских анимистических практиках, в ритуалах, о разнообразных видах взаимодействия живых и мертвых, предков и потомков, включая нарративы о змеях-близнецах. Очерчен спектр функций и ролей змеи (питона) в мифах и эпических сказаниях народов Филиппин. Филиппинская мифологическая змея – прежде всего питон, которого Р. Бласт на материалах исторической лингвистики назвал «прототипической змеей австронезийцев». Представляется, что затушевание роли питона *sawa* в Юго-Восточной Азии связано именно с индianизацией, в ходе которой «местного» питона потеснила «пришлая» кобра – сначала в народных представлениях, а впоследствии – в интерпретациях исследователей, зачарованных ее санскритским именем *naga*.

Ключевые слова: питон, змея, мифология Филиппин, отношения человек–животные, Юго-Восточная Азия

Для цитирования: Станюкович М.В. Питон и прочие змеи в традиционной культуре и повествовательном фольклоре филиппинцев и их соседей // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 6–29. doi: 10.17223/2312461X/45/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/45/1

The python and other snakes in traditional culture and oral literature of the Filipinos and their neighbors

Maria V. Stanyukovich

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS,
Saint Petersburg, Russia, mstan@kunstkamera.ru*

Abstract. For a long time, studies on Insular Southeast Asia concentrated not so much on indigenous Austronesian mythology as on Indian and Chinese influences and the ways of their adaptation. The purpose of the present paper is to define ‘snake concepts’ on the basis of mythology of the Philippines, the least Indianized part of the area. Present-day ethnographic facts are compared with those from early Spanish records and epic texts of the indigenous groups recorded in the 20th and 21st centuries. The data collected by the author during fieldwork since 1990s till present among the indigenous highland groups and coastal communities of the archipelago are juxtaposed to the data from the early Spanish records and later publications on the anthropology, ethnography and linguistics. Corresponding materials from other parts of Southeast Asia are added.

The paper concentrates on everyday human-animal (snake) interactions among the hunter-gatherers, agriculturalists, coastal fishing communities; it treats about snake symbolism in material culture, body modifications, traditional folk medicine, as well as on the predominant ideas on the functions of a snake (python) in shamanistic practices, rituals and beliefs. Concepts of interaction between the living and the dead, offsprings and ancestors, including the snake-twin narratives, are of special interest. The paper gives a brief overview of the roles ascribed to python in Philippine mythology and oral epics. The Philippine mythological snake is predominantly a python, an ‘Austronesian prototypical snake’, as R. Blust described it on the basis of historical linguistics. We suggest that the local *sawa*, the python, was overshadowed in the course of Indianization of Southeast Asia by *naga* the cobra, especially in the eyes of the researchers, charmed by its Sanskrit name.

Keywords: python, snake, Philippine mythology, human-animal relationships, Southeast Asia

For citation: Stanyukovich, M.V. (2024) The python and other snakes in traditional culture and oral literature of the Filipinos and their neighbors. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 6–29. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/1

Введение

Статья продолжает серию публикаций о роли растений и животных в фольклоре, верованиях и ритуалах народов Филиппин и в сопредельных австронезийских культурах¹.

Змея – один из сложнейших и древнейших образов мировой мифологии. Едва ли найдется мифологическая система, в которой змея не располагалась бы у корней мирового древа, либо не вилась бы вокруг земной оси, вызывая своим движением землетрясения, либо (в собственно

змеином виде или в виде родственных хтонических существ – угря, черепахи) не служила бы основанием, на котором покоится земля; в одних частях света встречается змея-радуга, в других – поглотительница светил, либо первопредок (первые люди выходят из яйца змеи), основатель царских и императорских династий (часто в виде дракона), воплощение покойного предка; змея выступает как посредник между людьми и духами, символ знания, мудрости, бессмертия, источник плодородия человека, животных и растений. Сказки, мифы, эпические сказания, былички изобилуют повествованиями о героях-змеях, полузмеях-полулюдях, змеиных оборотнях. Как охотники-собиратели, коренные народы, так и жители мегаполисов западных постиндустриальных стран считают кожу, кровь, плоть, зубы, кости, внутренние органы змей мощнейшими магическими средствами и оберегами.

Вся Юго-Восточная Азия (ЮВА) долгое время рассматривалась как культурная периферия. Ее систематическое изучение началось позже, чем исследование Индии и Китая, она уступает этим центрам глубиной письменных источников, общим объемом материалов. Древнейшие письменные тексты на австронезийских языках записаны уже после индианизации. Самые старые из них – древнеяванские (IX–XIV вв.); в них отмечается преобладание санскритских корней, «появление особого письменного языка, лексика которого была преимущественно индийской, а грамматика оставалась индонезийской» (Теселкин 1963: 9). Исследователи ЮВА изначально занимались главным образом прослеживанием путей распространения здесь индийских и китайских влияний. Более ранние представления, в частности о змеях, изучены очень слабо.

Разумеется, даже в фольклоре Филиппин – самой удаленной от континента части ЮВА – есть индийские заимствования (Francisco 1971; Churchill 1977; Orlina 2012 (2013)). Они пришли сюда, предположительно, в X–XIV вв., причем не в результате прямых контактов с Индией, а через посредство государств, располагавшихся на территории нынешних Индонезии и Малайзии (Scott 1994; Josano 2001), индианизация которых началась много раньше и была более глубокой. Нас, однако, интересуют ранние представления о змеях и змееподобных существах, распространенные в Нусантаре (островной, австронезийской части ЮВА) до ее индианизации. Австронезийское наследие составляет их позднейший слой.

Культура ЮВА сложилась как синтез культур древнейших насельников региона, потомками которых являются современные аэты (негрито) Филиппин, оранг асли, папуасы Новой Гвинеи, андамандцы, и появившихся здесь позже австроазиатов и австронезийцев; последние на протяжении истории неуклонно вытесняли языки и культуру автохтонов и сами подвергалась внешним влияниям.

Чтобы с уверенностью говорить о происхождении того или иного мотива/сюжета, нужно обладать огромным массивом данных. В синологии

он есть, что дало возможность А.Б. Старостиной, например, соотнести определенный пласт сюжетов о змеях-оборотнях в Китае с фольклором Ирана и Западной Европы (Старостина 2023). Чтобы ответственно делать подобные выводы об австронезийских культурах ЮВА, надо провести инвентаризацию того, что известно в ранних источниках и что осталось в наиболее труднодоступных местах. Какую роль в культурах первоначальников ЮВА и пришедших позднее австронезийцев играли змеи до периода индианизации, можно будет определить только в результате долгих исследований – и то лишь предположительно. Данная статья – шаг на пути в этом направлении.

Горцы ЮВА

Жителей горных или лесных анклавов, сохраняющих либо сохранявшихся до недавнего времени традиционный образ жизни, материальную культуру и анимистические шаманские представления, принято сегодня называть коренными народами (*indigenous peoples, IPs*). В российской номенклатуре, как государственной, так и научной, на смену дореволюционным терминам – собственным («ясачные») и калькированным с европейских языков («иногородцы», «иноверцы», «туземцы»), терминам советского времени – «нацмен» (национальные меньшинства), позже «малые народы» – пришло название «коренные малочисленные народы» (КМН). Термин “tribal”, «племенные», прежде широко использовавшийся в западной науке, из нее ушел, однако во многих странах Азии сохраняется на всех уровнях: в названиях государственных органов (даже на американизированных Филиппинах) и в антропологической литературе (например, в Индии). Термин «горные» используется везде, в Индокитае он является основным – например, в Камбодже «горными кхмерами» называют небольшие этнические группы самого разного происхождения – бахнарические и катуические народы, австронезийцев-джараев, вне зависимости от того, живут ли они в горах, в предгорьях или на равнинах.

По каким же принципам выделяют эти народы в странах Юга Азии? Два основных критерия – образ жизни и верования, причем главный – несоответствие той религии, которую исповедует большинство населения. Анимисты-шаманисты считаются «коренными» и в мусульманской Индонезии, и в Индии (индуизм), и в Индокитае (буддизм), и на католических Филиппинах; тот факт, что большинство анимистов сегодня обращено (в основном номинально) в протестантизм, их положения не меняет. Однако на Филиппинах к числу “tribal”/“indigenous” относят и мусульман с тех пор, как Филиппинская комиссия США (нового колонизатора, сменившего Испанию) в 1901 г. учредила Бюро нехристианских племен.

Для Филиппин, как и для всей островной ЮВА, термин «коренной» – совершенно условное название, поскольку здесь практически все горцы,

равно как и большие этносы равнин, по происхождению австронезийцы, потомки одной и той же небольшой группы переселенцев с Тайваня². Коренными в прямом смысле слова никто из них считаться не может, поскольку они заселяли островные территории, где до них уже жили автохтоны – охотники-собиратели аэта – «негрито» Филиппин. Общая численность аэта – около 15 тыс., в то время как численность коренных народов архипелага – около 11 млн чел.

Змеиная терминология в австронезийских языках

Языки первоначальников региона утрачены: оранг асли говорят на австроазиатских языках, филиппинские аэта – на австронезийских.

Древнейший слой реконструированной протоавстронезийской лексики (PAN) содержит только одну протоформу для общего понятия «змея» – *SulaR. Ее рефлекс обнаруживаются на Тайване (*soLaʔa – прото-рукай), от севера до юга Филиппин (*ulag*, *ulal* думагат, ифугао, тагабили; *olal* ибалой; *ʔulay* хануноо; *ʔurar* тирурай; *ulal* тболи), в Индонезии и Малайзии (*ular* малайск., *ula* яванск. и мн. др.), в австронезийских языках Индокитая (*ula* тямский, северный роглай; *ala* тямский, джарай). Рефлексы протомалайо-полинезийского (PMP) *nipau распространены от южных Филиппин (*nipai* марауно) до Северной Суматры, Индонезия (*nipe* каро батакский), как и рефлексы протоформы протозападномалайско-полинезийского (PWMP) *anipa для ядовитой змеи. Термин для отдельного вида змеи, распространенный на австронезийском пространстве – *sawa ‘питон’. Рефлексы этой протоформы зафиксированы от Филиппин через Борнео до Суматры и Явы (Blust, Trussel).

Р. Бласт считает питона «прототипической змеей» австронезийцев (Blust 2002); Дж. Чемберлен рассматривает термин *sawa как отдельный этимон, однако допускает, что «с точки зрения семантики, “питон” сдвинулся вверх на биотаксономической лестнице и заменил слово “змея”» (Chamberlain 2019: 10). Сейчас *sawa* используется для обозначения питона в большинстве крупных языков Филиппин, Индонезии и Малайзии (тагалог, бикольский, себуано, малайский, яванский), в качестве общего термина для змеи в филиппинских языках ромбломанон, масбатеньо, бантуанон, акланон, якан и в ряде языков Индонезии (сималур, тоусеа, боано и др.) (https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_s1.htm#30776)³.

Тысячелетние связи с Индией сказались в широком использовании слова *naga* и его производных для мифологических (а в ряде языков Индокитая даже для реальных) змей как в австроазиатских, так и австронезийских языках практически на всей территории ЮВА, за исключением севера Филиппинского архипелага. В Индии, на родине индуизма, буддизма, шиваизма, *naga*, мифологическая змея-дракон, представляется в

первую очередь как кобра (Альбедиль 2012: 156, 162); змеей Васаки (Басуки в индонезийском), царь нагов – несомненно ядовитая кобра. Между тем в ЮВА, по крайней мере в ее австронезийской, островной части, это в основном питон. В словаре древнеяванского языка Зутмюлдера помимо австронезийских *ulā* змея и *ulā sawa* питон имеется уже и санскритский термин *nāga* II 1167:7 (Skt) «змея, змея-демон (живет в водах или под землей; считается, что у него человеческое лицо и тело змеи)» (Zoetmulder 1982). Использование санскритского корня *нага* вовсе не обязательно значит заимствование самого понятия. Заимствованные термины сплошь и рядом заменяют собственные в сферах, связанных с древнейшими автохтонными реалиями, представлениями и институтами. По пришествии новой религии старые духи получают новые названия. Так, распространенный общий термин для божества/духа в сказаниях горцев юга и центральных районов Филиппинского архипелага – *diwata*, от санскритского *devatā*, некоторые дивата имеют христианские имена (особенно часто встречаются Марии), но сами-то сказания и духи местные, австронезийские.

Основной интерес с точки зрения нашей задачи представляют наименее индианизированные коренные народы: даяки и батаки Борнео и Суматры соответственно (они же наиболее изученные), тораджи Сулавеси (Индонезия, Малайзия, Бруней) и филиппинские горцы, особенно *игороты и лумад* – анимисты Северного Лусона и Минданао. Даяки, батаки и тораджи близки по культуре к игоротам (Maramba 1998; Chotrani 2015); все они в недавнем прошлом – охотники за головами, у них есть общие черты социального устройства и системы верований. Близкие параллели обнаруживаются и в «змеиных» представлениях, однако эти общие черты, восходящие к протоавстронезийской или даже более ранней мифологии, лучше сохранившейся у неиндианизированных горцев Севера Филиппин, исследователи часто не замечают. Так, представления о змее, отраженные в традиционной архитектуре батаков, приписывают индийским влияниям (Waterson 1998: 95; Yulianto 2017). Между тем, например, батакский морской змей Нага Падоха, закованный в цепи героем, которого послал Батара Гуру (Шива) и вызывающий землетрясения, – лишь облаченный в индийские одежды хтонический змей, одна из древнейших мифологем, распространенная ЮВА едва ли не повсеместно. По мнению Е.В. Ревуненковой, скорее всего у батаков произошло слияние индуистского культа змеей с представлениями о змеях как о воплощении добрых и злых духов, широко распространенными у народов малайско-индонезийского региона, в том числе не подверженных индийскому влиянию (2010: 45, 287).

Тем ценнее для нашей темы фольклорные тексты игоротов Лусона – ифугао, яттука, ибалоев, калинга, бонтоков, тингианов – в которых даже нет терминов *нага*, *дивата*, как нет и распространенной в фольклоре

других частей архипелага заимствованной титулатуры индо-мусульманского происхождения.

Заметим также, что в ряде филиппинских языков *paġa* – современный рефлекс прамалайско-полинезийского (PMP) *naRah для дерева *Pterocarpus indica* или более широкой категории близких по виду деревьев, известных в русском и других европейских языках как нарра: *náġa* (тагальский, бикольский, хануноо, себуано, тиурай), в то время как в других австронезийских языках, включая филиппинские, рефлекс этого корня выглядят несколько иначе: *paŋgá* (илоканский), *paġa* (титурай, мангтарай, моту), *paġah* (айта абеллан) и т.д. (https://www.trus-sel2.com/ACD/acd-s_n1.htm#30074). Там, где зоны распространения санскритского (для змеи/дракона) и австронезийского (для дерева) корней совпадают, например на юге Лусона в Биколе, народная этимология объединяет их значения: *paġa* – вид дерева, красный сок которого называют драконовой кровью (Marcaida 2020: 364).

Змеинная повседневность

Во время полевой работы на Филиппинах (1994–2020) и в Камбодже (2015–2023) мне приходилось встречаться как со змеями, так и с нарративами о них. Змеи – древесные, наземные, водяные, морские, ядовитые и неядовитые, от карликовых до гигантских питонов – часть повседневности в странах ЮВА. Я прежде всего занимаюсь горскими коренными народами, однако мне также приходилось работать с прибрежными жителями (разные группы висайя) и с сама-баджао – кочевым народом, традиционно жившем в лодках, рыболовами, торговцами и ныряльщиками. Они не боятся морских змей. Хотя яд этих гадов более концентрирован, чем наземных (их добыча – рыбы – менее чувствительна к ядам), объем его меньше, и они не агрессивны, не нападают на человека.

Змей, конечно, больше в сельской местности, но и в городах они не редкость. Жители благополучных кварталов Манилы, имеющие собственные дома с небольшими садами, держат кошек не столько из любви к ним, сколько из соображений безопасности: «В прошлом году мои кошки загрызли ядовитую змею». Современные филиппинцы, как и другие народы ЮВА, охотятся на змей, едят их, используют змеиную кровь, желчь, мясо, кожу и кости как афродизиаки и амулеты, как ингредиенты лечебных снадобий и колдовских зелий, как материал для украшений; «змеиные мотивы» присутствуют в татуировке, традиционном ткачестве, резьбе по дереву и в других видах народного искусства.

Филиппинская змеинная фауна исключительно богата. Недавно опубликован ее свежий реестр с 147 картами распространения (Leviton et al. 2018). Четыре вида филиппинских змей принадлежат к самым опасным в мире.

Это прежде всего кобры. Длина некоторых достигает 5 метров; три филиппинских вида кобр плюются ослепляющим ядом на 3 метра. Далее идут ярко окрашенные древесные гремучие змеи-гадюки, коралловые змеи, морские змеи, живущие в соленой и пресной воде. По данным герпетологов и по медицинской статистике, самая опасная змея на архипелаге – филиппинская кобра (*Naja philippinensis*), большинство смертных случаев вызваны ею. В фольклоре и мифологии, тем не менее, господствует сетчатый питон (*Python reticulatus*, или *Malayopython reticulatus*).

Сетчатые питоны принадлежат к классу водяных, они могут заплывать далеко в море, переплывать с острова на остров. Первоначальная среда их обитания – леса и болота, изобиловавшие в ЮВА, зоне влажных тропических лесов экваториального пояса. По мере сведения дождевых лесов для подсечно-огневого земледелия и других нужд человека питон приспособился к жизни во вторичных лесах и на культивируемых полях. Восприятие питона как «земноводного» существа типично для филиппинской мифологии, например в висайском бестиарии есть змея *walowo* (восемь-восемь), считается, что она поочередно проводит восемь дней на суше и восемь в море (Scott 1994: 116). Биологические особенности прототипов мифологических существ не определяют их образы, однако учитываются в их символических характеристиках.

В австронезийской, островной части ЮВА, откуда сетчатый питон родом, его кожу используют в народной медицине и шаманских практиках, кое-где держат дома. Это востребованный товар мировой торговли. Индонезия и Малайзия – основные поставщики кожи дикого питона; Вьетнам – главный центр разведения сетчатых питонов в неволе; на Филиппинах продажа кожи питона с 1986 г. запрещена (Kasterine et al. 2012).

Змея как охотник, добыча и конкурент

Первая моя встреча с сетчатым питоном произошла в начале 9-месячной стационарной полевой работы (1994–1995) в Ифугао – одной из горных провинций Северного Лусона. В феврале 1995 г. я записывала в Анао и Хингьоне похоронный *худхуд* – эпическое сказание, исполняемое во время ночных бдений при покойнике. Тело умершей переносили из деревни в деревню; каждую ночь женщины, сидя на земле вокруг «стула мертвых» с телом покойницы, пели *худхуд ди нате* – сказание мертвого (ПМА 1994–2020). В одну из этих ночей в соседнем свайном доме возник переполох: наверху заметались тени, мужчины кинулись туда, женщины тревожно переговаривались. Через некоторое время убитый питон метра три длиной был, ко всеобщему удовольствию, опущен на землю. Позже мы его съели.

Центральные Кордилеры, в которых живут *игороты* (горцы) Северного Лусона, заселены достаточно плотно. Тропические леса поредели за

последние сто лет и не образуют больше глухих непроходимых чащоб – поэтому питоны хоть и не вывелись, но имеют мало шансов вырасти в гигантов, охотящихся на человека. Однако в районе соседней горной цепи, Сьерра Мадре, такие еще есть. Все-таки недаром сетчатый питон – самая длинная и одна из трех самых массивных змей мировой фауны.

Антрополог Том Хэдланд, много лет работавший с агта, охотниками-собираателями района Паланан (северо-восток острова Лусон, Филиппины), в статье, написанной совместно с профессиональным герпетологом, приводит статистику нападений питонов на людей в Сьерра Мадре, включая смертельные случаи в результате нанесенных травм и даже случаи проглатывания детей и взрослых целиком⁴. Низкорослые грацильные агта по размерам не превышают животных, на которых нападают питоны (диких свиней, оленей). Авторы предполагают, что охотники и питоны издревле рассматривали друг друга как потенциальных жертв и конкурентов, поскольку охотились друг на друга и на одни и те же виды животных (Headland, Greeneb 2011).

Падре Альсина, автор одного из важнейших трудов по культуре архипелага, написанных в самом начале испанского завоевания, приводит подобные свидетельства: «Самая большая из них (змей. – *Авт.*) здесь зовется *sava*, хотя не ядовита и не убивает ядом, вырастает так, что проглатывает (что может быть убийственнее?) целиком кабана, оленя или человека, даже не ломая (жертве. – *Авт.*) костей, если ловит на лету». Альсина видел молодую самку питона, которую удалось убить и извлечь из нее годовалого кабана. Он подробно описывает устройство пасти с несколькими рядами зубов и приводит висайский фразеологизм для ситуации, из которой невозможно спастись, «как от питона» (*dawa dinagit sin sawa*) (Alcina 1668/2004: 166–169). Кобак и Гутьеррес, которые переиздали его работы в трех томах, с переводом (параллельные тексты на испанском и английском), поясняют в сноске, что питон, *sava*, *sawa*, может достигать 10 метров в длину и, по свидетельствам жителей острова Самар, охотится даже на водяных буйволов (180). В подтверждение дана ссылка на другие испанские источники. Альсина также передает содержание сказаний о питонах с острова Самар: в одной песне описывается, как питон проглотил ткачиху вместе с ее ткацким станком (169). Имеется в виду горизонтальный наспинный ткацкий станок, который одним концом крепился к поясу ткачихи, вторым – к неподвижной опоре; такой станок можно свернуть в рулон, однако и его длина достаточно велика.

Змея и человеческая телесность: обереги и неизгладимые знаки

Обереги: головные украшения, ожерелья, браслеты из хребта змеи

Согласно ранним источникам, самым известным и наиболее значимым украшением-оберегом в висайском регионе была *katagi*, «тяжелая золотая цепь, звенья которой сплетались так плотно, что она выглядела не как цепь, а скорее как так твердая извилистая золотая змея» (Scott 1994: 34). Золотые украшения, обилием которых славились доиспанские Филиппины, исчезли из бытования уже в раннеколониальные времена, однако «змеиные» украшения-обереги из других материалов не утратили своей важности по сей день.

В фондах МАЭ (Кунсткамера) РАН среди коллекций, привезенных автором из экспедиции 2008 г. к бонтокам (Северный Лусон), есть головное украшение из хребта змеи (МАЭ № 7398-8). Такое украшение или ожерелье из позвонков змеи традиционно считалось оберегом, защищающим от вредоносных духов, черной магии, отравления и удара молнии; женщины непременно надевали их, выходя из деревни. Пожилые женщины носят их и сегодня (рис. 1, 2).

Рис. 1. С доктором Лоренсом Ридом и Матакай (Иссо) Катай, вдовой его языкового помощника Пакуорана, в ее доме в деревне Гинаанг. Горная провинция, Филиппины. Фото племянницы Матакай. 2008

Рис. 2. Прохожие на улицах Бонтока, Горная провинция, Филиппины.
Фото М.В. Станюкович. 2008

Особо отметим связь змеи с прокреативной магией: по поверьям, украшение не только способствовало плодородию женщины, но и обеспечивало легкие роды (Rodgers 1985: 303, 335; Maramba 1998: 50). У этих же народов распространены подвески из крокодильих зубов, также имеющие магические функции, их носят мужчины: эта ипостась водного хтонического существа, смыкающаяся в мифологических представлениях других коренных народов Нусантары с женским существом – змеей-драконом (об этом чуть ниже), имеет на Филиппинах выраженные мужские, воинские, агрессивные свойства, в то время как змея здесь гендерно более амбивалентна.

Отдельно следует выделить *trabungko* – мифический чудодейственный камень, якобы добываемый из головы змеи и наделяющий его обладателя неуязвимостью и массой других магических свойств. Вопреки столь экзотическому происхождению, камень этот легко купить на базаре или в интернете. Трабунгко известен и под другими названиями: *tutya ng ahaz* (змеиная жемчужина/змеиный драгоценный камень), лунный камень, *pampaswerte* (приносящий удачу). О чудодейственных свойствах его говорит Альсина и другие ранние испанские хронисты, упоминает У.Г. Скотт. На острове Бохоль записаны нарративы о том, что у

Франсиско Дагохой, руководителя крупнейшего антииспанского восстания XVIII в., наряду с прочими амулетами, полученными от сверхъестественных существ, был и “*trabungko*”, который в данном случае описывается как «святящаяся жемчужина, которая позволяет владельцу видеть в кромешной тьме внутри пещер» (Misa 1970: 94, цит. по Kelly 2021). Мода на фольклоризм побуждает использовать эти поверья, часто достаточно вольно. Дж. Медросо, кинематографист родом из окрестностей города Давао (о. Минданао), в 2019 г. снял фильм, в котором представляет трабунго не как змеиный камень, а как гигантскую змею, а сам этот термин привязывает к названию своей деревни Тибунго (Revita 2019). Художник Р. Вего из провинции Антике, о. Панай, рисует камень трабунго, который «как звезда во лбу горит» не у змеи, а у ящерицы (From paintings to patadyong... 2021).

Змеиный мотив в татуировке, в орнаментации одежды и оружия

Основная функция змеи – апотропеическая. Изображение этого могучего существа, вытканное или вышитое на ткани, из которой сделана набедренная повязка, юбка, накидка, саван, как и описанное головное украшение из позвонков, оберегает живых от врагов, от порчи и т.д., а мертвых – от опасностей, подстерегающих душу в загробном мире. Изображение змеи на ножнах или рукоятке меча охраняет владельца, делает его оружие смертоносным для врагов. Татуировка в виде змеиной чешуи в определенном смысле превращает ее носителя в могучую змею и в эпического богатыря-оборотня.

У.Г. Скотт в книге «Барангай», написанной по материалам ранних испанских источников, отмечает, что у висайя, которые были столь обильно татуированы, что испанцы их называли *pintados* (раскрашенные), наколку в виде змеи и ящерицы надо было заслужить, проявив воинскую доблесть. Если же такую татуировку набивал себе человек, не отличившийся убийством или пленением врага, его презрительно именовали словом, обозначающим крупного черно-желтого варана, известного своей трусостью (Scott 1994: 20).

Змея в народной медицине

Змеи занимают почетное место в ряду афродизиаков наряду с плотью, кровью, гениталиями других животных, с *балутом* (утиные яйца с зародышами), моллюсками, насекомыми, наземными растениями и водорослями. Принципы наделения различных объектов свойствами афродизиаков в народной культуре различны – форма (ассоциация с репродуктивными органами), вкус (острые специи), консистенция, плодовитость (насекомые), сила. Змея подходит сюда по основополагающим параметрам: как сильное смертоносное животное, играющее большую роль в мифологии, как символ бессмертия (смена кожи), по ассоциации с мужским репродуктивным органом.

Змеиная кровь, как и кровь любого существа, сама по себе считается мощнейшей магической (а значит и целебной) субстанцией, несущей все свойства объекта, из которого извлечена. На Филиппинах гадание по внутренностям жертвенных животных, которое практиковалось раньше повсеместно и сохранилось до сих пор у коренных народов, основано в первую очередь на оценке наполненности желчного пузыря и вариантах его соположения с соседними органами. Общие принципы восприятия «змеиных материалов» едины и характерны, по-видимому, для всех культур, варьируя лишь в частности. Тем более это очевидно для островной ЮВА. Приведем таблицу из работы индонезийских исследователей, которые обращаются к народным верованиям с целью найти и протестировать снадобья и их действия научными методами.

**Использование питона для медицинских целей в Индонезии
(Zulkarnain, Sholikhah, Dewi et al 2021: 4)⁵**

Название вида	Местное наименование	Часть тела	Как использовать	Действие	Место/ регион
<i>Python reticulatus</i>	Piton	Кожа	Масло на основе сушеной кожи наносится на пораженные участки тела	Лечит кожные болезни, потницу, ожоги, аллергию	Пайнан (Западная Суматра)
<i>Python reticulatus</i>	Piton	Мясо и кожа	Нет объяснений	Делает кожу гладкой, лечит ожоги, экземы, язвы, прыщи, удаляет черные пятна	Пасаман (Западная Суматра)
<i>Python reticulatus</i>	Piton	Желчный пузырь	Нет объяснений	Лечит разные болезни	Западный Калиманган
<i>Python reticulatus</i>	Sanca	1. Свежая кровь, желчный пузырь, костный мозг 2. Сушеный желчный пузырь	Перорально (пить). Пить/проглатить	Лечит кожные болезни, импотенцию, диабет, печень, плохое зрение, болезни сердца, астму, кровяное давление. Снижает уровень токсинов в теле и лечит астму	Большая Джакарта
–	Ular piton	Желчный пузырь	Съесть	Малярийная лихорадка	Западный Сулавеси
<i>Malayopython reticulatus</i>	Ular sawo	Желчный пузырь	Желчный пузырь смешать с небольшим количеством воды, выпить	Внутренняя лихорадка <Ощущение жара при нормальной температуре. – <i>Ает.</i> >	Риау (племя anak dalam) <кубу. – <i>Ает.</i> >

На Филиппинах мы наблюдаем очень близкую картину, что не удивительно ввиду общности, неспецифичности подобных представлений. Так, Падре Альсина еще в XVII в. отмечает со слов висайя «экскременты питона целебны» (Alcina 1668/2004: 180).

Змея в кругу семьи: змея-близнец, или Alter ego

Согласно ранним испанским письменным свидетельствам, филиппинцы считали змей посланниками предков либо собственно духами предков, которые приняли материальную змеиную форму, чтобы охранять потомков. Эти представления широко распространены в южном полушарии. В лучшем компендиуме ранних испанских источников сказано, что змеи-духи предков носили название *umalagad*, от основы *alagad*, «помощник», их воспринимали как охранителей, гарантов благополучия, вызывали во время земледельческих обрядов, именно им висайя в первую очередь приносили жертвы; считалось, что их присутствие необходимо во время морских путешествий, иногда в качестве таких охранителей на борт брали питонов (Scott 1994: 80–81). «В самом деле некоторые из них, говорят, рождались как змеиные близнецы, из той же утробы что и человек, которого они были призваны охранять» (81). Представление о том, что у человека может быть ‘близнец-змея’ (*kambal-ahas*), до сих пор существует у многих народов Филиппин. Считается, что человеческий младенец и его близнец-змея рождаются одновременно от одной матери, змеиный близнец неразлучен с младенцем, наделяет его/ее магическими силами и сам является гарантом здоровья, богатства, благополучия всей семьи. Наиболее полное описание этого поверья содержится в статье Е. Рудольфа, который приводит около тридцати случаев. Часть рассказов получена от информантов, утверждавших, что они сами имели близнеца-змея, часть – от членов их семей; рассмотрены и старые газетные публикации об аналогичных случаях. Фабула нарратива едина: вместе с ребенком рождается змея-близнец, семья в ужасе, однако повитуха или местный целитель объясняет, что змею трогать нельзя, она не повредит младенцу, а, напротив, наделит его даром целительства и принесет семье материальное благосостояние. Во всех описанных случаях семья христианская, часто родители – учителя. Если змею все-таки убивают вскоре после рождения, младенец немедленно умирает вслед за ней. Если же оба благополучно вырастают, человеческий близнец становится *tawak*, приобретает дар исцелять от змеиного яда. В рассказах всегда подчеркивается глубокая эмоциональная связь между близнецами. Если змею ранят или заставляют уйти (обычно другие члены семьи), человеческий близнец тяжело болеет, однако по выздоровлении сохраняет умение излечивать от укусов своей слюной, а также призывать змей на защиту в критической ситуации. Данные о таких нарративах собраны со всей территории архипелага, от юга до севера (Rudolph 1988: 45–77).

У.Г. Скотт приводит свидетельство Падре Альсины о том, что одна из его прихожанок родила близнецов, одним из которых был крокодил. Испуганные родители переезжали, чтобы избавиться от него, но подросток крокодил находил их и приносил им добычу – дикую свинью, оленя или крупную рыбу. Этот рассказ Альсина слышал непосредственно от родителей близнецов, «образцовых и потому достойных доверия христиан», и считал достоверным (Scott 1994: 115).

Характеристики и функции змеи (питона) и крокодила в мифологии очень близки, это могучие существа, связанные с землей и водой; представления о возможности существования близнеца-крокодила, если они и были распространены (других свидетельств пока не найдено), остались в прошлом, в отличие от поверий, связанных со змеей, которые демонстрируют устойчивость.

Пресмыкающийся близнец обеспечивает благополучие своего человеческого брата или сестры и всей семьи, ибо связан с духами предков.

Змея в ритуале и в повествовательном фольклоре

Оборотничество; змея, шаман и шаманские инструменты

Оборотничество и посредничество между людьми и духами часто связано с опасными животными местной фауны. В Европе оборотень превращается в волка, в Южной Азии, Индокитае, Индонезии, у аборигенов Малаккского полуострова шаман и герой превращаются в тигра или змею. Помимо Филиппин автор участвовал в экспедициях к бахнарическим народам Камбоджи (ПМА 2015–2023); в 2015 г. в числе опрошенных тампуанских шаманов был Сарыен, по всеобщему мнению, самый сильный шаман, который может превращаться в тигра. На Филиппинах же героический персонаж может стать крокодилом или питоном⁶.

Змеиная кожа используется для ритуальных музыкальных инструментов. Небольшие деревянные (ранее – глиняные) барабаны, обтянутые кожей питона или варана, распространенные в Камбодже, имеют обрядовое значение – первоначальное их употребление связано с музыкой *пхленг ареак*, которая исполняется специальными небольшими ансамблями во время медиумических обрядов (*ареак* ‘дух, призрак’) и представляет собой своеобразное «музыкальное приношение» призываемому духу. Исследователи ритуала и шаманства не-ханьских народов Южного Китая, относящихся к семьям, представленным в ЮВА, отмечают важность их контактов с дайцами (Dai), говорящими на тайском языке и живущими в Бирме, Вьетнаме, Лаосе и Таиланде. Они знамениты ритуальными павлиньими танцами под звук барабанов с мембраной из кожи питона. Исследователи наскальных рисунков Южного Китая считают, что эти петроглифы отражают доземледельческие представления о том, что

шаман, впадая в транс во время танца, борется с враждебными духами с помощью духов буйвола и питона, с которыми он говорит на общем для всех трех сакральном языке (Dambricourt-Malassé et al. 2019).

Шаманки коренного народа манобо острова Минданао, Филиппины, вызывают дух старухи-питоники, живущей в реке, в диагностических обрядах (Cruz-Lucero 1994).

Змея и дракон

В мифологии ЮВА водяная змея и дракон часто взаимозаменяемы. У некоторых народов континентальной части региона термин для дракона заимствован из китайского, например вьетнамск. *rong* от кит. *lung*. Однако гораздо шире, почти на всей территории ЮВА, для мифологических змей и драконов, даже для отчетливо признаваемых как китайские, используется санскритский термин *naḡa*. В замечательной книге «Птицаносорог и дракон» Б. Селлато отмечает, что китайский дракон – мужской символ, но на Борнео это определено женское божество. Даяки нгаджу называют его «женственная Ята с золотой дверью». Она связана с землей, водой, особенно с первозданным океаном, с бурями и молнией. Богиня-дракон дает людям защиту в повседневной жизни, обеспечивает плодородие сельскохозяйственных культур и человека, охраняет мертвых, обеспечивает их переход из мира живых в мир мертвых. Ее изображают буквально на всех предметах, от кухонной утвари до надгробий, и особенно на символических и реальных лодках. Ибаны и барито изображают богиню как вытянутое змееподобное существо, с ногами или без, а в изображениях кеня упор делается на сильно закрученные спиралевидные рога, когти и хвост. Мотив часто сокращается до изображения головы: чудовищная морда с высунутым языком. Однако на повседневных предметах дракона изображают в скорченном положении и называют *aso*, собака (австронезийское слово), так как произносить имя богини опасно (Sellato 1992: 44). Цепочка переходящих один в другой образов змеи и собаки прослеживается и на юге Филиппин (Станюкович 2021; Stanyukovich 2023). Кайяны Борнео верят, что очень старые питоны и кобры превращаются в драконов, *langunan* (Sellato 1992: 44).

Мифологические существа, которые в современной популярной филиппинской литературе именуются драконами (Бакунава, Ибинган и др.), традиционно считались водяными змеями-питонами.

Специфика фольклорных жанров

Для целей данного исследования подходят не все виды фольклора. Лирические песни, любовная поэзия, паремии для нашей темы бесполезны. Например, идиомы, характеризующие человека «в животных терминах», носят в основном негативный характер. Это не специфично для

Филиппин. Здесь важны не столько свойства того или иного животного, сколько противопоставление человек – животное. Исследование тагальской фразеологии показывает лишь 8% позитивных коннотаций (Klimentko 2010). Идиомы со словом «змея» (а также собака, кошка и крокодил) используются для характеристики предателя (*ahas na tulog* – спящая змея, *ahas sa damo* – змея в траве и др.), бедняка (наряду с червяком, мышью, крысой) и, что особенно интересно, человека неопрятного, не убирающего за собой одежду (*parang ahas kung saan nagpalit ng balat dun lang iiwan* – как змея, где кожу сбросит, там и оставит) (10, 11, 19). Что касается идиом именно со словом «питон», они обозначают предателя в словосочетании «змея питон» (*ahas na sawa*), а отдельно – прилипалу, человека несамостоятельного, назойливо цепляющегося за кого-то (*parang sawa* – как питон) (Ibid 28). Очевидно, что все это очень далеко от традиционных мифологических представлений. Такова специфика фольклорных жанров: одни и те же образы, темы, сюжеты трактуются в разных жанрах фольклора одного народа по-разному.

Еще раз о питонах филиппинского эпоса и мифологии

На Филиппинах, где нет ни львов, ни тигров, ни волков-гиен-шакалов, самые грозные хищники, равно опасные в воде и на суше, – питон и крокодил, они же символы мужества и воинской доблести. У иболоев Северного Лусона есть танец биндиан, ритуал с тем же названием и эпический герой Биндиан, взявший в жены питоницу. Сейчас *биндиан* – название хоровода, исполняемого на празднествах Горной провинции Северного Лусона. Прежде это была победная пляска, часть обряда по случаю захвата головы врага (горцы Центральных Кордильер до середины XX в. сохраняли обычай охоты за головами, который когда-то практиковали все австронезийцы). Потом обряд и танец стали проводить в целительных целях, приурочивать его к сбору урожая, совершать для благосостояния и здоровья, в частности, пожилого пожилого члена семьи. Такой функциональный переход совершенно естественен: трофейная голова – вместилище маны, она приносит жизненную силу, плодородие. Близость кругового танца иболоев и ритуального танца висайских шаманок, имитирующего движения питона, подтверждается совпадением его названия с именем ибалойского эпического героя.

Биндиан слышит голос, призывающий его спасти богиню Буган от жестокого Кабуниана, бога Небесного мира. В сражении Кабуниан отсекает Биндиану голову, голова попадает в руки Буган и просит ее оживить себя. Буган соглашается при условии, что Биндиан поразит ее мечом; от этого удара богиня умирает, но тут же оживает. Кабуниан гонится за ними, посылая с неба огонь, камни, кипящую воду и пепел. Биндиан просит пощады, она дарована, но Буган исчезает и становится водопадом. Ползущая за героем питоница обращается в женщину, относит героя в пещеру. Биндиан женится на ней, но совершает жертвоприношения в надежде, что Буган когда-нибудь вернется (Busoy 1948, цит. по Manuel 1963: 26).

Эпические герои, превращающиеся в питона, и подобные персонажи встречаются и в сказаниях других горцев Кордильер, например итнегов (Ingel, Abaya 2015). К своему главному эпическому герою по имени Банна, который мог превращаться в питона и вручил свою змеиную кожу суженой в качестве свадебного подарка, современные калинга возводят происхождение змеиного мотива в татуировке (Salvador-Amores 2013: 68).

Этимология имени Бакунава мифической морской змеи – согнутый питон: *ba(ŋ)kuq + *sawa* (Blust, Trussel). В сказаниях разных групп висайя эта змея выступает как поглотительница Луны, причина затмений; красивая девушка, в наказание за пожирание шести Лун превращенная в змею; иногда Бакунава представлена просто играющей с Луной, как с мячиком (Cabrega 2012: 12–13).

В эпосе биколов (юг о. Лусон) побежденная героем змея Ибинган, красная, огромная, ядовитая, также соединяет черты морской змеи и питона. На спине у нее плавник, она сторожит вход в пещеру, в которой живут водяные духи и морские девы, но непрошенных гостей убивает не ядом, а ударом хвоста (Espinas 1996). Орьоль, обольстительная девушка-змея с чарующим голосом из того же бикольского эпоса, – тоже питон. Из противницы она превращается в соратницу и возлюбленную героя (Станюкович 2010).

Шаманский ритуал с обращением к женщине-питону зафиксирован у манобо, анимистов внутренних районов о. Минданао. По преданию, когда-то духи превратили в питона старую женщину, и в этом обличии она с тех пор живет на реке (мотив «умершие превращаются в змей»). Шаманки обращаются к ней с ритуальными напевами, присутствующие отвечают им хором. После седьмой перемены дух старухи-питоники входит в шаманку, она впадает в транс и через нее питониха вступает с присутствующими в песенный диалог, определяя, например, причину болезни (Cruz-Lucero 1994).

Заключение

Под поздними индуистскими, буддийскими и христианскими напластованиями в ЮВА сохраняются древнейшие мифологические представления. На Филиппинах, в ее наименее индианизированной части, они сохранились лучше, особенно у коренных народов. Филиппинская мифологическая змея – в первую очередь питон, «австронезийская прототипическая змея», как ее определяют специалисты по исторической лингвистике. Именно питон несет функции символа и источника плодородия и бессмертия (возрождения). Как и его реальный прототип, сетчатый питон, относящийся к классу водяных питонов, связан с землей и водой. Мифологический питон связан с подводным и подземным миром, источником душ (души предков перерождаются в потомков) и богатств (в том

числе драгоценностей, которые змеей может стеречь в пещере), с миром умерших предков, которые, согласно поверьям, могут превращаться в змей, помогать шаманам, связывая их с духами предков, приходиться к потомкам в физическом обличи змеи. До наших дней сохранились поверья о змеях-близнецах обычных людей, которые несут охранительную функцию, обеспечивают здоровье и благосостояние семьи. Змея, в первую очередь питон, выступает как соперник, союзник, помощник и защитник в мире духов, источник целительной магии. Змеиная кровь, кожа, кости, внутренние органы считаются лекарственными средствами, обеспечивают плодородие, могут служить амулетами, защищающими от опасностей разного рода; ту же функцию несут изображения змеи в татуировке, ткачестве, резьбе по дереву и пр. В эпосе и мифологии австронезийских коренных народов мотивы змеборства сосуществуют с мотивами оборотничества, питон в женской или мужской ипостаси представлен как соратник, герой или возлюбленная/жена героя.

Представляется, что ослабление роли питона *sawa* в Юго-Восточной Азии связано именно с индианизацией, в ходе которой «местного» питона потеснила «пришлая» кобра – сначала в народных представлениях, а впоследствии – в интерпретациях исследователей, зачарованных ее санскритским именем *naga*.

Примечания

¹ Благодарю за ценные замечания Е.В. Ревуненкову, А.Г. Козинцева, А.К. Касаткину и членов ее открытого семинара по древнеяванскому языку С.Ю. Дмитренко, А.А. Зорина и М.В. Фролову. За все недочеты ответственность несет автор.

² Это не единственная, но наиболее распространенная теория происхождения и расселения австронезийских народов, см., например (Bellwood et al. 1995: 113).

³ Не путать с *sawah*, ‘рисовое поле’ в древнеяванском и современных малайском и яванских, это рефлекс другого этимона, *sabaq (https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_s1.htm#31341).

⁴ В индонезийских газетах встречаются извещения об аналогичных случаях, см. напр. (8-meter python 2018).

⁵ Мы приводим всю таблицу, кроме сносок на литературу, содержащихся в последнем столбце.

⁶ О шамане и тигре в Индонезии см. (Ревуненкова 1980: 117, 145; Фролова 2022: 45–46, 104, 107).

Список источников

ПМА 1994–2020 – Полевые материалы автора по Филиппинам.

ПМА 2015–2023 – Полевые материалы автора по Камбодже.

Альбедиль М.Ф. Змея в индийской традиционной культуре: совпадение противоположностей // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 152–164.

Опись коллекции МАЭ № 7398. Время поступления: 2008 г. Собираатель: Станюкович Мария Владимировна. Время сбора: февраль–март 2008 г. Народ: бонтоки. Местность: Филиппины (Муниципалитет Бонток, остров Лусон). Состав коллекции: Предметы быта и культа. Кол-во №№: 37 (тридцать семь) номеров, количество предметов

- коллекции: 54 (пятьдесят четыре) единицы хранения. МАЭ № 7398-8. Головное украшение из скелета змеи. С. 8.
- Ревуненкова Е.В.* Народы Малайзии и западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М.: Наука, 1980.
- Ревуненкова Е.В.* Индонезия и Малайзия – перекресток культур: сборник статей / под ред. М.В. Станюкович, А.К. Касаткиной. СПб.: МАЭ РАН, 2010. (Маклаевский сборник. Вып. 2)
- Станюкович М.В.* Филиппинский эпос и связанные с ним искусственные конструкции // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Петрозаводск, 2010. С. 156–164.
- Станюкович М.В.* Собака в культуре филиппинцев и других австронезийцев: этнография, лингвистика, мифология, ритуал // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 27–52.
- Старостина А.Б.* К вопросу о происхождении легенд о Мелюзине и Белой змее // Шаги/Steps. 2023. Т. 9, № 3. С. 87–107.
- Теселкин А.С.* Древнеяванский язык (кави). М.: Изд-во вост. лит., 1963.
- Фролова М.В.* Фольклор индонезийских островов: архаика и современность. М.: Ключ-С, 2022.
- 8-meter python 2018 – 8-meter python slain after swallowing woman in Southeast Sulawesi // The Jakarta Post. URL: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/06/16/8-meter-python-slain-after-swallowing-woman-in-southeast-sulawesi.html> (дата обращения: 14.02.2024).
- Alcina I.F., S.J.* Historia de las islas e indios de Bisayas... 1668. History of the Bisayan people in the Philippine Islands. Evangelization and culture at the contact period / transl., ed. and annotated by C.J. Kobak, O.F.M., L. Gutiérrez, O.P. Pt. 1, B. 2, vol. II. Manila: UST, 2004.
- Bellwood P., Fox J.J., Trion D. (eds.)* The Austronesians: Historical and Comparative Perspectives. Canberra: Research school of Pacific and Asian Studies, Australian National University, 1995.
- Blust R.* The History of Faunal Terms in Austronesian Languages // Oceanic Linguistics. 2002. Vol. 41, No. 1. P. 89–139.
- Blust R., Trussel S.* Austronesian Comparative Dictionary. URL: https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_s1.htm#30776 (дата обращения: 26.02.2024).
- Busoy M.* Notes on the Literature of the Ibaloyos. Ibaloy text with a line by line English translation in verse. MS, 102 l., 1948.
- Cabrera J.R.* Eclipse: The story behind the Bakunawa myth // Philippine Journal of Astronomy. 2012. Vol. 5 (1). P. 12–13.
- Chamberlain J.* The word for ‘snake’ in Thëmarou, Bolyu, Bit, Kra, Jiamao, and Oceanic: A Lapita Connection? // Journal of Research Institute. Kobe City Univ. of Foreign Studies. Vol. 60. Topics in Middle Mekong Linguistics. 2019. P. 1–38.
- Chotrani C.C.* Discuss the function of personal ornaments of the head hunting tribes of Northern Luzon, Philippines. Southeast Asian Module – Post Graduate Diploma in Asian Art. School of Oriental and African Studies. University of London, 2015.
- Churchill M.H.* Indian Penetration of Pre-Spanish Philippines: A New Look at the Evidence // Asian Studies 1977. Vol. 15. P. 21–45.
- Cruz-Lucero R.* Livunganen-Arumanen Manobo // CCP Encyclopedia of Philippine Art. Digital Edition. 1994. Upd. by L.J.I.R. Sonido (2018) and G.A. Campoamor II (2021). URL: <https://www.yodisphere.com/2022/09/Livunganen-Arumanen-Manobo-Tribe-Culture.html>
- Dambricourt-Malassé A., Bo Cao, Qian Sheng You, Pu Zhang.* Agro-pastoral rituals and shaman dances of Dahongyan rock painting, Guizhou, Southwestern China, new investigations // Quaternary International. 2019. Vol. 507. P. 43–52.
- Espinas B.M.* Ibalong. The Bikol Folk epic fragment. Manila: University of Santa Tomas Publishing House, 1996.
- Francisco J.* The Philippines and India: essays in ancient cultural relations. Manila: National Book Store, 1971.

- From paintings to patadyong: The rich cultural tapestry of Antique then and now Lito B. Zulueta | 2021. URL: <https://news2.abs-cbn.com/ancx/culture/art/10/17/21/the-rich-cultural-tapestry-of-antique-then-and-now>
- Headland T.N., Greeneb H.W.* Hunter-gatherers and other primates as prey, predators, and competitors of snakes // Proceedings of the Nat. Acad. of Sci. of the USA. December 27, 2011. Vol. 108, No. 52. P. E1470–E1474.
- Ingel M.L.L., Abaya E.C.* Cultural scenarios in the Itneg-Iloko Sung Narratives of Tata Lucio // AghamTao. 2015. Vol. 24. P. 1–21.
- Jocano F.L.* Filipino Prehistory: Rediscovering Precolonial Heritage. Quezon City: Punlad Research House, Inc., 2001.
- Kasterine A., Arbeid R., Caillabet O., Natusch D.* The Trade in South-East Asian Python Skins. International Trade Centre. 2012. Geneva.
- Kelly P.* Notes on the Philippines. URL: https://www.academia.edu/8970640/2021_Notes_on_the_Philippines (дата обращения: 14.06.2024).
- Klimenko S.B.* Speaking about Humans in Animal Terms: Animal Metaphors in Tagalog. Lingg270 Ethnolinguistics Term Paper. University of the Philippines, Diliman. 2010 (MS).
- Leviton A.E., Siler C.D., Weinell J.L., Brown R.M.* Synopsis of the Snakes of the Philippines. A Synthesis of Data from Biodiversity Repositories, Field Studies, and the Literature // Proceedings of the California Academy of Sciences. Series 4. 2018. Vol. 64, No. 14. P. 399–568.
- Manuel E.A.* A Survey of Philippine Folk Epics // Asian Folklore Studies. Nanzan Univ. 1963. Vol. 22. P. 1–76.
- Maramba R.* Form and Splendor: Personal Adornment of Northern Luzon Ethnic Groups, Philippines. Exhibition Catalog. Manila: Metropolitan Museum, 1998.
- Marcaida D. Jr.* Bicol Dictionary in English. LAP Lambert Academic Publishing, 2020.
- Misa S.N.* The life and struggle of Francisco Dagohoy: A historical and cultural heritage to the Filipino people, University of Bohol, Tagbilaran. Thesis MS, 1970.
- Orlina R.* Epigraphical evidence for the cult of Mahāpratisarā in the Philippines // Journal of the International Association of Buddhist Studies (JIABS). 2012 (2013). Vol. 35, No. 1–2. P. 159–169.
- Revita J.C.* Trabungko myth inspires film. Dec 01, 2019. URL: <https://www.sunstar.com.ph/davao/local-news/trabungko-myth-inspires-film>
- Rodgers S.* Power and Gold: Jewelry from Indonesia, Malaysia, and the Philippines. Geneva: The Barbier-Mueller Museum, 1995.
- Rudolph E.* The snake-twins of the Philippines: observations on the alter-ego complex // Philippine Quarterly of Culture and Society. March 1988. Vol. 16, No. 1. P. 45–77.
- Salvador-Amores A.V.* Tapping ink, tattooing identities. Tradition and modernity in contemporary Kalinga society, North Luzon, Philippines. Univ. of the Philippines Press, Diliman, Quezon City; Cordillera Studies Centre, Univ. of the Philippines, Baguio, 2013.
- Scott W.H.* Barangay. Sixteenth-Century Philippine Culture and Society. Quezon City: Ateneo de Manila Univ. Press, 1994.
- Sellato B.* Hornbill and Dragon: Arts and Culture of Borneo. Sun Tree Publishing, S'pore (second edition). 1992.
- Stanyukovich M.V.* Dog in Philippine life, ritual and creation myths: in a spirit of hunting // Dogs, Past and Present: an Interdisciplinary Perspective. Archaeopress, 2023. P. 418–433.
- Waterson R.* The Living House: An Anthropology of Architecture in South East Asia. New York: Whitney Library of Design Press, 1998.
URL: https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_s1.htm#31341
- Yulianto Y.* The Evolution of Shape and Meaning in Vernacular Architecture: A Case Study of Gorga Woodcarving Motifs in Toba Batak Houses // Conf. Proc. of 2nd Intern. Nusantara Cultural Heritage Symposium. 2017.
- Zoetmulder P.* Old Javanese-English Dictionary. 1982. URL: <http://sealang.net/ojed/>
- Zulkarnain Z., Sholikhah I.Y.M., Dewi T.F.* Efficacy and safety in consuming python bile: a literature study // 2021 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 637 012019. 9 p.

References

- 8-meter python 2018 – 8-meter python slain after swallowing woman in Southeast Sulawesi. *The Jakarta Post*. Available at: <https://www.thejakartapost.com/news/2018/06/16/8-meter-python-slain-after-swallowing-woman-in-southeast-sulawesi.html> (Accessed 14 February 2024).
- Albedil M.F. (2012) Zmeia v indijskoy traditsionnoy kul'ture: sovpadeniye protivopozhnostey [Snake in Indian traditional culture: coincidence of opposites]. In: *Bestiariy II. Zoomorfizmy Azii: dvizheniye vo vremeni* [Bestiary II. Asian zoomorphisms: movement in time]. St. Petersburg, MAE RAS, pp. 152–164.
- Alcina I.F., S.J. (1668/2004) *Historia de las islas e indios de Bisayas... 1668. History of the Bisayan people in the Philippine Islands. Evangelization and culture at the contact period*. Transl., ed and annot. by C.J. Kobak, O.F.M., and L. Gutiérrez, O.P. Pt 1, B. 2, vol. II. Manila: UST.
- Bellwood et al. (1995) *The Austronesians: Historical and Comparative Perspectives*. Ed. by Peter Bellwood, James J. Fox, and Darrel Trion. Canberra: Research school of Pacific and Asian Studies, Australian National University.
- Blust R. (2002) The History of Faunal Terms in Austronesian Languages. *Oceanic Linguistics*, vol. 41, no. 1, pp. 89–139.
- Blust R., Trussel S. *Austronesian Comparative Dictionary*. Available at: https://www.trussel2.com/ACD/acd-s_s1.htm#30776 (data obrashcheniia: 26.02.2024).
- Busoy M. (1948) *Notes on the Literature of the Ibalays. Ibaloy text with a line by line English translation in verse*. MS, 102 l.
- Cabrera J.R. (2012) Eclipse: The story behind the Bakunawa myth. *Philippine Journal of Astronomy*, vol. 5 (1), pp. 12–13.
- Chamberlain J. (2019) The word for 'snake' in Thémároú, Bolyu, Bit, Kra, Jiamao, and Oceanic: A Lapita Connection? *Journal of Research Institute*. Kobe City Univ. of Foreign Studies. Vol. 60. Topics in Middle Mekong Linguistics. pp. 1–38.
- Chotrani C. C. (2015) Discuss the function of personal ornaments of the head hunting tribes of Northern Luzon, Philippines. Southeast Asian Module. Post Grad. Diploma in Asian Art. School of Oriental and African Studies, Univ. of London.
- Churchill M. H. (1977) Indian Penetration of Pre-Spanish Philippines: A New Look at the Evidence. *Asian Studies*, vol. 15, pp. 21–45.
- Cruz-Lucero R. (1994) Livunganen-Arumanen Manobo. *CCP Encyclopedia of Philippine Art*. Digital Edition. Upd. by L. J.I.R. Sonido (2018) and G. A. Campoamor II (2021). Available at: <https://www.yodisphere.com/2022/09/Livunganen-Arumanen-Manobo-Tribe-Culture.html>
- Dambricourt-Malassé A., Bo Cao, Qian Sheng You, Pu Zhang (2019) Agro-pastoral rituals and shaman dances of Dahongyan rock painting, Guizhou, Southwestern China, new investigations. *Quaternary international*, vol. 507, pp. 43–52.
- Espinás B.M. (1996) Ibalong. The Bikol Folk epic fragment. UST, Manila.
- Francisco J. (1971) *The Philippines and India: essays in ancient cultural relations*. Manila. Nat. Book Store.
- Frolova M. (2022) *Folklor indonezijskikh ostrovov: arkhaika i sovremennost'* [Folk-lore of the islands of Indonesia: archaic and modern]. Klyuch-C. Moscow.
- From paintings to patadyong: The rich cultural tapestry of Antique then and now* Lito B. Zulueta. 2021. Available at: <https://news2.abs-cbn.com/ancx/culture/art/10/17/21/the-rich-cultural-tapestry-of-antique-then-and-now>
- Headland T.N., Greenb H.W. (2011) Hunter-gatherers and other primates as prey, predators, and competitors of snakes. *Proceedings of the Nat. Acad. of Sci. of the USA*, vol. 108, no. 52, pp. E1470–E1474.
- Ingel M.L.I., Abaya E.C. (2015) Cultural scenarios in the Itneg-Iloko Sung Narratives of Tata Lucio. *AghamTao*, vol. 24, pp. 1–21.
- Inventory of the MAE collection № 7398. Date of receipt: 2008. Collector: Maria Vladimirovna Stanyukovich. Collection time: February–March 2008. People: Bontoc. Locality:

- Philippines (Bontoc Municipality, Luzon Island). Collection composition: Household and religious items. Number of №№: 37 (thirty-seven) numbers, number of collection items: 54 (fifty-four) storage units. MAE № 7398-8. P. 8.
- Jocano F.L. (2001). *Filipino Prehistory: Rediscovering Precolonial Heritage*. Quezon City: Punlad Research House, Inc. 2001.
- Kasterine A., Arbeid R., Caillabet O., Natusch D. (2012) *The Trade in South-East Asian Python Skins*. International Trade Centre. Geneva.
- Kelly P. *Notes on the Philippines*. Available at: https://www.academia.edu/8970640/2021_Notes_on_the_Philippines (Accessed 14 June 2024).
- Klimenko S.B. (2010) Speaking about Humans in Animal Terms: Animal Metaphors in Tagalog. Lingg270 Ethnolinguistics Term Paper. University of the Philippines, Diliman. 2010 (MS).
- Leviton A.E., Siler C.D., Weinell J.L., Brown R.M. (2018) Synopsis of the Snakes of the Philippines. A Synthesis of Data from Biodiversity Repositories, Field Studies, and the Literature. *Proceedings of the Calif. Acad. of Sci.*, ser. 4, vol. 64, no. 14, pp. 399–568.
- Manuel E.A. (1963) A Survey of Philippine Folk Epics. *Asian Folklore Studies*. Nanzan Univ. Vol. 22. pp. 1–76.
- Maramba R. (1998) *Form and Splendor: Personal Adornment of Northern Luzon Ethnic Groups, Philippines*. Exhibition Catalog. Metropolitan Museum, Manila.
- Marcanda D.Jr. (2020) *Bicol Dictionary in English*. LAP Lambert Academic Publishing.
- Misa S.N. (1970). The life and struggle of Francisco Dagohoy: A historical and cultural heritage to the Filipino people. University of Bohol, Tagbilaran. Thesis MS.
- Orlina R. (2012-13) Epigraphical evidence for the cult of Mahāpratisarā in the Philippines. *Journ. of the Internat. Assoc. of Buddhist Studies (JIABS)*, vol. 35, no. 1–2, pp. 159–169.
- PMA 1994–2020 – The author’s field materials on the Philippines.
- PMA 2015–2023 – The author’s field materials on Cambodia.
- Revita J.C. (2019) *Trabungko myth inspires film*. Dec 01. Available at: <https://www.sunstar.com.ph/davao/local-news/trabungko-myth-inspires-film>
- Revunenкова E.V. (1980). *Narody Malayzii i zapadnoy Indonezii (nekotoryye aspekty dukhovnoy kul'tury)* [The peoples of Malaysia and Western Indonesia (Some aspects of spiritual culture)]. Moscow: Nauka.
- Revunenкова E.V. (2010). *Indoneziia i Malayziya – perekriostok kultur* [Indonesia and Malaysia – Crossroads of Cultures]. Collection of papers. Ed. by M.V. Stanyukovich and A. K. Kasatkina. (Maklay Publications. Issue 2). St. Petersburg, MAE RAS.
- Rodgers S. (1995) *Power and Gold: Jewelry from Indonesia, Malaysia, and the Philippines*. The Barbier-Mueller Museum. Geneva.
- Rudolph E. (1988). The snake-twins of the Philippines: observations on the alter-ego complex. *Philippine Quarterly of Culture and Society*, vol. 16, no. 1. Univ. of San Carlos Publ., Cebu, Philippines. pp. 45–77.
- Salvador-Amores A.V. (2013) *Tapping ink, tattooing identities. Tradition and modernity in contemporary Kalinga society, North Luzon, Philippines*. Univ. of the Philippines Press, Diliman, Quezon City; Cordillera Studies Centre, Univ. of the Philippines, Baguio.
- Scott W.H. (1994) *Barangay. Sixteenth-Century Philippine Culture and Society*. Quezon City: Ateneo de Manila Univ. Press.
- Sellato B. (1992). *Hornbill and Dragon: Arts and Culture of Borneo*. Sun Tree Publishing, S'pore (second edition).
- Stanyukovich M.V. (2010) Filippinskiy epos i sviazannyye s nim iskustvenniye konstruksii [Philippine epics and artificial constructions linked to it]. “Kalevala” v kontexte regional'noy i mirovoy kul'tury [“Kalevala” in the context of regional and world culture]. Petrozavodsk. pp. 156–164.
- Stanyukovich M.V. (2021) Sobaka v kul'ture filippintsev i drugikh avstroneziitsev: Etnografiia, lingvistika, mifologiia, ritual [Dog in the culture of the Filipinos and other Austronesians: Ethnography, linguistics, mythology, ritual]. *Etnografiia*, no. 3 (13), pp. 27–52.

- Stanyukovich M.V. (2023) Dog in Philippine life, ritual and creation myths: in a spirit of hunting. *Dogs, Past and Present: an Interdisciplinary Perspective*. I. Fiore, F. Lugli (Eds.) Archaeopress. pp. 418–433.
- Starostina A.B. (2023). К вопросу о происхождении легенд о Мелюзине и Белой змее [On the question of the origin of legends about Melusine and Madame White Snake]. *Shagi/Steps*, no. 9 (3), pp. 87–107.
- Tesyolkin A.S. (1963). *Drevneyavanskiy yazyk (kavi)* [Old Javanese language (Kavi)]. Moscow, Izd. Vost. Lit.
- Waterson R. (1998) *The Living House: An Anthropology of Architecture in South East Asia*. Whitney Library of Design Press. New York.
- Yulianto Y. (2017) The Evolution of Shape and Meaning in Vernacular Architecture: A Case Study of Gorga Woodcarving Motifs in Toba Batak Houses. *Conf. Proc. of 2nd Intern. Nusantara Cultural Heritage Symposium*.
- Zoetmulder P. (1982) *Old Javanese-English Dictionary*. Available at: <http://sealang.net/ojed/>
- Zulkarnain Z., Sholikhah I.Y.M., Dewi T.F. (2021). Efficacy and safety in consuming python bile: a literature study. *IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci.* 637 012019, 9 p.

Сведения об авторе:

СТАНЮКОВИЧ Мария Владимировна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом Австралии, Океании и Индонезии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: mstan@kunstkamera.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maria V. Stanyukovich, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: mstan@kunstkamera.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 20 июня 2024;
принята к публикации 28 августа 2024.*

*The article was submitted 20.06.2024;
accepted for publication 28.08.2024.*

Научная статья
УДК 398.3
doi: 10.17223/2312461X/45/2

Эпическая традиция в цифре: опыт машинного анализа записей шорского героического эпоса

Дмитрий Анатольевич Функ^{1,2}

¹ *Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*

² *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

^{1,2} *d_funk@iea.ras.ru*

Аннотация. Представлены аналитические возможности электронного корпуса шорских эпических текстов (corpora.iea.ras.ru), позволяющие хранить как исходные (сохраняющие особенности фиксации в виде рукописей, аудио- или видеозаписей), так и нормализованные варианты записей текстов, а также обеспечивать поисковую работу с этим корпусом. На примере текста эпоса «Кёк-Торчук», представленного в корпусе в виде двух одновременных самозаписей сказителей С.С. Торбокова (1962) и В.Е. Таннагашева (1999), говоривших на разных диалектах шорского языка, кондомском и мрасском, усваивавших свой репертуар от разных «учителей» и никогда в жизни не пересекавшихся друг с другом, автор путем последовательного сравнения сюжетов, имен персонажей и выявления похожих предложений (это одна из аналитических функций корпуса) показывает принципиальное единство данного эпоса. Этот вывод не дает оснований говорить о разных эпических традициях у кондомских и мрасских шорцев или хотя бы о разных сказительских школах.

Ключевые слова: героический эпос, традиция, формульный язык эпоса, корпусная лингвистика, шорцы

Для цитирования: Функ Д.А. Эпическая традиция в цифре: опыт машинного анализа записей шорского героического эпоса // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 30–55. doi: 10.17223/2312461X/45/2

Original article
doi: 10.17223/2312461X/45/2

Epic Tradition in Numbers: The Experience of Machine Analysis of Records of the Shor Heroic Epic

Dmitriy A. Funk^{1,2}

¹ *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*

² *Altai State University, Barnaul, Russian Federation*

^{1,2} *d_funk@iea.ras.ru*

Abstract. The article presents the analytical capabilities of the electronic corpus of Shor epic texts (corpora.iea.ras.ru), which allow storing both the original (preserving the features of fixation in the form of manuscripts, audio or video recordings) and

normalized versions of text recordings, as well as allowing search work with this corpus. On the example of the text of the epic "Kök-Torchuk", presented in the corpus in the form of two different-time self-recordings of storytellers S.S. Torbokov (1962) and V.E. Tannagashev (1999), who spoke different dialects of the Shor language, Kondom and Mrass, learned their repertoire from different "teachers" and never crossed paths with each other in their lives, the author shows the fundamental unity of this epic by consistently comparing plots, character names and identifying similar sentences (this is one of the analytical functions of the corpus). This conclusion, in the author's opinion, does not give grounds to talk about different epic traditions among the Kondom and Mrass Shors, or at least about different storytelling schools.

Keywords: heroic epic, tradition, formulaic language of the epic, corpus linguistics, Shors

For citation: Funk, D.A. (2024) Epic Tradition in Numbers: The Experience of Machine Analysis of Records of the Shor Heroic Epic. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 30–55. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/2

158 лет – ровно столько исследователи могли вживую наблюдать шорскую эпическую традицию. В 1861 г. Василий Васильевич (Вильгельм) Радлов записал первые образцы шорского¹ эпоса, а в 2018 г. было опубликовано последнее «живое» эпическое сказание, восстановленное по памяти Борисом Ивановичем Токмашовым. После смерти последнего активно практиковавшего шорского сказителя Владимира Егоровича Таннагашева (он скончался 1 января 2007 г.) стало ясно, что для дальнейшего изучения феномена шорского эпического сказительства нужны какие-то иные, новые методы. Одним из них, если говорить именно о текстовой составляющей эпической традиции, как мне представляется, может стать существенное увеличение базы текстов, пригодных для компьютерного анализа. Речь, собственно говоря, идет о применении подходов корпусной лингвистики. Создание компьютерного корпуса текстов какого-либо языка позволяет не только получать порой гигантские по объемам хранилища всевозможных вариантов использования этого языка (в письменной и устной речи, в книгах, фильмах и проч.), но и анализировать эти тексты на новом уровне, создавать словари и многое-многое другое. Применительно к текстам шорского героического эпоса это означало бы как сохранение того богатства, которое было зафиксировано благодаря стараниям нескольких поколений ученых и самих сказителей, так и открытие новых горизонтов в его исследовании.

Электронный корпус шорских текстов

В 2011 г. в рамках академической программы фундаментальных исследований «Корпусная лингвистика» был инициирован проект «Создание электронного корпуса фольклорных текстов на языках малочисленных народов Сибири (на материалах шорского и эвенкийского языков)»

(рук. Д.А. Функ). Созданный к концу года электронный корпус (<https://corpora.iea.gas.ru/corpora/>) продемонстрировал успешность проекта, и он был продолжен в 2012–2014 гг. (рук. К.Г. Шаховцов). Позднее он практически не имел специальной финансовой поддержки, но так или иначе все же продолжал пополняться текстами и развиваться в плане аналитических возможностей. На сегодняшний день корпус состоит из четырех подкорпусов – шорского, телеутского, эвенкийского и ненецкого. Расширилось и «жанровое» разнообразие включенных в него материалов: наряду с фольклорными текстами, в него были включены некоторые литературные произведения.

Основная цель проекта заключалась в создании общедоступного электронного корпуса, что, в свою очередь, должно было позволить:

- хранить как исходные (расшифровки рукописных, аудио- или видеозаписей), так и нормализованные варианты записей текстов, и
- обеспечивать поисковую работу с этим корпусом.

Для достижения этой цели пришлось решать ряд задач, которые я ниже прокомментирую на материалах шорского подкорпуса.

Существенное увеличение числа доступных для работы текстов эпоса

На момент начала реализации проекта на шорском языке было опубликовано всего 26 эпических текстов, причем треть из них (точнее – девять текстов) – лишь в кратком пересказе: это все восемь текстов, конспективно записанные Вильгельмом Радловым (Радлов 1866: 310–398) и один краткий пересказ сказания «Ак Ёлцеме Кыр Ёлең», опубликованный Н.П. Дыреноквой (Шорский фольклор 1940: 154, 156). На сегодняшний день в Корпусе опубликовано 61 эпическое сказание. В основном это материалы из моего личного архива. Общий объем текстов героического эпоса в Корпусе составляет около 310 тыс. словоупотреблений в оригинальной части и около 190 тыс. – в нормализованной. Трудоемкость работы по нормализации текстов в соответствии с современными нормами шорского литературного языка не позволяет пока достичь объемов исходных текстов, загруженных в Корпус. В любом случае, если говорить именно об эпических сказаниях, то становится очевидным, что аналогичных электронных корпусов героического эпоса такого объема не существует не только применительно к шорцам, но и в целом ко всем тюркским народам Саяно-Алтая.

Представление текстов, отражающих разнообразие диалектов и говоров шорского языка

Размещенные в корпусе шорские эпические тексты, записанные во временном диапазоне с 1861 по 2018 г., представляют оба диалекта шорского языка – мрасский и кондомский. Подавляющее большинство

эпосов – на нижнемерасском говоре мрасского диалекта (53), хотя есть единичные записи, сделанные на томском (1) и кабырзинском (4) говорах этого диалекта. Кондомских текстов в корпусе пока всего три (рис. 1).

Рис. 1. Структура шорского (под)корпуса²

Отобран 11 текстов

Нормализованное название	Диалектология	Исполнитель	Год записи
✓ Алтын-Онус	мрасский » нижнемерасский	М.Е. Томагашева	1983
✓ Алтын-Эргек	мрасский » нижнемерасский	М.Е. Томагашева	1985
✓ Алып-Кусун	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2000
✓ Алып-Курдас	мрасский » нижнемерасский	М.Е. Томагашева	1985
✓ Кок-Тоочус	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2001
✓ Казыр-Тоо	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	1996
✓ Кан-Эргек	мрасский » нижнемерасский	М.Е. Томагашева	1985
✓ Кара-Кан	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Кызык эмчектиг Кылай-Арыг	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2003
✓ Чылап Тоочый	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	1999
✓ Чылап-Тоочый	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2003

Справка

Настройки просмотра

Упорядочить по:

Показать:

Диалектология

шорский язык

мрасский диалект

нижнемерасский говор

томский говор

кабырзинский говор

кондомский диалект

нижнекондомский говор

литературный диалект

Подкорпусы

книжный

рукописный

устный

фольклорный

Рис. 2. Список текстов эпоса, представляющих собой расшифровку аудиозаписей

Основной объем шорского подкорпуса составили записи эпических текстов на бумаге самими сказителями, а также бумажные публикации текстов, записанных в разные годы В.В. Радловым, Н.П. Дыренковой и Г.Ф. Бабушкиным.

Расшифровок современных аудиозаписей, часть которых представлена в корпусе также в виде аудиозаписей, немного. К ним относятся

11 текстов, семь из которых были записаны мной – четыре от М.Е. Токмагашевой в 1983 и 1985 гг. и три от В.Е. Таннагашева в 2003 и 2006 гг., а еще четыре – Л.Н. Арбачаковой от Таннагашева в 1996, 1999, 2000 и 2001 гг. (см. рис. 2).

**Представление максимально возможного числа
тщательно документированных текстов
по каждому исполнителю/сказителю**

Не секрет, что сибирское эпосоведение до недавнего времени не могло похвастать такими же целенаправленными фиксациями текстов, в том числе повторными записями из репертуара сказителей, как это уже давно было нормой при работе, например, с северно-русскими исполнителями эпоса (Чичеров 1982) или с югославскими певцами (Лорд 1994). А ведь без этого любые наши попытки рассуждать о сказительских школах, об устойчивости или вариативности исполняемых сказаний, о формулах и типических местах, в целом о языке того или иного сказителя и, шире, о сказительских «школах» и об эпической традиции в целом будут лишены особого смысла просто в силу недостаточной репрезентативности имеющихся записей. В попытке решения этой задачи в первой половине 1980-х гг. я записал примерно четвертую часть, 8 сказаний, из обширного репертуара Марии Ермолаевны Токмагашевой (1908–1995), а затем, начиная с 2002 и по 2006 г., – не меньше трети (32 сказания, часть из них – с повторными записями; в общей сложности – 46 текстов) из поистине безбрежного репертуара Владимира Егоровича Таннагашева (1932–2007). На сегодняшний день в корпус включены четыре текста из репертуара Токмагашевой и 40 – В.Е. Таннагашева (36 из моего архива и четыре из архива Л.Н. Арбачаковой). Есть перспектива увеличения числа сказаний, представленных в корпусе, как за счет размещения в нем остальных записей от этих двух сказителей, так и записей, в разные годы сделанных от некоторых других исполнителей – А.В. Рыжкина (по моим данным, не менее пяти записей), А.П. Напазакова (6), а также за счет обработки более ранних записей Н.П. Дыренковой и Г.Ф. Бабушкина от Н.А. Напазакова (не менее 11 текстов), А.И. Абакаева (14), П.Н. Амзорова (4) и уникального собрания самозаписей С.С. Торбокова (не менее 50 объемных текстов).

Обеспечение доступности текстов для экспертизы

Роль человеческого фактора в научных исследованиях хорошо известна. Принадлежность к разным научным школам, разные исследовательские интересы, кругозор, а порой и элементарная невнимательность регулярно ведут к тому, что, казалось бы, очевидно «одни и те же факты»

оказываются по-разному представленными и затем проанализированными в работах разных исследователей.

Нашей задачей было обеспечить доступность всех размещенных в корпусе текстов для верификации. Если у стороннего исследователя возникают сомнения в правильности нормализации той или иной словоформы или же расшифровки устного текста, он имеет возможность свериться либо с оригинальной аудиозаписью, либо с компьютерным набором оригинальной сказительской самозаписи или же со сканированным изображением рукописных текстов.

Полные или фрагментарные аудиозаписи доступны для прослушивания для четырех записанных мной текстов: «Қырық эмчектиг Қыдай-Арығ», «Чылан-Тоочый» и «Қара-Қан» из репертуара В.Е. Таннагашева и «Қан-Эргек» из репертуара М.Е. Токмагашевой.

Что же касается записей эпических текстов самими сказителями, то сканированные изображения доступны для всех размещенных в корпусе 28 рукописных текстов В.Е. Таннагашева (рис. 3, 4).

Нормализованное название	Диалектология	Исполнитель	Год записи
✓ Ай қараттыг Қара-Қан	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Ак-Пилек	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Алтын-Салғын	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2004
✓ Аңазы құлатпа тұңғазы құлат	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2005
✓ Көк-Қан	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2005
✓ Керсе ай қарат	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Көк-Торғуқ	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	1999
✓ Күннi көрмең Күн-Көк	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	1999
✓ Қарағы чоқ Сас-Қараба чодазы чоқ Чол-Қара	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Қара-Қан	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	1999
✓ Кара-Қан	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2002
✓ Қара пораттыг Қан-Мерген	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Қусқун қараттыг Алып-Қусқун	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2004
✓ Қырық қулаш сынның қара сараттыг Алып-Қарачын	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Қырық қулаш сынның қара сараттыг Қан-Мерген	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Қырық қулаш сынның қара сараттыг Қара-Молат	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Қырық эмчектиг Қыдай-Арығ	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2003
✓ Өктемеш Міке	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2004
✓ Он алыптың ымайынаң чайбалған Қан-Кичей	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Сыбазын-Оолақ	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Сывет-Оолақ	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Сыр-Өлең Қыс	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2004
✓ Талашқа бiрген Алтын-Торғу	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Улғу-кичиг ақ сарат	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Уш қатыг Ақ-Қан	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Чабыс-Чалпан	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2000
✓ Чарық түктiг ақ қалтар аттыг Алтын-Коста	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2006
✓ Чаш құлаттыг Чаш-Кылыш	мрасский » нижнемерасский	В.Е. Таннагашев	2003

Рис. 3. Список оцифрованных самозаписей В.Е. Таннагашева

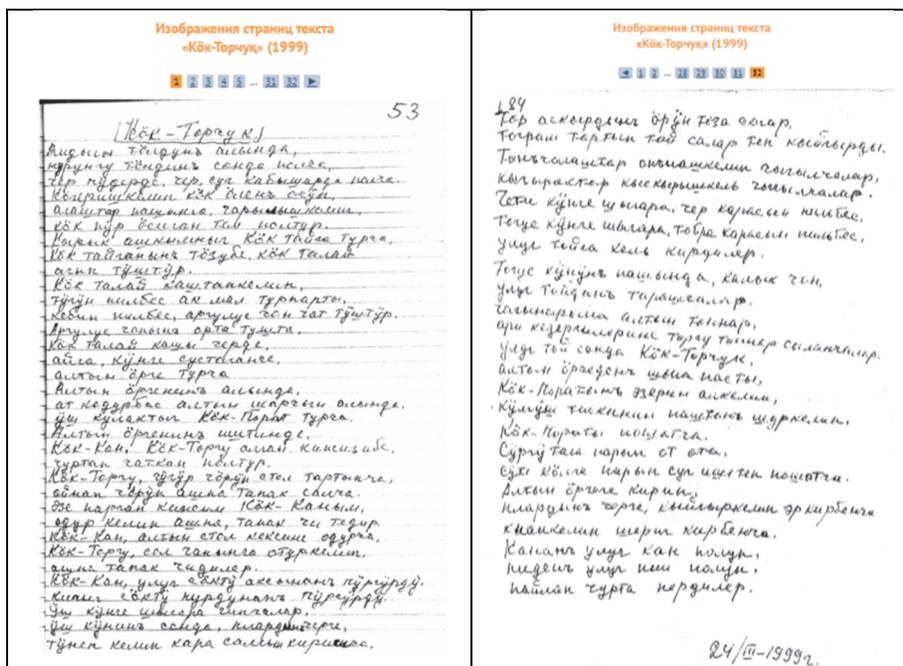

Рис. 4. Интерфейс доступа к сканированным изображениям (на примере первой и последней страниц текста «Кök-Торчуқ» в самозаписи В.Е. Таннагашева 1999 г.)

Обеспечение функции поиска и иных аналитических процедур в отношении всех размещенных в корпусе текстов

Основными задачами второго уровня были определены следующие: возможность осуществлять выборку важнейших сопряженностей для каждого слова, левых и правых соседей (на любой заданной дистанции) каждого слова с дополнительным представлением результатов в виде графов, возможность сбора статистики употребления лексем/словоформ, возможность анализа контекста словоупотребления в заданном тексте и во всем корпусе, возможность сравнения списков словоформ из всех представленных в корпусе текстов с заданным ограничением поиска – по текстам, сказителям, или, на языке лингвистики, по говорам, диалектам и языкам, и, наконец, возможность попарно сравнивать предложения хотя бы на уровне двух текстов.

Для хранения и обработки текстов была использована свободно расширяемая объектно-реляционная СУБД PostgreSQL, предоставляющая богатый набор возможностей для работы с текстовыми данными, в том числе полнотекстовый поиск с учетом морфологии. Входящие в комплект поставки дополнительные модули позволяют расширить

функциональность СУБД, делая доступным вычисление таких параметров сравниваемых строк, как мера сходства (доля общих элементов в наборах триграмм, составляющих заданные строки) и расстояние Левенштейна, что дает возможность реализовать так называемый нечеткий поиск, в нашем случае – это поиск слов и предложений, похожих на заданное. Наиболее очевидным применением поиска похожих предложений представляется выявление устойчивых выражений / общих мест. Данный поиск осуществляется путем попарного сравнения предложений из двух текстов: каждое предложение из первого текста сравнивается с каждым предложением из второго. Эта возможность, насколько мне известно, является уникальной функцией созданного электронного корпуса. Поиск слов и предложений, похожих на заданное, особо интересен и продуктивен при сравнении одних и тех же сюжетов, разделенных во времени, как в записи от одного и того же сказителя, так и, например, от сказителя и тех, кто считал себя его учениками.

Помимо этого, программное обеспечение корпуса предоставляет ставшие традиционными возможности поиска употреблений конкретной словоформы, форм, начинающихся либо оканчивающихся заданной последовательностью символов, пары слов на заданной дистанции и последовательностей из трех и более слов. Автоматически составляются списки всех словоформ и отдельно дополнительно списки собственных имен по каждому нормализованному тексту.

Для каждого варианта область поиска может быть ограничена конкретным текстом, совокупностью текстов на определенном диалекте либо говоре, из текстов, записанных от определенного исполнителя. Список как оригинальных, так и нормализованных словоформ может быть составлен для любого количества текстов по целому ряду критериев: общих словоформ для всех выбранных текстов; словоформ, присутствующих в первом тексте, но отсутствующих в остальных выбранных текстах; присутствующих хотя бы в одном из выбранных текстов (именно эта опция позволяет моментально получить словарь эпического языка одного сказителя или, скажем, одной сказительской школы) и, наконец, уникальных для первого текста (т.е. не встречающихся ни в одном другом тексте корпуса).

Выборка левых/правых соседей слова может быть осуществлена как через самостоятельную форму в разделе «Словоформы», так и по ссылке со страницы «Сведения о форме...», где наиболее частотные из них наглядно представлены на графе сопряженностей (рис. 5).

В списках правых и левых соседей, а также на графе показываются не более 12 слов (для просмотра всех соседей используется ссылка «показать все» в конце списка). После соответствующего слова в скобках указывается количество его употреблений в данной позиции.

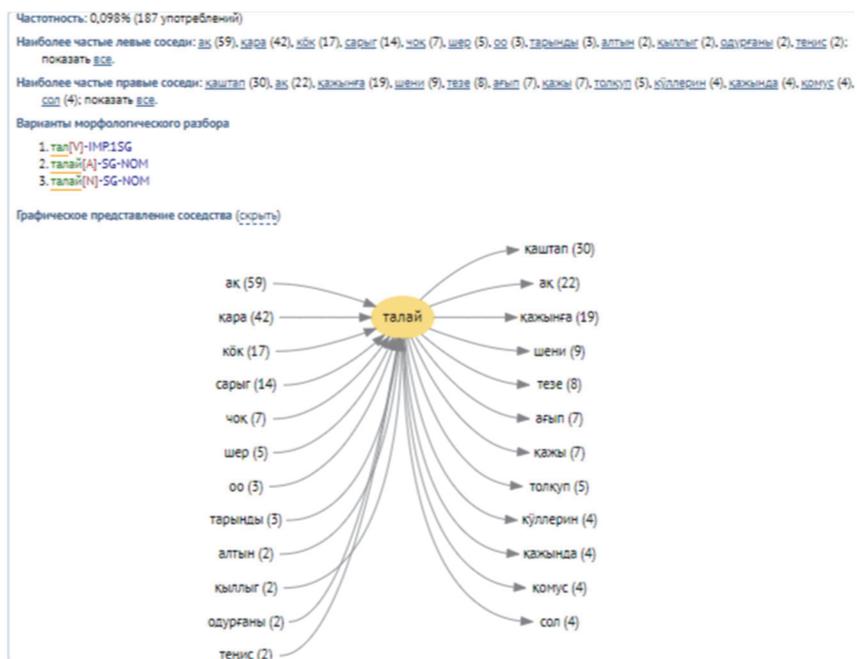

Рис. 5. Граф сопряженностей на примере слова *талай* ‘море’

Каждый формируемый список словоформ (за исключением разделов «Сравнение» и «Статистика») содержит ссылки, позволяющие просмотреть несколько контекстов словоупотребления.

Представив таким образом, пусть и в самом в общем виде, принципы построения и аналитические возможности Корпуса, обратимся к конкретным примерам его использования.

Самозаписи эпоса «Кёк-Торчук» С.С. Торбоковым и В.Е. Таннагашевым

Выбор эпоса «Кёк-Торчук» для демонстрации познавательных возможностей Корпуса не случаен. Дело в том, что в Корпусе есть самозаписи этого сказания, выполненные в разные годы (с разрывом в 37 лет) разными сказителями: Торбоковым в 1962 и Таннагашевым в 1999 г. Поскольку эти два выдающихся мастера слова не просто представляли разные школы (они перенимали искусство кайчи у разных сказителей – первый в основном у И.К Тельбезекова, а второй в основном у П.Н. Амзорова), но относились к разным группам шорцев, говорили на разных диалектах (первый на кондомском, второй – на мрасском) и ни разу в жизни не встречались друг с другом, то у нас есть уникальная возможность проверить ранее высказывавшееся А.И. Чудояковым (Чудояков 1993: 39–43;

1998: 15–16) и мной (Функ 2005: 268–278) предположение о существовании не просто двух разных сказительских школ³, но возможно и разных эпических традиций⁴ у шорцев – кондомской и мрасской.

Объем обеих записей значимо различается. В первой 1 730 предложений, 18 620 словоупотреблений (4 597 словоформ), а во второй лишь 411 предложений, 6 044 словоупотребления (1 552 словоформы). Но отражается ли эта разница на числе персонажей и сюжете текста?

Начнем со сравнения имен персонажей этого эпоса. Их число в обоих текстах примерно одинаково.

В эпосе «Кёк-Торчук» в самозаписи С.С. Торбокова встречается 21 имя персонажей: Ажым-Арыг, Алтын-Арыг, Алтын-Сырға, Кенчик-Қыс, Кёк-Қаан, Кёк-Торчук, Кўмўш-Арыг, Қаан-Пилек, Қаан-Топчу, Қадыг-Қылыш, Қара-Қаат, Қара-Молат, Қара-Чылан, Оттуг-Чалғын, Сарыг-Шибелдей, Теек-Мўкў, Тоң-Килиш, Улуг-Қаан, Чайан-Арыг, Чайан-Сағал, Шыр-Чылан.

В самозаписи этого сказания Таннагашевым – 25 имен: Ай-Арыг, Алтын-Қан, Алтын-Қас, Алтын-Тас, Алтын-Торғу, Алтын-Шапа, Кёк-Қан, Кёк-Оолақ, Кёк-Торғу, Кёк-Торчук, Кўн-Арыг, Кўн-Қан, Кўрең-Қылыш, Қан-Мерген, Қара-Алып, Қара-Қазан, Қара-Қайа, Қара-Қан-Мерген, Қара-Тўртўс, Қара-Шмелдей, Қара-Шойун, Куба-Салғын, Тебир-Қан-Мерген, Ўзўт-Қан, Чағыс Чайачы. Если принять во внимание то, что Кёк-Торчук до получения своего имени назывался просто Кёк-олак, то 24 имени.

С главным действующим лицом все просто – в обоих текстах он назван Кёк-Торчук. Совпадает и имя его отца – Кёк-Хан, хотя супруга Кёк-Хана названа разными именами: Ажым-Арыг у Торбокова и Кёк-Торгу у Таннагашева. В последнем случае имя представляется более верным с точки зрения эпической логики: как и в именах супруга и сына, в ее имени ровно такой же первый формант – Кёк (*Кёк*). Совпадение мы имеем и в случае с персонажем подземного мира Шибельдей или Шмельдей. Лишь цветовые маркеры имени различны: у Торбокова она «желтая» (*сарыг*), а у Таннагашева «черная» (*қара*). При значимом так сказать ролевом единстве второго наиболее важного для развития сюжета сказания персонажа он у Торбокова и Таннагашева назван разными именами: Оттуг-Чалғын и Куба-Салғын соответственно. Что касается остальных имен, принадлежащих в большинстве случаев альпам (богатырям), с которыми сражался Кёк-Торчук и приходивший ему на помощь Оттуг-Чалғын/Куба-Салғын, то они различны, хотя я бы не стал придавать этому особое значение, поскольку это все сплошь второстепенные персонажи.

Имена – именами, но важнее, наверное, понять, а насколько близким или же различным является сам сюжет сказания «Кёк-Торчук», донесенного до нас этими двумя сказителями. Первый текст с переводом на рус-

ский язык был недавно опубликован стараниями Б.И. Токмашова (Токмашов 2018), второй еще нет, и я буду использовать его шорскую версию. В поисках ответа на вопрос о единстве или различии сказительских школ / эпических традиций попробуем сравнить структуру обоих текстов, выделив наиболее значимые для развития сюжета элементы (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная таблица элементов сюжета сказания «Кёк-Торчук» в самозаписи С.С. Торбокова и В.Е. Таннагашева

Самозапись С.С. Торбокова	Самозапись В.Е. Таннагашева
Бездетные родители Кёк-Хан и Ажым-Арыг	Бездетные родители Кёк-Хан и Кёк-Торгу
Кёк-Хан узнает о готовящемся нападении врагов. Берете свою волшебную стрелу, которую готовится пустить в подземный мир, чтобы стрела их уничтожила	Появляется враг, который практически уже побеждает Кёк-Хана
Неожиданно появляется мальчик, который просит разрешения сесть верхом на эту стрелу. Кёк-Хан соглашается. Мальчик улетает на стреле, которая уничтожает все на своем пути в этом мире и в подземном. Перед тем, как вылететь обратно, понимая, что стрела все уничтожит, мальчик тушит горевший в ней огонь	На месте сражения неожиданно появляется мальчик, который легко одолевает врага, предварительно узнав у него, кого он считает более сильным, чем он сам
Появляется старец (сам Создатель), который нарекает мальчика именем Кёк-Торчук, едущий на трехухом сине-сером коне	
	Мальчик рассказывает отцу о своем чудесном рождении – его в виде золотого яйца сбросил в этот мир на помощь Кёк-Хану сам Создатель
Узнав о замыслах злых подземных богатырей, Кёк-Торчук снова спускается в подземный мир	Мальчик не задерживается во дворце, а пешком отправляется убивать альпов
Он убивает четырех злодеек, сначала двух, затем одну за другой еще двух, а потом самого сильного богатыря подземного мира, всякий раз узнавая у них, кого они/он считают более сильным, чем они сами	Он убивает раз за разом сначала двух, а затем одного альпа этого мира, а потом еще двоих и еще одного самого сильного богатыря подземного мира, всякий раз узнавая у них, кого они/он считают более сильным, чем они сами
Последний убитый им альп называет имя самого могучего богатыря, Оттуг-Чалгына	Последний убитый им альп называет имя самого могучего богатыря, Куба-Салгына, у которого жены и под землей, и на земле, и рассказывает, кто поможет ему найти этого богатыря
Кёк-Торчук отправляется странствовать по белому свету и встречает альпа Теек-Мюкю. По его просьбе он уничтожает двух змеев, а затем помогает Теек-Мюкю, выиграв в состязании коней, получить в жены Чаян-Арыг, дочь Чаян-Сагала	

Самозапись С.С. Торбокова	Самозапись В.Е. Таннагашева
Кёк-Торчук возвращается домой, но вскоре отправляется на поиски Оттуг-Чалгына	Мальчик отправляется к Куба-Салгыну, но по дороге встречается с конем своего отца, который привез письмо от Создателя. Создатель дает ему имя Кёк-Торчук и сообщает, что он будет ездить на отцовском коне
Преодолев множество препятствий на пути от первого до второго стойбища Оттуг-Чалгына, Кёк-Торчук находит там лишь двух его жен, которые прячут нашего героя от возвращающегося супруга. Тот узнает о возможной встрече и уезжает, даже не заходя в свой дворец	
Младшая жена Оттуг-Чалгына называет имя суженой Кёк-Торчука: Алтын-Сырга, дочь Улуг-Хана	
Кёк-Торчук доезжает до того места, где следы коня Оттуг-Чалгына ушли с дороги, ведущей к стойбищу Улуг-Хана, откладывает поездку за женой и едет за Оттуг-Чалгыном	
Богатыри встречаются. Оттуг-Чалгын рассказывает Кёк-Торчуку, что Создатель сотворил их обоих непобедимыми и что они должны стать братьями. Алыпы уже готовы побрататься, но тут между ними пробегает шестиногая пестрая кошка и начинается ссора	Кёк-Торчук находит стойбище Куба-Салгына и вступает в борьбу с этим богатырем, несмотря на все уговоры Куба-Салгына, который тоже был отправлен на эту землю Создателем и который предлагает Кёк-Торчуку стать братьями. Кёк-Торчук ничего не хочет слышать
Кёк-Торчук убивает Оттуг-Чалгына. Душа умершего богатыря предупреждает Кёк-Торчука о возможных опасностях на пути домой	Куба-Салгын, с которым Кёк-Торчук не может справиться, поддается, предварительно сказав, что он еще понадобится Кёк-Торчуку, когда тот поедет за своей суженой, и после этого Кёк-Торчук его убивает
Кёк-Торчук не соблюдает наказ Оттуг-Чалгына. На него нападает лев. Кёк-Торчук не справляется	
На помощь Кёк-Торчуку приходит Оттуг-Чалгын, вернувшийся из земли узютов (из страны умерших)	
Кёк-Торчук возвращается домой. Престарелые родители умирают. Кёк-Торчук хоронит их. Внезапно мимо пробегает черная лисица, а вслед за ней несутся два всадника. Конь Кёк-Торчука рассказывает хозяину, что это его суженая в облике лисицы и что за ней гонится Кадыг-Кылыш, а второй всадник – его побратим Теек-Мюкю, пытающийся спасти Алтын-Сыргу	По возвращении домой Кёк-Торчук узнает у матери, что его суженой является дочь Алтын-Хана Алтын-Торгу
Кёк-Торчук несется вслед за ними	Кёк-Торчук отправляется за своей суженой
	Встреча по дороге с огромной Кара-Шмельдей и победа над ней

Самозапись С.С. Торбокова	Самозапись В.Е. Таннагашева
Догнав их, он расправляется с Кадыг-Кылышем	Приезд в стойбище отца суженой. Победа коня Кёк-Торчука в скачках. Победа Кёк-Торчука над тремя главными претендентами на руку Алтын-Торгу
	Появление еще одного могучего алып, с которым Кёк-Торчук не может справиться
	Возвращение Куба-Салгына из земли узютов на помощь брату
Кёк-Торчук превращает свою суженую в перстень и кладет перстень себе в карман	Кёк-Торчук берет девушку в жены и отправляется домой
	По дороге ему встречается еще один огромный богатырь, который просто хватает Кёк-Торчука и садится на него сверху
	Куба-Салгын вновь приходит на помощь, вернувшись из земли узютов
Кёк-Торчук с Алтын-Сыргой и с другом Теек-Мюкю возвращаются в стойбище Кёк-Торчука. Свадебный пир. Теек-Мюкю уезжает в свое стойбище	Кёк-Торчук приезжает домой. Свадебный пир
Концовка сказания	Концовка сказания

В обоих текстах мы имеем, по сути, одни и те же сюжетообразующие элементы: бездетные супруги (имя отца одно и то же); чудесное появление сына; помощь отцу в борьбе с врагом/врагами; чудесное обретение сыном имени (одного и того же) и коня (одной и той же масти); сын, Кёк-Торчук, становится основным героем сказания; последовательное уничтожение им четырех потенциальных врагов, у каждого из которых он узнает имя более сильного противника; главный соперник Кёк-Торчука, имеющий такое же небесное происхождение, что и он сам; две жены этого соперника; помощь их во встрече Кёк-Торчука с их супругом; победа Кёк-Торчука над ним; помощь убитого богатыря Кёк-Торчуку, для чего ему приходится возвращаться из земли мертвых; женитьба Кёк-Торчука. Фактически же, если мы вспомним приводившийся выше применительно к эпосу «Кара-Хан» комментарий о том, как именно слушатели и сказители могли определять сюжет сказания, то здесь мы имеем одну и ту же яркую деталь – это образ без вины убитого главным героем богатыря, который, практически уже оказавшись в царстве мертвых (в земле узютов) все же приходит ему на помощь.

Разница наблюдается лишь в числе и последовательности сюжетных звеньев (у Торбокова, в частности, дополнительно введен в сказание образ побратима-помощника Кёк-Торчука), в количестве возвращений из подземного мира безвинно убитого Кёк-Торчуком своего главного противника (у Торбокова один раз, у Таннагашева – два), а также в мотивировках действий главного героя.

Поскольку, говоря о сказительских школах, равно как и об эпических традициях, мы не можем оставить в стороне вопрос о языке порождавшихся в этой среде текстов, попробуем посмотреть, насколько близок язык обеих самозаписей. Возможности корпуса позволяют получить списки абсолютно всех словоформ, использованных сказителями в каждом тексте/исполнении, равно как и детальные сведения по каждой из этих словоформ. Понимая, что в каждом из двух текстов наличествует несколько тысяч словоформ и, в большей мере, что это сугубо лингвистический материал, я отказался от использования этих возможностей Корпуса и решил применить опцию поиска похожих предложений. Наличие похожих предложений могло бы не просто показать нам степень близости или различия сравниваемых текстов, но заодно и позволить выявить те выражения, которые потенциально могут оказаться теми самыми «кирпичиками» (формулами или, наверное, точнее сказать, клише), которые регулярно используются сказителем при раскрытии той или иной темы.

Напомню одну из самых ранних попыток концептуализировать полевые наблюдения на этот счет, принадлежащую В.В. Радлову. В предисловии к публикации образцов киргизского фольклора он писал:

...у исполнителя эпических песен <...> благодаря обширной исполнительской практике уже готовы целые ряды, если я могу так выразиться, повествовательных частей (*Vortragsteile*), которые он соединяет в подходящем порядке в соответствии с ходом повествования. Такими частями являются описания определенных происшествий и ситуаций, таких как рождение героя, взросление героя, восхваление оружия, подготовка к битве, грохот битвы, разговор героев перед битвой, описание личностей и лошадей, характеристики знаменитых героев, восхваление красоты невесты, описание жилища, юрты, пиршества, приглашения на пир, смерть героя, оплакивание умершего, описание пейзажа, наступление ночи и рассвета и многое другое. Искусство певца состоит лишь в том, чтобы соединить все эти готовые изобразительные элементы (*Bildtheile*) вместе, как того требует ход событий, и связать их с вновь сочиненными стихами. Теперь певец может совершенно по-разному воспеть все вышеупомянутые изобразительные элементы. Он умеет нарисовать одну и ту же картину несколькими короткими штрихами, может описать ее более подробно или перейти к очень детальному описанию с эпическим размахом. Чем больше в распоряжении певца различных изобразительных элементов, тем разнообразнее будет его пение и тем дольше он сможет петь, не утомляя слушателя однообразием своих описаний (*Bilder*)» (Radloff 1885: xvi–xvii).

Накопившаяся к настоящему времени литература, посвященная анализу формульного языка и типических мест даже лишь тюрко-монгольского эпоса, поистине безбрежна (см., например: Heissig 1979; Неклюдов 1984; Казагачева 2002; Кузьмина 2005; Райхл 2008; Функ 2008), но неизменным в ней остается вывод о том, что в каждой эпической традиции есть некий фонд не только типовых сцен / тем и подтем, но и клише (часто их называют формулами или устойчивыми выражениями), которые используются

при повествовании о тех или иных основных темах, будь то быстрое взросление маленького богатыря, получение им имени, вызов противника на бой, восхваление красоты невесты, свадебный пир или иные.

Я полагаю, что контексте решения поставленной выше задачи – понять, есть ли у нас основания говорить о двух разных сказительских школах и (или) эпических традициях у шорцев, кондомской и мрасской – может оказаться продуктивным поиск пар похожих предложений в разных текстах, причем не вручную, а максимально автоматизированный.

В самом начале поиска, признаюсь, у меня было некое волнение. Понимая, что речь идет об одном и том же сюжете, и при этом интуитивно ощущая, что эпический язык обоих сказителей очень и очень близок, я был удивлен, когда поисковая машина раз за разом – при задании меры сходства в 0,95; 0,9; 0,8; 0,7 – выдавала один и тот же результат: «В выбранных текстах нет пар предложений, удовлетворяющих условиям запроса! Попробуйте установить меньшее ограничение на меру сходства». Лишь при задании ограничения меры сходства на уровне 0,6 были обнаружены первые две пары похожих предложений. После установления ограничения на уровне 0,5 были получены 13 пар, 0,4 – 31 пара, а 0,3 – 202 пары предложений. Что же в итоге было обнаружено? Первой моей мыслью было использовать генератор случайных чисел для выбора, скажем, 10 пар из массива в 31 или даже 202 пары похожих предложений, но выбор этот всякий раз оказывался столь непредставительным, что я в итоге решил взять весь массив в 31 пару, полученный при установлении ограничения в 0,4 (табл. 2).

Таблица 2

Пары похожих предложений (полученные при установлении ограничения в 0,4) в сказании «Кёк-Торчук» в самозаписях С.С. Торбокова и В.Е. Таннагашева

	S	Кёк-Торчук (1962)	Кёк-Торчук (1999)
1	0,623	Пурун, пурун полған полтур, пурунгу төлдүң соонда полтур, амдығы төлдүң алдында полтур.	Амдығы төлдүң алында, пурунгу төлдиң соонда полча.
2	0,600	– Кыр асқырдың төлүн соғуп, кырбан тартып, той салаар!	«Кыр асқырдың өрүн қыра соғаар, кырбан тартып той салаар!»
3	0,562	Эжик ажып, эзен перди, эркен алтап, менди перди.	Эжик ажып, эзенин перди, позаға алтап, менчизин перди.
4	0,543	Чүс аттың тигиртин төктү, чүс алыптың қыйғызын салды:	Пону көрген Кёк-Оолак чүс аттың тебиртин салды, чүс алыптың қыйғызын төктү:
5	0,540	Эжик ажып, эзен пердим, эркен алтап, менди пердим.	Эжик ажып, эзенин перди, позаға алтап, менчизин перди.
6	0,529	Эжик ажып, эзен перди, эркен алтап, менди перди.	Эжик ажып, эзеннерин перди, позаға алтап, менчизин перди.
7	0,518	Пону көрген Кёк-Торчук, чүс аттың тигиртин төгүп, чүс кижиниң қыйғызын салып:	Пону көрген Кёк-Оолак, чүс аттың тебиртин салча, чүс алыптың қыйғызын төкча:

	S	Кök-Торчук (1962)	Кök-Торчук (1999)
8	0,516	– Ұш кулактыг көк пораттыг Кök-Торчук адың ползун!	«Ноо алып полайын?! Ұш кулактыг көк пораттыг Кök-Торчук поларым!» – тедир.
9	0,512	Пону көрген Кök-Торчук, чүс аттың тигиртин төгүп, чүс кижиниң кыйгызын салып:	Пону көрген Кök-Оолак чүс аттың тебиртин салды, чүс алыптың кыйгызын төктү:
10	0,512	Пону көрген Кök-Торчук, чүс аттың тигиртин төгүп, чүс кижиниң кыйгызын салып:	Пону көрген Кök-Оолак чүс аттың тебиртин салды, чүс алыптың кыйгызын төкти:
11	0,509	Эжик ажып, эзен пердим, эркен алтап, менди пердим.	Эжик ажып, эзеннерин перди, позаға алтап, менчизин перди.
12	0,500	Чүс аттың тигиртин төктү, чүс алыптың кыйгызын салды:	Пону көрген Кök-Оолак чүс аттың тебиртин салды, чүс алыптың кыйгызын төкти:
13	0,500	Чүс аттың тигиртин төктү, чүс алыптың кыйгызын салды:	Кök-Оолак, чүс аттың тебиртин кел салды, чүс алыптың кыйгызын кел кыйгырды.
14	0,491	Эжик ажып, эзен перди, эркен алтап, менди перди.	Эжик ажып, эзеннерин пердилер, позаға алтап, менчилерин пердилер.
15	0,480	Чүс аттың тигиртин төктү, чүс кижиниң кыйгызын салды:	Пону көрген Кök-Оолак чүс аттың тебиртин салды, чүс алыптың кыйгызын төктү:
16	0,480	Чүс аттың тигиртин төктү, чүс алыптың кыйгызын салды:	Пос тайға шени алып мүн салтыр, чүс аттың тебиртин салды, чүс алыптың кыйгызын төкти:
17	0,478	Пону уккан Кök-Торчук айтты:	Пону уккан Кök-Торчук улуг сытка кел кирди:
18	0,473	Эжик ажып, эзен пердим, эркен алтап, менди пердим.	Эжик ажып, эзеннерин пердилер, позаға алтап, менчилерин пердилер.
19	0,471	Кök-Торчукпа Теек-Мүкү, кошта пазып, алтын өргеге кирдилер.	Кök-Торчукту колдаң кап, алтын өргеге акирдилер.
20	0,442	Чүс аттың тигиртин төктү, чүс кижиниң кыйгызын салды:	Пону көрген Кök-Оолак чүс аттың тебиртин салды, чүс алыптың кыйгызын төкти:
21	0,437	Чүс аттың тигиртин төктү, чүс кижиниң кыйгызын салды:	Кök-Оолак, чүс аттың тебиртин кел салды, чүс алыптың кыйгызын кел кыйгырды.
22	0,429	– Кыр аскырдың төлүн соғуп, кырдан тартып, той салаар!	Тор аскырдың өрүн тооза соғаар, тоғрам тартып той салаар!» – теп кыйгырды.
23	0,427	Чүс аттың тигиртин төктү, чүс алыптың кыйгызын салды:	Пону көрген Кök-Оолак, чүс аттың тебиртин салча, чүс алыптың кыйгызын төкча:
24	0,418	Ат чарыжы көк пораттың полуп парды.	Кök пораттың алына пас парды, чарғанат шени чапшынды.
25	0,418	Аттан тужүп, алтын өргеге кирдилер.	Кök-Торчукту колдаң кап, алтын өргеге акирдилер.
26	0,411	Кök-Торчукпа Теек-Мүкү, кошта пазып, алтын өргеге кирдилер.	Кök-Торчук көк поратты пош таштап, алтын өргеге пас кирди.

	S	Көк-Торчук (1962)	Көк-Торчук (1999)
27	0,410	Эжик ажып, эзен пердилер, эгбен көдүрүп, менди пердилер.	Эжик ажып, эзеннерин пердилер, позага алтап, менчилерин пердилер.
28	0,407	Чүс аттың тигиргин төктү, чүс кижиниң кыйгызын салды:	Пос тайга шени алып мүн салтыр, чүс аттың тебиргин салды, чүс алыптың кыйгызын төкти:
29	0,407	– Алып ползаң, алыжарга, күлүк ползаң, күрежерге пеере шыксаң! – теп, кыйгырып, кара тураң эжингге қазала түштү.	«Қара сарат пагда ба, Қара-Қазан эм-дезиң ма? Алып ползаң, қабыжаға, күлүк ползаң, күрежеге пере шык, Қара-Қазан!» – теп кыйгырды.
30	0,407	Пону укқан Көк-Торчуктуң кулағынға часқы атқа чажыл көбктүң көглежиче уғулду.	Пону укқан Көк-Торчуктуң ийги кулағынға көк қаққан шени пилдирди.
31	0,403	Қыр асқыр төлүн қыра келе соқтулар, қырбан тартып, той салдылар.	«Қыр асқырдың өрүн қыра соғаар, қырбам тартып той салаар!»

Несмотря на кажущийся значительным объем, он в итоге не столь уж большой: даже без знания шорского языка нетрудно заметить, что здесь присутствуют практически идентичные примеры: № 2–22–31; 3–5–6–11–14–18–27; 4–7–9–10–12–13–15–16–20–21–23–28; 19–25–26. Таким образом, существенно различных примеров у нас всего 10: это пары 1–4, 8, 17, 19, 24, 29 и 30. Именно их я далее и прокомментирую в более широком контексте тех мест сказаний, в которых они встречаются.

***

	S	Көк-Торчук (1962)	Көк-Торчук (1999)
1	0,623	Пурун, пурун полған полтур, пурунгу төлдүн соонда полтур, амдығы төлдүн алдында полтур.	Амдығы төлдүн алында, пурунгу төлдің соонда полча.
		Давным-давно было, оказывается, давнего поколения прежде было оказывается, нынешнего поколения раньше было, оказывается.	Нынешнего поколения раньше, давнего поколения прежде было (досл. бывает)

Это одна из наиболее распространенных формул, используемых в начале сказания буквально всеми шорскими сказителями.

***

	S	Көк-Торчук (1962)	Көк-Торчук (1999)
2	0,600	Қыр асқырдың төлүн соғуп, қырбан тартып, той салаар!	Қыр асқырдың өрүн қыра соғаар, қырбам тартып той салаар!
		Чалого жеребца потомство забив, мяса накрошив, той устройте!	Чалого жеребца табун забейте, мяса накрошив, той устройте!

В тексте Торбокова в более полном виде это общее место представлено так:

Қырық чайзаң кычырып, кырық малта пергени, одус чайзаң кычырып, одус малта пергени.

Чаргызын перип одурғаны:

- Қыр асқырдың төлүн соғуп, қыран тартып, той салаар!
- Тор асқырдың төлүн соғуп, тоғрап келип, той салаар!

А в сказании Таннагашева в таком виде:

... қырық чайзақ қырып алды, қырық малта шеле перди.

«Қыр асқырдың брүн қыра соғаар, қырам тартып той салаар!

Тор асқырдың брүн тооза соғаар, тограм тартып той салаар!» – теп қыйғырды.

Как видим, совпадает все до деталей, за исключением введения Торбоковым дополнительной «эпической» строки: после формулы «сорок чайзанов позвав, сорок топоров (им) бросили» вводится дополнительно формула «тридцать чайзанов позвав, тридцать топоров (им) бросили».

***

	S	Кёк-Торчук (1962)	Кёк-Торчук (1999)
3	0,562	Эжик ажып, эзен перди, эркен алтап, менди перди.	Эжик ажып, эзенин перди, позаға алтап, менчизин перди.
		Дверь открыв, поздоровался, порог переступив, поприветствовал.	Дверь открыв, поздоровался, порог переступив, поприветствовал.

Это стандартная формула, описывающая вход богатыря во дворец. Разница здесь исключительно диалектная: Торбоков использует слово *эркен*, а Таннагашев *позаға*. И то и другое означает «порог».

***

	S	Кёк-Торчук (1962)	Кёк-Торчук (1999)
4	0,543	Чўс аттың тигиртин төктў, чўс алыптың қыйғызын салды:	Пону көрген Кёк-Олақ чўс аттың тебиртин салды, чўс алыптың қыйғызын төктў:
		Ста коней топот издал (букв. разлил), ста алыпов крик издал (букв. положил)	Это увидев Кёк-Олақ ста коней топот издал (букв. положил), ста алыпов крик издал (букв. разлил)

Это также стандартная формула при описании вызова одним алыпом другого на поединок, совпадающая у обоих сказителей. И, кстати, она имеет столь же стандартное продолжение, которое зафиксировано у нас в примере под № 29:

29	0,407	– Алып ползан, алыжарға, кўлўк ползан, кўрежерге пеере шықсаң! – теп, қыйғырып, қара тураң эжингге қазала тўштў.	«Қара сарат пағда ба, Қара-Қазан эмдезин ма? Алып ползан, қабыжаға, кўлўк ползан, кўрежерге пеере шық, Қара-Қазан!» – теп қыйғырды.
		Если ты алып, то в схватку вступать, если ты удалец, то бороться сюда выходи! – так прокричав, к двери черной избы подъехал (букв. ‘спустился, встав как вкопанный’)	Темно-соловый конь на привязи ли, Кара-Казан дома ли? Если ты алып, то в схватку вступать, если ты удалец, то бороться сюда выходи! – так прокричал.

Здесь совпадение почти дословное за исключением двух разных глаголов, использованных сказителями в первой части формулы (соответственно, *ал-* и *қан-*). И это тоже стандартная формула, известная, насколько я могу судить по имеющимся записям, всем шорским сказителям.

***

	S	Кёк-Торчук (1962)	Кёк-Торчук (1999)
8	0,516	Ўш кулактыг кёк пораттыг Кёк-Торчук адың ползун!	Ноо алып полайын?! Ўш кулактыг кёк пораттыг Кёк-Торчук поларым!» – тедир.
		Ездящий на сине-сером коне Кёк-Торчук твое имя пусть будет!	Что за алып я буду?! Я буду (т.е. меня зовут) ездящий на сине-сером коне Кёк-Торчук! – сказал

Возможно, это не самый показательный пример, но он, тем не менее, содержит стандартную модель имени богатыря: в обоих случаях это «ездящий на таком-то коне Имя». В данном случае это имя главного героя, совпадающее в обоих текстах: ездящий на трехухом сине-сером коне Кёк-Торчук.

***

	S	Кёк-Торчук (1962)	Кёк-Торчук (1999)
17	0,478	Пону укқан Кёк-Торчук айтты:	Пону укқан Кёк-Торчук улут сытка кел кирди:
		Услышав это, Кёк-Торчук сказал	Услышав это, Кёк-Торчук горько заплакал (досл. 'в великий плач вошел')

Здесь можно обратить внимание, пожалуй, лишь на структуру высказывания: «услышав это, имя + глагол», характерное абсолютно для всех шорских эпических текстов, в том числе и для сравниваемых двух.

***

	S	Кёк-Торчук (1962)	Кёк-Торчук (1999)
19	0,471	Кёк-Торчука Теек-Мүкү, кошта пазып, алтын өргеге кирдилер.	Кёк-Торчукту колдаң қап, алтын өргеге акирдилер.
		Кёк-Торчук и Теек-Мюкю, вместе пошли и в золотой дворец зашли.	Кёк-Торчука за руку взяв, в золотой дворец ввели.

В этом предложении аналитическая программа, очевидно, взяла за основу для сравнения устойчивое словосочетание «в такой-то дворец + глагол». Оно, действительно, представляется важным, поскольку встречается абсолютно во всех эпических текстах по многу раз. Можно показать это наглядно, обратившись к поисковым возможностям Корпуса, на примере «прилагательное + дворец (напр. дат. п.)» и «дворец (напр. дат. п.) + глагол» (рис. 6).

Простой				Расширенный				Полнотекстовый				Правых/левых соседей			
Поиск: левых				соседей слова: öргеге				ғ к н о у							
Дистанция: -1				порог: 1											
В нормализованном				тексте: [все тексты]											
Найти															
Левые соседи слова «örgеge» во всех нормализованных текстах												Правые соседи слова «örgеge» во всех нормализованных текстах			
№	Словоформа	Q _c	Примеры	№	Словоформа	Q _c									
1	алтын	367		1	пас	166									
2	кузене	10		2	пазыш	29									
3	таш	2		3	кирип	19									
4	чес	2		4	пастыр	18									
				5	кире	17									
				6	кирдилер	14									
				7	кирең	9									
				8	акирди	6									
				9	кир	6									
				10	кирди	6									
				11	эжик	5									
				12	киргенде	4									
				13	пазып	4									
				14	парып	4									
				15	акирдилер	3									
				16	параң	3									
				17	толдыра	3									
				18	алты	2									

Рис. 6. Результаты поиска левых соседей слова *örgеge* в Корпусе

Как можно видеть, дворец в подавляющем большинстве случаев именно золотой (*алтын*) и в него либо пешком (*пас-*) заходят, либо просто заходят (*кир-*). В нашем случае у Торбокова и Таннагашева дворцы именно золотые, что идеально вписывается в эпическое видение мира у шорцев.

***

	S	Кök-Торчүк (1962)	Кök-Торчүк (1999)
24	0,418	Ат чарыжы көк пораттың полуп парды.	Кök пораттың альына пас парды, чарганат шени чапшынды.
		Бега сине-серый конь выиграл (досл. ‘конские состязания сине-серого коня стали’)	К сине-серому коню подошел, словно летучая мышь (к нему) прильнул (сев на него)

Здесь поисковая программа выдала нам пример, в котором сходство предложений было установлено исключительно на указании на коня, причем совпадает и падеж существительного, а также на наличии глагола *пар-* в прошедшем времени (*парды*). Интереснее было бы понять, а что же с образом летучей мыши, с которой сравнивается степень слитности всадника с конем в примере из таннагашевского текста. Для этого снова обратимся к поиску в Корпусе, задав на странице с нормализованным текстом «Кök-Торчүк» в самозаписи Торбокова слово *чарганат* (летучая мышь). Получаем два практически идентичных примера:

– *Қыдат изеңени қына пасты, алтын эзерди арта минди, адынга чарганатче чапшынды* (Китайские стремяна сдавил, в золотое седло сел, к своему коню словно летучая мышь прильнул).

– *Қыдат парғаң изеңеге қына пазып, көк поратқа чарганатче чапшынганы* (На китайские стремяна надавив, к сине-серому коню словно летучая мышь прильнул).

Как хорошо видно, для обоих сказителей это устойчивый образ (формула) – *чарғанатче* или *чарғанат шени*, который они всякий раз используют, когда речь идет о том, как именно всадник садится на своего коня.

В деталях многое кроется. Если уж в примерах из текста Торбокова мы встречаем «китайские стремена», то хорошо бы понять, а знает ли эту «формулу» Таннагашев. Ответ мне заранее известен, но коль скоро уж мы решили основываться на данных из Корпуса, то попробуем снова обратиться к его поисковым возможностям. Да, в сказании «Кёк-Торчук» Таннагашев почему-то обошелся без этой формулы. Но вот в других его текстах она есть. Правда, для того чтобы в этом убедиться, нам придется задать иные условия поиска, поскольку в форме именно *қыдат* это слово у Таннагашева не встречается. Попробуем посмотреть, какие примеры со словом *изеңе* (в любых его формах) встречаются в Корпусе. В ответ на этот запрос получаем 16 примеров из эпических текстов, 11 из которых были найдены именно в текстах Таннагашева (рис. 7).

4	изеңезин изеңезин изеңезин изеңезин изеңезин изеңезин	<p>Н О Кынат парған изеңезин қыста кел пасты, эн парған эксийин ыра кел тартты. – Қылай-Арғы (2003)</p> <p>Н О Ақ шамдарды пура тартып, қынат парған изеңезин қына тепти, эн парған эксийин ыра тартты. – Қын-Қоюк (1999)</p> <p>Н О Пура тартып кел, арғалыг сынға пастыр шықты, қынат парған изеңезин қыста пас кел қачырыбыза пергени, алтын ок шени оолап кел чүгүр шығыбысты қан позур ат. – Сарыг-Қан (2003)</p> <p>Н О Кынат парған изеңезин қыста пас кел, қара саратты қачыр турды. – Қан-Мерген (2006)</p> <p>Н О Кынат парған изеңезин қыста пас келип қачыр шықты. – Улуг-кичиг ақ сарат (2006)</p>
5	изеңелери изеңелери	<p>Н О Арғалыг сынға қынат парған изеңелери қыста кел пастылар, ұш ат тебин кел, чүгүр шықтылар. – Алтын-Салғын (2004)</p>
6	изеңелерин изеңелерин изеңелерин изеңелерин изеңелерин изеңелерин изеңелерин	<p>Н О Алтын-Сомма Алтын-Қылыш, ақ саратпа ақ кыр атты қынат парған изеңелерин қыста кел пасчалар, ийги ат, алтын ок шени, тебин кел, чүгүр шықтылар. – Алып-Қусқун (2004)</p> <p>Н О Кынат парған изеңелерин қыста кел пастылар, ийги ат, алтын оқтар шени, адыл шықтылар. – Алып-Қусқун (2004)</p> <p>Н О Кынат парған изеңелерин қыста кел пастылар. – Алып-Қусқун (2004)</p> <p>Н О Арғалыг сынға пастыр шығып, қынат парған изеңелерин қыста пас, аттарын қачыр шықтылар. – Алтын-Торғ (2006)</p> <p>Н О Сарыг-Қан Қара-Қайа аттарының, қынат парған изеңелерин қыста кел пастылар, ээн парған эксилерин ыра кел тарттылар. – Сарыг-Қан (2003)</p>

Рис. 7. Пример использования слова *изеңе* ‘стремя’ в шорских текстах Корпуса

Очевидно, что «старинное» и явно забытое слово *қыдат* было модифицировано в соответствии с осмыслением его Таннагашевым как ‘сдавленные, зажатые’ (от глаг. *қына-*), почему оно и шло у него в паре с как бы поясняющим это вспомогательным глаголом *пар-*, с помощью которого подчеркивался процесс или даже факт «зажатости» стремян. Но факт остается фактом – эта формула была известна обоим сказителям. В дополнение можно сказать, что форма *қынат* у Таннагашева – не есть свидетельство специфики эпического языка сказителей низовьев реки Мрас. В ранних записях Н.П. Дыренковой мы находим ту же самую форму *қыдат*, что и в самозаписях Торбокова, например в эпосе «Ақ Қан»: *қыдат парған изеңезин қына тепти* – китайские стремена сдавливая, нажал (в переводе Дыренковой «дернул ногою китайское стремя») (Шорский фольклор 1940: 162–163).

И, наконец, последняя пара из отобранных нами похожих предложений:

	S	Кёк-Торчук (1962)	Кёк-Торчук (1999)
30	0,407	Пону уккан Кёк-Торчуктуң кулагынга часкы атка чажыл көбктүң көглежиче уғулду.	Пону уккан Кёк-Торчуктуң ийги кулагынга көбк қаққан шени пилдирди.
		Услышавшему это Кёк-Торчуку показалось (послышалось) в ушах как коню весной пение зеленой кукушки.	Услышавшему это Кёк-Торчуку показалось, как будто в оба его уха кукушка пропела.

Формально обе фразы идентичны, что лишний раз свидетельствует в пользу единства эпического языка обоих сказителей. Но здесь все не совсем так, поскольку они понимали эту формулу по-разному. Для Тюрбекова это «пропустить мимо ушей», а для Таннагашева – «обрадоваться». Я специально перепроверил последнее, обратившись к Корпусу. И в эпосе «Чабыс-Чапан» (*Пону укқан Алтын-Қостаның кулагына көбк қаққан шени пилдирди* – Услышавшему это Алтын-Коста показалось, словно кукушка ему в уши напела), и в эпосе «Қусқун қараттыг Алып-Қусқун» (*Аны укқан Алтын-Сомның часқы аттың кулагынга көбк қаққан шени пилдирди* – Услышавшему это Алтын-Сому показалось, как будто коню весной в уши кукушка напела) эта формула идет сразу вслед за тем, как сестра или мать героя говорят ему, кто именно предназначен ему в жены. Герой радуется и отправляется добывать свою суженую. В случаях, когда по сюжету надо было представить невнимательность героя, Таннагашев обходился, насколько я могу судить, обычной лексикой, как, например, это было отмечено в эпосе «Қазыр-Тоо»⁵:

Мең черимге кирбеен чоқ парыбыстың,	В мою землю если не заедешь,
Өлбеен позуң, өлерзин,	Не умирающий умрешь,
Ашпаан позуң, ажарзың! – тедир.	Не погибающий погибнешь! – сказала.
Ундутпа, Қазыр-Тоо, мен айтқан сөсти!	Не забудь, Қазыр-Тоо, сказанные мною слова!
Пону укқан Қазыр-Тоо,	Это услышавший Қазыр-Тоо,
«Чакшы, чакшы», теп келип,	«Хорошо, хорошо», проговорив,
Алтын устол кексинең тура кел сергиди.	Из-за золотого стола быстро встал.

И тем не менее, еще раз повторюсь, вышеприведенная эпическая формула в языке обоих сказителей – если не обращать внимания на ее осмысление ими – одна и та же. Дополнительно могу также отметить, что речь идет именно о переосмыслении данной формулы конкретным сказителем, поскольку в эпическом языке тех же нижнеуралских исполнителей эпоса во время работы Н.П. Дыренковой смысл ее – «пропустить мимо ушей» – сохранялся (см.: Шорский фольклор 1940: 167 и 168).

Заключительные ремарки

Разумеется, результаты анализа лишь двух текстов, некогда самостоятельно записанных лишь двумя сказителями, жившими в разных регионах традиционного проживания шорцев и говорившими на разных диалектах шорского языка, нельзя распространять ни в целом на творчество всех шорских сказителей, воспевавших богатырские подвиги, ни даже на творчество собственно Торбокова и Таннагашева. Все же сравнение текстов эпоса «Кёк-Торчук» позволяет уверенно говорить о наличии у кондомских и мрасских сказителей единых сюжетов, в которых может совпадать все, что является наиболее значимым для их реализации в процессе исполнения (хотя и не всегда в той же последовательности) – от имен персонажей, мастей коней, основных эпизодов, главных действующих лиц, определяющих суть этого эпоса / этого сюжета, до используемого формульного языка эпоса при изложении основных тем эпоса. И это сравнение не дает оснований говорить о разных эпических традициях у кондомских и мрасских шорцев или хотя бы о разных сказительских школах, что представляется мне наиболее значимым результатом проведенной работы.

Применительно к названным сказителям, С.С. Торбокову и В.Е. Таннагашеву, в будущем можно будет обратиться к сравнению как минимум, еще одного одноименного эпоса, самостоятельно записанного ими – «Каннаң чабыс Кан-Мерген». Ранее мне уже приходилось обращаться к этому тексту в самозаписи обоих сказителей (Функ 2010: 50–85). Сравнение сюжетов, выполненное тогда, можно сказать, вручную, показало удивительное сходство как сюжета в целом, так и отдельных мотивов и ключевых образов этого сказания. В Корпусе пока есть лишь самозапись Таннагашева, причем еще не нормализованная. Набор же торбоковских текстов еще ждет своего часа. Думаю, машинный анализ этих текстов сможет существенно расширить наши представления как о творчестве названных сказителей, так и о школах, к которым они себя причисляли. Замечу также, что Торбоков не единожды делал запись этого сказания. Самая ранняя относится к 1941 г., и она – по объему, во всяком случае (она в разы меньше) – кардинально отличается от всех иных его последующих самозаписей. Позволит ли обращение к анализу именно этой самозаписи обнаружить некую точку отсчета в его творчестве и сделает в итоге тексты Торбокова и Таннагашева более сравнимыми? Увидим.

В любом случае представляется очевидным, что методы корпусного анализа дают возможность совершенно иначе подходить к рутинной процедуре сравнения текстов, позволяя максимально детально анализировать языка эпоса. Чем большее число текстов окажется в работе, тем более надежными, уверен, будут получаемые нами выводы.

Примечания

¹ Шорцы – один из самых малочисленных народов Сибири: 10 507 человек по данным переписи населения России 2021 г. (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Том5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 16.07.2024)). Эта этническая группа проживает в основном на юге Кемеровской области. До начала XX века шорцы служили прекрасным примером для иллюстрации образа жизни таежных охотников, рыбаков и собирателей, но уже давно большинство их, в настоящее время около 70%, являются горожанами. За последние десятилетия сократилась не только численность тех, кто считает себя шорцами, но и доля тех, кто владеет шорским языком. Лишь небольшой процент их – не более 10% (официально около 22%) – по-прежнему владеют шорским языком как родным, что дает основания считать его языком, находящимся под угрозой исчезновения.

² Термин «литературный диалект» использован в корпусе как равнопорядковый термин относительно иных диалектов.

³ В моем понимании это репертуар нескольких сказителей, возводимый к творчеству родоначальника данной «школы» (что невозможно перепроверить) и характеризующийся общностью строения эпических текстов, сюжетов, музыкального сопровождения (мелодики), действующих лиц и языка эпоса.

⁴ В самом общем виде ее можно определить как совокупность близких сказительских школ в некоем пространственно-временном континууме.

⁵ Запись Л.Н. Арбачаковой, 1996 г. Расшифровка шорского текста доступна на сайте https://corpora.iaa.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=59 Редакция шорского текста и перевод мои. – Д.Ф.

Список источников

- Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2002. 352 с.
- Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / отв. ред. Н.А. Алексеев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1382 с.
- Лорд А. Сказитель / пер. с англ. и коммент. Ю.А. Клейнера и Г.А. Левинтона. Послесл. Б.Н. Путилова. Статьи А.И. Зайцева, Ю.А. Клейнера. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 368 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока)
- Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов: устные и литературные традиции. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1984. 309 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока)
- Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен... Ч. 1: Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866.
- Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура / пер. с англ. В. Трейстер под ред. Д.А. Функа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2008. 383 с. (Исследования по фольклору и мифологии Востока)
- Токмашов Б. Кёк-Торчук. Богатырское сказание кондомских шорцев. Новокузнецк, 2018.
- Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005. 398 с.
- Функ Д.А. [рец.] Е.Н. Кузьмина. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / ред. Н.А. Алексеев. Новосибирск, 2005. 1382 с. // Этнографическое обозрение, 2008. № 2. С. 173–177.
- Функ Д.А. Предисловие к публикации отрывка сказания «Самый невысокий из ханов Хан-Перген» // Шорский героический эпос. Т. 1 / сост., подгот. к изданию, вступит.

- ст., пер. на рус. яз., примеч. и коммент. Д.А. Функа. 2-е изд. Кемерово: Примула, 2010. С. 50–85.
- Чичеров В.И. Школы сказителей Заонезья. М.: Наука, 1982. 197 с.
- Чудояков А.И. Стили шорского края // I международная конференция «Традиционные культуры и среда обитания»: тезисы. М., 1993. С. 39–43.
- Чудояков А.И. Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова // Шорские героические сказания. Москва; Новосибирск, 1998.
- Шорский фольклор / Записи, перевод, вступ. ст. и примечания Н.П. Дыренковой. М.; Л.: Издание АН СССР, 1940. 39 + 448 с.
- Heissig W. (Hg.) Die mongolischen Epen. Bezüge, Sinndeutung und Überlieferung. (Ein Symposium). Asiatische Forschungen 68. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1979. 216 S.
- Radloff W. Vorwort // Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. V. Theil: der Dialekt der Kara-Kirgisen. St. Petersburg, 1885. S. I–XXVIII.
- URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 16.07.2024).
- URL: https://corpora.iea.ras.ru/corpora/describe_text.php?id=59

References

- Kazagacheva Z.S. (2002) *Altaiskie geroicheskie skazaniia «Ochi-Bala», «Kan-Altyn»*. (*Aspekty tekstologii i perevoda*) [Altai heroic tales “Ochi-Bala”, “Kan-Altyn”. (Aspects of textual criticism and translation)]. Gorno-Altai: Gorno-Alt. tip.
- Kuz'mina E.N. (2005) *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaitsev, buriat, tuvintsev, khakasov, shortsev, iakutov)*. *Ekspperimental'noe izdanie* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakassians, Shors, Yakuts). Experimental edition] / Ed. by N.A. Alekseev. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
- Lord A. (1994) *Skazitel'* [A Story-teller]. Translated from English, comments by Iu.A. Kleiner and G.A. Levinton. Afterword by B.N. Putilov. Articles by A.I. Zaitsev, Iu.A. Kleiner. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN. (Studies on folklore and mythology of the East)
- Nekliudov S.Iu. (1984) *Geroicheskii epos mongol'skikh narodov: ustnye i literaturnye traditsii* [The heroic epic of the Mongolian peoples: oral and literary traditions]. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN. (Studies on folklore and mythology of the East)
- Radlov V.V. (1866) *Obraztsy narodnoi literatury tiurkskikh plemen ... Ch. 1: Podnarechiia Altaia: altaitsev, teleutov, chernovykh i lebedinskikh tatar, shortsev i saiantsev* [Examples of folk literature of the Turkic tribes ... Part 1: Subdialects of Altai: Altaians, Teleuts, Chernov and Lebedinsky Tatars, Shors and Sayans]. St. Petersburg.
- Reichl K. (2008) *Tiurkskii epos: traditsii, formy, poeticheskaiia struktura* / Translated from English by V. Treister, ed. by D.A. Funk. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN. (Studies on folklore and mythology of the East)
- Tokmashov B. (2018) *Kök-Torchuk. Bogatyrskoe skazanie kondomskikh shortsev* [Kök-Torchuk. The heroic legend of the Kondoma Shors]. Novokuznetsk.
- Funk D.A. (2005) *Miry shamanov i skazitelei: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [Worlds of Shamans and Storytellers: A Comprehensive Study of Teleut and Shor Materials]. Moscow: Nauka.
- Funk D.A. (2008) Review of E.N. Kuz'mina. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaitsev, buriat, tuvintsev, khakasov, shortsev, iakutov)*. *Ekspperimental'noe izdanie* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakassians, Shors, Yakuts). Experimental edition] / Ed. by N.A. Alekseev. Novosibirsk, 2005. 1382 s. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 173–177.

- Funk D.A. (2010) Predislovie k publikatsii otryvka skazaniia «Samyi nevyssokii iz khanov Khan-Pergen» [Preface to the publication of an excerpt from the tale “The shortest of the khans, Khan-Pergen”]. In: *Shorskii geroicheskii epos. Tom I* [Shor heroic epic. Volume 1] / Preparing for publication, compilation, introduction article, translation into Russian, notes, comments by D.A. Funk. 2nd ed. Kemerovo: OOO «Primula», pp. 50–85.
- Chicherov V.I. (1982) *Shkoly skazitelei Zaonezh'ia* [Schools of storytellers of Zaonezhye]. Moscow: Nauka.
- Chudoiakov A.I. (1993) Stili shorskogo kraia [Styles of the Shor region]. In: *I mezhdunarodnaia konferentsiia «Traditsionnye kul'tury i sreda obitaniia»: tezisy* [First International Conference "Traditional Cultures and Habitat": Abstracts]. Moscow, pp. 39–43.
- Chudoiakov A.I. (1998) Traditsii shorskogo eposa i skazaniia Pavla Kydyiakova [Traditions of the Shor epic and the tales of Pavel Kydyiakov]. In: *Shorskie geroicheskie skazaniia* [Shor heroic epics]. Moscow; Novosibirsk.
- Shorskii fol'klor* [Shor folklore] / Records, translation, introduction and notes by N.P. Dyrenkova. Moscow; Leningrad: izdanie AN SSSR, 1940.
- Heissig W. (Hg.) (1979) *Die mongolischen Epen. Bezüge, Sinndeutung und Überlieferung*. (Ein Symposium). Asiatische Forschungen 68. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
- Radloff W. (1885) Vorwort. In: *Proben der Volksliteratur der nördlichen türkischen Stämme gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. V. Theil: der Dialekt der Kara-Kirgisen*. St. Petersburg, pp. I–XXVIII.

Сведения об авторе:

Функ Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией социокультурной антропологии, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitriy A. Funk, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation); Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: d_funk@iea.ras.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 20 июля 2024;
принята к публикации 1 сентября 2024.*

*The article was submitted 20.07.2024;
accepted for publication 01.09.2024.*

СИБИРСКИЕ СЮЖЕТЫ

Научная статья
УДК 303.446.23 (81-119)
doi: 10.17223/2312461X/45/3

Взлет и падение магистра Артура Глейе (из истории лингвистических исследований в Томском университете)

Рита Шаликовна Кузнецова^{1,2}

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

² Институт языкознания РАН, Москва, Россия

^{1,2} r.kuznetsova@iling-ran.ru

Аннотация. Имя томского лингвиста А.К. Глейе практически полностью забыто. Между тем ученый получал образование у крупнейших лингвистов, таких классиков, как Карл Бругман, Август Лескин, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др. Ряд гипотез Глейе, чья деятельность относится к 1890–1930-м гг., о древнейших контактах уральских, картвельских, семитских и индоевропейских языков, о родстве хуррито-урартских с восточнокавказскими и прочими даже предвосхитили исследования и выводы ученых последующих поколений. Однако другие его работы, особенно в области финно-угроведения, резко расходятся методологически с научной компаративистикой, что явилось причиной критики лингвиста авторитетными специалистами своего времени, например Паулем Аристе, назвавшим деятельность Глейе псевдолингвистикой. Многие изломы карьеры Глейе объясняются его происхождением из семьи остзейских немцев и непростым временем, в котором он жил (антигерманскими настроениями в Первую мировую войну, фенноманией в странах Балтии и др.). В статье впервые делается попытка восстановить из разрозненных фрагментов целостную научную биографию исследователя. Важнейшими источниками при этом послужили свидетельства очевидцев (К. Доннера, Ф.И. Кнауэра), а также переписка, в том числе неопубликованные письма А.К. Глейе, адресованные Н.Я. Марру, которые хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук.

Ключевые слова: урало-алтаистика, кавказоведение, история лингвистики, Артур Глейе, Кай Доннер, Николай Яковлевич Марр

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20–18–00159, <https://rscf.ru/project/20-18-00159/>, организация, осуществлявшая финансирование, – Институт языкознания Российской академии наук (ИЯз РАН).

Для цитирования: Кузнецова Р.Ш. Взлет и падение магистра Артура Глейе (из истории лингвистических исследований в Томском университете) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 56–74. doi: 10.17223/2312461X/45/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/45/3

Rise and Fall of Master Arthur Gleye (From the History of Linguistic Studies at Tomsk University)

Rita Sh. Kuznetsova^{1,2}

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russia

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^{1,2} r.kuznetsova@iling-ran.ru

Abstract. The name of Tomsk linguist Arthur Wilhelm Gleye is almost completely forgotten. Meanwhile, this scholar was educated by major linguists and such classics as Karl Brugmann, August Leskien, Jan Baudouin de Courtenay, and others. All activities of Gleye date back to the 1890s–1930s, and some of his hypotheses about the ancient contacts between Uralic, Kartvelian, Semitic, and Indo-European languages, about the relationship of the Hurro-Urartian with the East Caucasian etc., even anticipated the research and conclusions of scholars of subsequent generations. However, his other works, especially in the field of Finno-Ugric studies, sharply diverge methodologically from academic comparative studies, which was the reason for the linguist's criticism by authoritative specialists of his time, for example, Paul Ariste, who called Gleye's activities "pseudo-linguistics." Many of the breaks in Gleye's career are explained by his origins from a family of Baltic Germans and the difficult times in which he lived (anti-German sentiment in the First World War, Fennomania in the Baltic countries, etc.). The article is the first to attempt to reconstruct a complete biography of the researcher from scattered fragments. The most important sources were eyewitness accounts (Kai Donner, Friedrich Knauer), as well as correspondence, including unpublished letters from Arthur Gleye addressed to Nikolai Marr, which are stored in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Uralo-Altalic, Caucasus studies, history of linguistics, Arthur Gleye, Kai Donner, Nikolai Marr

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 20–18–00159, <https://rscf.ru/project/20-18-00159/>, the funding organization was the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kuznetsova, R.Sh. (2024) Rise and Fall of Master Arthur Gleye (From the History of Linguistic Studies at Tomsk University). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 56–74 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/3

Хронология событий жизни и научной деятельности А.К. Глейе, наиболее интенсивно работавшего в первые десятилетия XX в., содержит большие пробелы. К концу столетия его имя было забыто настолько, что ни в одном русскоязычном справочнике по лингвистике упоминаний о нем нет. Личных документов, переписки Глейе известно мало: мемуаров он не оставил, а его эпистолярное наследие весьма скудно. Немногочисленные данные, собранные нами здесь, также не дают полного представления о личной жизни, взаимоотношениях ученого с коллегами и

друзьями, как и о его научном наследии. Однако надеемся, что они ценны как попытка вернуть из забвения этого яркого лингвиста, несомненного знатока не только уральских языков, но и ряда индоевропейских (армянского, балтийских, славянских и проч.) и языков Кавказа.

Детство. Начало профессионального становления

Артур Вильгельм (Артур Карлович) Глейе, или *Глейэ*, как он сам предпочитал подписываться, родился 9 октября 1867 г. в Риге Лифляндской губернии Российской империи в зажиточной немецкой семье. Его родителями были купец II гильдии Карл Эдуардович Глейе (1836–1877) и купеческая дочь Лили Глейе (в девичестве Хеннингсон). Сохранились записи различных лютеранских приходов Риги, из которых видно, что Карл Глейе происходил из городка Валка на границе с современной Эстонией, а отец Лили – из Нарвы. Бабка Артура по материнской линии – Луиза Галиндо, родилась в Ревеле (Таллин). Позже Хеннингсоны переселились в Дерпт (Тарту) (Eeva, Maria Carlita Gleye). Детство, проведенное в эстонском (финноязычном) окружении, несомненно, играет роль в выборе интересов будущего лингвиста.

Артур Глейе был вторым в семье ребенком. Все трое детей получили высшее образование, его старший брат Карл Эрих (1866–1933) впоследствии стал известным историком-византистом, переписывался с К. Лампрехтом, а младшая сестра Мария Карлита (1877 г. р.) писала стихи и публиковалась в Цюрихе и Лейпциге. Сам Артур учился в гимназии в Гольдингене (Кулдига) Курляндской губернии, где изучал латынь, греческий и древнееврейский языки. После завершения гимназического обучения в 1887 г. он занимался в 1888–1890 гг. в университетах Дерпта, а затем Лейпцига, сравнительным языкознанием, изучая славянские языки. Среди его лейпцигских профессоров были лидеры младограмматиков Карл Бругман и Август Лескин, индолог Бруно Линднер, теолог и гебраист Франц Делич (Gleye 1896: 5). Диплом кандидата немецкого языка и сравнительного языкознания А.К. Глейе получил в августе 1891 г. Его кандидатская работа (“Ueber den Ursprung des latein. ‘f’ im Anlaut”) была посвящена происхождению латинского губно-зубного [f]. В 1893 г. он сдает магистерский экзамен по литовскому и славянским языкам, а 14 апреля 1896 г. выходит на защиту магистерской диссертации по сравнительному языкознанию. В период между магистерским экзаменом и подготовкой к получению соответствующей степени Глейе находился в Тюбингенском университете. Там он изучал армянский у профессора Пауля Веттера, а также санскрит и персидский у Рудольфа фон Рота – одного из основателей ведийской филологии (Gleye 1937: vi).

Защита магистерской диссертации Глейе с классической для сравнительно-исторического языкознания того времени темой “Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der indogermanischen ‘Postlingualreihen’ (Gutturalreihen)” («Доклад об истории развития индо-германской серии заднеязычных (гutturальных)») проходила на историко-филологическом факультете Императорского Юрьевского (бывш. Дерптского) университета. В своем благодарственном слове он упоминает преподавателей, которые в той или иной степени принимали участие в становлении его как ученого. Среди них такие известные личности, как заведующий кафедрой немецкого языка и глава Ученого эстонского общества при университете д-р Лео Майер, член-корреспондент Петербургской академии наук И.А. Бодуэн де Куртенэ, доценты Леопольд фон Шрёдер и Леонард Масинг (Gleye 1896: 5). В 1893 г. в преимущественно немецком Дерптском университете произошла русификация, и к моменту защиты Глейе Бодуэн уже перешел на работу в Ягеллонский университет в Кракове, а Шрёдер – в университет Инсбрука.

Кавказские штудии Глейе

В 1897 г. А.К. Глейе устроился приват-доцентом сравнительного языкознания в Императорский Новороссийский университет в Одессе, но вскоре отправился на Кавказ для изучения кавказских языков, где проработал три года, с 1897 по 1900 г., учителем немецкого языка в Кутаисском реальном училище. Итогом «кавказского» периода стала публикация статьи «О происхождении грузинского народа и его языка» (январь 1900 г.) в 27-м «Сборнике материалов для описаний местностей и племен Кавказа», издаваемом Управлением Кавказского учебного округа. И стиль этой статьи, и основные содержащиеся в ней выводы по большей части устарели, но некоторые из них все же заслуживают интереса даже сейчас. Автор обратил внимание на «слова иноземного происхождения» в современном грузинском – семитского и финно-угорского происхождения. Поначалу он не стал выискивать грузино-«арио-европейские» сходства, посчитав это направление бесполезным, «в особенности, если мы беремся отыскивать первоначальное родство между этими языками на основании законов фонетики арио-европейских языков» (Глейе 1900: 122). К доказательствам финно-угорского влияния в статье отнесены 10 лексем и 8 морфологических признаков. Первые не выглядят бесспорными, ср. груз. <швили> (Глейе использовал кириллическую графику), ингилойское <шүл> ‘сын’ при венг. <шыл> ‘он рождает’, <шыллен> ‘послеродовое место’. Примером вторых будто бы служит груз. суффикс <еб>:

От грузинских существительных и глаголов производятся новые глаголы прибавлением *-еб* (здесь и далее курсив наш. – Р.К.) или *об*, которые с окончанием *-а*

принимают значение отглагольного существительного: *ц'ера* (°)писать(°) – *ц'ереба*; *џмерти* (°)Бог(°) – *џмертеба*, *џмертоба*. В угро-финских языках прибавляется *-en* к корню и получаются существительные со значением причастия настоящего времени: *шаарен* (°)топор(°), от кор. (так у автора, вероятно, имеется в виду карельский язык. – Р.К.) *шагр* (°)резать(°); *jonxen* (°)луна(°), кор. *jonx* (°)крутиться(°); *junten* (°)иглолка(°), кор. *junт* (°)шить(°) (Глейе 1900: 120).

В лучшем случае, если это не случайные совпадения, примеры, приведенные Глейе, могут отражать какие-то глухие, едва выраженные следы урало-картвельских схождений. Несомненно, его энтузиазм в этом вопросе вызван работами того времени крупного венгерского лингвиста Берната Мункачи (Munkácsi 1900, 1901), на которого автор ссылается в другой своей статье (1907а). Более убедительно, возможно, выглядят вскрытые Глейе семитизмы в грузинском: 11 лексем, а также способы образования глагольных причастий при помощи <м-> (<мц'ери>, <мц'ерели> 'пишущий'), порядковых числительных прибавлением <ме-> (<меате> 'десятый' от <ати> '10' и проч.) и дробных прибавлением <-ди> (<месамеди> '1/3', <меатеди> '1/10', <меаседи> '1/100' при др.-евр. *-т'* и аккад. *-(а)ту*, *-(а)ти*). Аккад. <кӯраду> 'храбрый' он, напротив, считал примером картвелизмов в семитских (ср. груз. <гулади> 'то же' от <гули> 'сердце' – Глейе 1900: 121, прим.).

Глейе был далек от того, чтобы считать картвельскую семью родственной семитским. Он, полагаясь на мнение Карла Паули (Pauli 1894) и Петера Йенсена (Jensen 1898), связывавших в то время грузинский язык с эламским, рассуждал следующим образом: семитизмы достались грузинскому от эпохи эламско-картвельского единства, когда предки носителей обоих языков контактировали с древними семитами, в то время как урализмы явились результатом действия субстрата языка какого-то населения «с высшей культурой», покоренного ими уже позже и севернее первоначальной территории расселения (Глейе 1900: 121). Тем не менее Глейе, по-видимому, первым обратил внимание на существование семитско-картвельских параллелей. Соответствующие работы А. Тромбетти (Trombetti 1902–1903) и Н.Я. Марра (1908) появились на несколько лет позже, причем последний в своих выводах опирался на совершенно другие примеры.

Позднее Г.А. Климов (1964: 192, 264) реконструировал общекартвельское состояние, по крайней мере, для двух грузинских слов из списка возможных семитизмов Глейе: груз. *хар-* 'бык' <пракарт. **qan-* (сближавшееся с сем. <кар> 'овн, как самец овцы' (Глейе 1900: 116)) и *рир-* 'буйволица, корова' <пракарт. **rir-* (при аккад. <нӯру> 'молодой буйвол' – там же). Если не игнорировать сопоставления, произведенные Глейе (по крайней мере, во втором случае они вовсе не противоречат реконструкции Климова), то это может означать, что корни, аналогичные семитским, бытовали уже на уровне картвельского праязыка.

Следующий, самый продолжительный и плодотворный, «сибирский» период в жизни А.К. Глейе начался в конце 1900 г. и был связан с его переездом в Томск. Выбор нового места не кажется случайным. Семья Глейе была как-то связана с Сибирью, некий родственник-чиновник оказывал протекцию Артуру, брат Карл Эрих даже перевел на немецкий и опубликовал записки П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина о колонизации Сибири (Stolypin, Kriwoschein 1912). Вначале А.К. Глейе лишь «исправлял должность члена испытательной комиссии при попечителе Западно-Сибирского учебного округа», но с января 1901 г. уже работал преподавателем немецкого языка на медицинском факультете Императорского Томского университета, состоявшем в то время всего из двух факультетов: медицинского и юридического. Сегодня на сайте Томского государственного университета отмечается, что «120 лет истории успеха» в преподавании в вузе немецкого отсчитываются именно с 21 февраля 1901 г. – дня, когда Глейе «в присутствии почти всех профессоров и преподавателей в 1-ой аудитории главного корпуса прочел лекцию на иностранном языке» (ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 136; БД «Профессора и преподаватели российских университетов»). Кроме того, он фигурирует в списках преподавателей Томской губернской гимназии (Личный состав учебных заведений).

За 20 лет работы в Томске ученый написал и опубликовал большую часть своих сочинений, по-русски и по-немецки. Первое из них было отослано для опубликования в Гельсингфорс (Хельсинки) и содержало ряд предположений, представляющихся на сегодняшний момент ошибочными: о родстве древнего населения Мисии и Лидии с северо-кавказскими (лезгинскими) племенами, о наличии урализмов в кавказских языках и проч. (Gleye 1900).

Другие его работы продолжали выходить в СМОМПК. Так, сразу два текста Глейе были приняты крупным исследователем языков Кавказа Л.Г. Лопатинским к публикации в 31-м выпуске сборника. «О месте армянского языка среди арио-европейских языков» (Глейе 1902а) была новаторской работой. К этому времени Генрих Хюбшман (Hübshmann 1877) уже определил самостоятельный статус армянского внутри индоевропейской языковой семьи – до этого армянский язык считался одним из иранских. Глейе выступил против сближения армянского с фригийским и фракийским, что теперь представляется верным. По прочтению статьи Глейе становится ясно, что ее автор примкнул к сторонникам так называемой волновой теории Г. Шухардта и И. Шмидта в том, что касается модели развития индоевропейской семьи языков. Выводом было:

Армянский язык, принадлежавший к числу языков средних арио-европейцев, имеет много общего с иллирийским и фрако-фригийским языками, но все же остается самостоятельным арио-европейским языком, выражающим одновременно отношения к языкам юго-западных (<...> греков), западных (<...> кельтов)

и юго-восточных (<...> иранских и индийских народов) арио-европейцев. Об отношениях армянского к греческому и арийским языкам вообще писал уже Kretschmer (Einleitung и т.д.); но отношения между армянским и кельтским языками еще не исследованы (Глейе 1902а: 3).

По всему видно, что Лопатинский проявил большую заинтересованность в данной публикации и даже снабдил ее уточняющими примечаниями. В трех случаях Глейе привел свои собственные этимологии. Так арм. *learn* ‘гора’ он объяснял как <леп+арн> (по типу <ам-арн> ‘лето’) при греч. *λέλας* ‘гора’. Наиболее интересным Лопатинскому показалось возведение арм. *tikin* ‘царица, государыня’ к **tik+kin* ‘жена дома’ при ирл. <тег, тех>; ст.-бретон. <тиг, тег, ти> ‘дом’. По Глейе, «армянские слова *tēr* и *тикин* соответствуют по значению и образованию немецким Haus (Burg=Schloss) herr и Hausfrau или греческим *δεσπότης* и *δέσποινα*» (Глейе 1902а: 7). В этом месте Лопатинский добавил ряд аналогий из других и.-е. языков: санск. <*gāc-nati-uh*>, слав. *гос-под-ь*, *гос-под-ин*, *гос-под-ар-ь*; латин. *hos-pe-s*, *hos-pit-us*.

Рачья Ачарян, представивший свой «Корневой (этимологический) словарь армянского языка» на четверть века позже, знал работу Глейе, цитировал ее, возможно, даже почерпнул оттуда идею о двусоставности и исторической связи арм. *tikin* и *tēr*, однако предложил свои отличные этимологии, ср. *tēr* <**ti-ayr* ‘бол. муж’ и *tikin* <**tē-kin* ‘бол. жена’ и т. д. (Ачарян 1971–1979, т. 4: 401, 406).

Второй текст из упомянутого выпуска СМОМПК Глейе решил все-таки посвятить индоевропеизмам в грузинском. Он содержит 23 лексемы и 22 морфологические черты – в основном различные суффиксы (Глейе 1902b). Эту работу высоко ценил Г.А. Климов (1994: 8): «Едва ли не первым автором, поставившим в повестку дня исследования проблему “до-исторических” индоевропеизмов картвельских языков, явился отечественный кавказовед А. Глейе <...>». Особенно важным было то, что автор «Арио-европейских элементов в грузинском» правильно представлял себе эпоху, когда происходило это влияние, принимал «очень отдаленные хронологические рамки для древнейших индоевропейско-картвельских контактов» (Климов 1994: 10). Из предлагаемых сопоставлений Климов выбрал два: груз. *tpil-* ‘теплый’ при лат. *tepōrus* ‘то же’ и груз. *madl-* ‘благодарение, благословение’ при др.-прусск. *maddla* и лит. *maldà* ‘молитва’. Остальные он считал либо более поздними заимствованиями, а потому менее интересными, либо случайными совпадениями или просто ошибками (Климов 1994: 9).

К 1905 г. А.К. Глейе написал свою докторскую диссертацию и готовился к защите в Санкт-Петербургском университете. Сохранились два его письма, адресованные Н.Я. Марру, в те годы профессору Восточного факультета (деканом был иранист В.А. Жуковский). В первом письме Глейе писал (АГ/НМ 18.08.1905):

Глубокоуважаемый господин профессор!

Желаю представить в марте 1906 г. историк.-филол. фак. (– Пет. унив. диссертацию мою под названием угрофинские элементы в армянском языке для получения ученой степ. д-ра сравн. языковед. (я – магистр Дерптского унив. с 2/IV 1896 г.) обращаюсь к Вам с огромнейшей просьбой сообщить мне сколько экземпляров своей работы я должен прислать факультету. <...> Диссертация моя будет в скором времени здесь в Томске напечатана и в начале 1906 г. отправлена в ист.-фил. фак. в С-Петербург. унив. или могу ли я предоставить работу и в восточном фак? В надежде получить от Вас ответ, остаюсь многоуважаемый Вас
А. Глейе
Томск, Солдатская 27, д. Пешковского.

Однако эти планы быстро расстроились. Судя по всему, ответное письмо Марра (несохранившееся) содержало отказ. По-видимому, факультет посчитал квалификацию Глейе формально неподходящей. Не ясно, что послужило действительной причиной. Возможно, что тема урартизм в армянском языке показалась недиссертательной или даже ненаучной старшим коллегам, но это маловероятно, учитывая смелые гипотезы тех лет многих из них. В следующем письме Глейе упомянут некий профессор Б. (В.В. Бартольд?), который, видимо, и высказался против рассмотрения в диссовете работы нового соискателя (АГ/НМ 13.10.1905):

20 сентября я получил Ваше письмо, из которого я узнал, что я, хотя магистр сравнительного языковедения и писавший труды об армянском языке, все-таки не имею права представить свою работу восточному факультету. В следствие недоразумений, проф. Б. понял, что я ему хотел представить диссертацию, но я на всякий случай подозревал неудачу в вашем факультете, думал что могу представить диссертацию историк-фил. фак. и только чтобы факультет пригласил Вас как лучшего знатока армянского языка в Петерб. унив. дать отзыв об этой работе. Я теперь для избежания всяких недоразумений отказываюсь конечно представить работу в Петербургском университете.

Насколько известно, на этом Глейе оставил всякие попытки получить ученую степень более высокую, чем магистерская. Тем не менее его профессиональные интересы тех лет были созвучны марровским, и Марр прислал ему для работы экземпляр своей грамматики древнеармянского языка. В письмах упоминалось также об очередной статье Глейе: «В выпуске 36 “Сборника” печатана будет моя статья о «ванском» языке». И далее: «Работа моя появится наверное в мае месяце 1906 г. в 37 в. Сборника» (АГ/НМ 13.10.1905). Речь шла об «Опыте решения «ванского» (урартского) вопроса» (Глейе 1907а), где он настаивал на том, что язык урартских надписей родствен лезгинскому. По этому поводу Глейе даже вступил в короткую полемику с Марром:

Так-как лезгинский язык находится в дальнем родстве с картвельскими, то я могу согласиться с Вашим мнением об исконном слое армянского языка, который

находился в родстве с грузинским. Но считая что лингвисты вроде г. Джана-швили могли иначе понять эти выражения я считаю целесообразно избегать выражения грузинского языка, как-только мы убедимся в том что Ванский язык древне-лезгинское наречие (АГ/НМ 13.10.1905).

Он соглашался с Марром в другом, «что армянский язык – мешанный язык», но при этом подчеркивал, что пришел к такому выводу самостоятельно и задолго до этого: «Я доказывал это на более 100 страницах». Поскольку все другие работы Глейе на эту и смежные с ней темы были куда меньшего объема, то, очевидно, имелся в виду текст только что завершенной диссертации. В заключение автор письма заявлял, что помимо *остатков ванского языка* в индоевропейском армянском языке, как и в грузинском, должны были сохраниться следы присутствия угрофинского субстрата. На тот момент он помещал неких гипотетических угрофиннов в непосредственной близости от Урарту, считая, что ими были киммерийцы.

Статья о родстве урартского языка с нахско-дагестанскими (лезгинскими), которая действительно вышла не в 36-м, а в 37-м выпуске СМОМПК, оказалась надолго и незаслуженно забыта. В ней Глейе впервые указал на 9 общих суффиксов (именных и глагольных), 4 местоимения, приведя также 4 этимологии. В отличие от многих специалистов по кавказским языкам своего времени он выглядит вполне современно, когда пишет, что «“кавказского” праязыка никогда не существовало, но существовало известное число наречий», которые представляли собой «постепенные переходы от одного к другому» (Глейе 1907а: 45, прим. 15).

Из первого процитированного выше письма ясно, что весной 1905 г. Глейе посылал свою работу в Москву профессору Вс.Ф. Миллеру, который пообещал чтение ее положений в виде реферата «в Московском археологическом обществе, историческом факультете» (АГ/НМ 18.08.1905). Нет никаких свидетельств, была ли статья прочитана. Лишь спустя почти 30 лет удинский лингвист-самоучка Абгар Пайазат (1936) независимо от А.К. Глейе пришел к тем же выводам относительно родства урартского («халдского») с языками указанной группы. По-видимому, об исследовании своего предшественника ничего не было известно и И.М. Дьяконову, заново «открывшему» принадлежность хуррито-урартских к северо-восточно-кавказской ветви языков в 1960-е гг. (Дьяконов 1967; Дьяконов, Старостин 1988).

Последняя кавказоведческая работа Глейе (1907b) была посвящена ареальным взаимоотношениям северокавказских языков. Она привлекла больше внимания и заложила основы многих современных представлений, например, о более широкой области распространения абхазо-адыгских языков в прошлом, т. е. на территории исторической Колхиды (Западная Грузия). В частности, ее активно использовал абхазский просветитель Дм. Гулия (1925: 27–28) в период написания своей «Истории Абхазии».

«Псевдолингвистический» поворот

О заключительном десятилетии жизни Глейе в Томске сохранилось мало сведений. Известно, что он женился – следующая его работа (Gleye 1910) содержит посвящение “*meiner frau*”. В ноябре 1911 г. в городе был проездом доцент университета Гельсингфорса Кай Доннер, находившийся в Сибири в экспедиции. Он встретился с Глейе, но не нашел с ним общего языка и иронично отозвался о результатах его научной деятельности:

Работая в библиотеке, я встретил одного господина, с которым мне хотелось бы познакомить финскую читательскую аудиторию, поскольку он в каком-то смысле является новой «звездой» на небосклоне финно-угорских языковедческих исследований <...>. Его зовут Артур Глейе, и он преподает немецкий язык в университете. Узнав, что в городе остановился финно-угорский энтузиаст, он поспешил завести знакомства и изложить свои теории. Он подарил нижеподписавшемуся свою последнюю работу, изданную Томским университетом, под названием «*Hettitische Studien*» (Лейпциг, 1910). В этой книге объемом более 100 страниц он пытается представить историю и ранние этапы развития финно-угорских народов в совершенно новом свете. С помощью огромного научного аппарата автор пытается доказать, что одно из племен, принадлежащих этому народу, жило в Малой Азии около 3–4 тысяч лет назад, представляя высокую и развитую культуру <...>. В этом контексте не могу не сообщить, что автор вскоре собирается начать новое масштабное исследование иероглифов Фестского диска, найденного на острове Крит. Читая их слева направо или наоборот, если удобнее, он пришел к выводу, что они написаны на чистом эстонском языке – хотя и на неизвестном доселе диалекте. Можно только удивляться, что Томский университет посчитал, что может тратить свои средства на столь бесполезную цель. Но в защиту кониссии, однако, следует упомянуть, что все ее члены – юристы или врачи и ничего не знают ни о хеттских иероглифах, ни о более ранних этапах истории финно-угорских народов (Donner 1911).

Критика К. Доннера вполне справедлива. Это была уже не первая работа, в которой Глейе вслед за Марром занимался поисками «третьего этнического элемента» (не арийского, и не семитического) в древнем Средиземноморье. Только для автора «Хеттских штудий» он означал не «яфетидов», а финно-угров. При этом оба совершенно игнорировали историю языков, не делая различий при сравнениях между современными формами и давно вымершими, известными лишь по древним памятникам (фонетические законы для таких языков, как правило, были еще не установлены, а праязыки не реконструированы). Доннер обратил внимание также на то, что его томский знакомый поступал в точности как Генрих Винклер (Winkler 1909), бывший в то время яростным сторонником урало-алтайской гипотезы.

В послесловии к этому труду главным своим достижением Глейе называл предложенный им «совершенно новый путь» – при рассмотрении языков древней Малой Азии необходимо учитывать их скрещенный

характер и принимать во внимание наличие в них кавказских, уральских и прочих субстратов (Gleje 1910: 117–118). В оправдание автора и всего Томского университета можно также заметить, что индоевропейский характер хеттского языка тогда еще никому не казался очевидным. В 1902 г. Й.А. Кнудтсон включил вновь открытый язык в индоевропейскую семью, но его мнение поначалу не было всерьез принято специалистами, и к 1915 г. он сам от него отказался. И только после этого «проблему хеттского языка» окончательно удалось решить Б. Грозному (Hrozny 1917). Поэтому были такие, кому подход и выводы Глейе казались вполне оправданными. Если верить предисловию к «Хеттским штудиям», то великий лейпцигский ассириолог Генрих Циммерн лично осуществлял корректуру текста книги (Gleje 1910: v).

Все это касается и следующей книги Глейе (Gleje 1912), о которой упоминал Доннер, и которая была опубликована по-немецки уже в Томске (заключительная 3-я часть ее выйдет в Риге (Gleje 1928)), а не как предыдущая в Лейпциге. Она увидела свет через четыре года после открытия Л. Пернье Фестского диска. У Глейе появился конкурент в России. Всего лишь годом ранее этрусковед из Юрьева (Дерпта) Альберт Бекштрем опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» свое собственное исследование о загадочной находке, в котором раскритиковал первые предлагавшиеся чтения, предположив, что Фестский диск, скорее всего, не критского происхождения, а мог быть частью импорта из Малой Азии (Бекштрем 1911: 602). Именно там Глейе и помещал своих «финно-угров».

Разумеется, отождествление с предками современных эстонцев создателей Фестского диска, который, учитывая туманные обстоятельства его обнаружения, и сам может оказаться подделкой (см.: Eisenberg 2008), сегодня видится как нонсенс, точно так же как прочтение этого памятника на основе «эт-русского» языка (от «эти русские»). Однако еще в 1989 г. В.П. Кобычев (Институт этнографии АН СССР), по-видимому, ничего не зная о Глейе, снова поднимал те же вопросы: о финно-угорском происхождении киммерийцев, о расселении древних уральцев на Кавказе и проч. (Кобычев 1989). Фантастический характер всех этих теорий не отменяет возможности древних контактов финно-угров с другими языковыми группами Средиземноморья и соседних районов, например, индоевропейской, где-нибудь в Центральной Азии, или даже их дальнего родства внутри более широких лингвистических группировок (ностратической, евроазиатской).

Положение российских немцев сильно ухудшила начавшаяся Первая мировая война, что сказалось и на Глейе. Кому-то не понравилось, что он открыл частную мужскую гимназию. По этому поводу сетовала местная газета «Сибирская правда» от 27 сен. 1914 г.: «[С]овершенно несвое-

временно и неуместно позволять немцу открывать русское среднеучебное заведение» (Алишина 2005: 88). Еще одно свидетельство о жизни Глейе в Томске относится именно к этому времени. В Сибирь был сослан профессор Киевского университета лингвист-санскритолог Ф.И. Кнауэр, в одном из писем которого коллеге-филологу В.Н. Перетцу читаем: «Магистр Глейе в Томске (сам автор письма поселился вначале в Каинске – *Р.К.*) одолжил мне грамматики арабскую, древнееврейскую и армянскую: вот моя научная библиотека, не хотел я больше; надо же читать еще газеты и кое-что другое для убивания времени» (ФК/ВН 20.02.1915; Груздева 2020: 143–144). В следующем письме Кнауэр называет адрес, по которому на тот момент проживал Глейе, – второй его томский адрес: «Мой томский адрес пока прежний: В г. Томск ул. Белинского 17, кв. 1. Лектору немецкого языка магистру А. К. Глейе для Ф. И. К.» (ФК/ВН 14.04.1915; Груздева 2020: 145). Время было беспокойное, и, очевидно, Глейе боялся активно общаться с опальным профессором, так что через два месяца Кнауэр пишет: «Немцы страшно перепуганы; даже Глейе стал бояться, вследствие чего я всячески стараюсь как можно реже встречаться с ним, чтобы своим знакомством не привести его в неловкое положение» (ФК/ВН 1.06.1915; Груздева 2020: 150). Разрыв в отношениях между ними последовал в конце того же месяца: «Магистр Глейе настолько струсился, что я ему возвратил все его книги и порвал с ним всякие отношения, чем он, по-видимому, был очень доволен. Жалкие существа кругом!» (ФК/ВН 24.06.1915; Груздева 2020: 152).

Последние двадцать лет

Обучив не одно поколение студентов, 50-летний А.К. Глейе вышел в 1917 г. на пенсию, продолжая преподавать в Томском университете на историко-филологическом факультете, который был основан в том же году. Однако в результате революции 1917 г. он лишился своей пенсии как «слишком молодой, чтобы быть пенсионером» и еще два года оставался преподавателем угро-финского языкознания все в том же университете. В ноябре 1918 г. при правительстве А.В. Колчака Глейе в очередной раз сменил должность, будучи зачислен приват-доцентом по кафедре сравнительного языкознания и санскритского языка там же (БД «Профессора и преподаватели»).

В Томске ситуация оставалась крайне нестабильной. В 1919 г. в городе окончательно установилась власть большевиков. С другой стороны, после революции и Гражданской войны в Прибалтике, как и на других территориях бывших российских губерний, возникло несколько независимых государств. Одним из них стала Латвийская Республика. В 1921 г. Глейе добился, чтобы его командировали в Ригу, но вернулся обратно в Москву и провел там целый год, оформляя документы по выходу из российского гражданства. Наконец, после получения гражданства Латвии

он возвращается в Ригу. Так начался последний «латвийский» период в его жизни, продлившийся около 15 лет (Gleje 1937: vii).

Осенью 1921 г. для многочисленного тогда русскоязычного населения Латвии начали работать так называемые Арабажинские курсы, официально – Русские университетские курсы (РУК), преобразованные затем, в 1930 г., в Русский институт университетских знаний (РИУЗ), в котором преподавали известные профессора: В.И. Синайский, Р.Ю. и Б.Р. Випперы, П.М. Минц и др. В списке преподавателей РУК, с самого начала фигурирует и «профессор факультета» Глейе Артур Карлович. Он был также одним из инициаторов организации РУК. 18 июля 1929 г. возникло Общество содействия академическому образованию (ОСАО), которое управляло хозяйственными и финансовыми делами курсов. Глейе, входивший в состав учредителей общества, возглавил его с момента организации. Кроме того, он занимал должность декана историко-филологического факультета РУК-РИУЗ. Должность ректора учебного заведения долго оставалась вакантной, на нее претендовали двое: Глейе и философ, приват-доцент Московского университета М.Д. Вайнтроб. Однако в марте 1931 г. ректором избрали и затем утвердили на постоянной основе магистра естественных наук, профессора Н.П. Попова. Глейе на правлении ОСАО 16 мая 1931 г. заявил свой протест, но не получил поддержки большинства и был даже смещен с должности главы общества. Тогда, раздосадованный, он отказался работать в РИУЗ, освободив место декана историко-филологического факультета, которое занял Вайнтроб. После этого Глейе (1931) выступил с открытым письмом в газете «Новый голос», где обвинял своих оппонентов в узурпации власти в институте и обществе, что еще больше усугубило скандал (Цоя 2016: 42, 49, 124, 134, 145).

В следующие пять лет стареющему преподавателю пришлось подрабатывать в разных школах Латвии учителем латинского языка, истории немецкой литературы и всеобщей истории, чтобы в результате получить небольшую учительскую пенсию. После прихода в Германии Гитлера к власти 66-летний Глейе не был оригинальным, поддавшись «тевтонским» настроениям, по крайней мере, на время, и выпустил даже брошюру «Наш путь», содержащую многочисленные аллюзии к античной и средневековой истории Европы и путанным языком объясняющую, почему латышской молодежи надо объединяться с немецкой, чтобы вместе выступить «плотиной» против красной угрозы с Востока (Gleje 1933: 2).

Профессор, магистр-эмеритус А.К. Глейе скончался 5 февраля 1937 г. в Риге, в Немецкой больнице. Как сказано в некрологе, несмотря на неоднократные операции на желудке, жизнь исследователя спасти не удалось. «Бесстрашный пионер (Vorkämpfer) пал, теперь другие должны попытаться восполнить эту огромную потерю! Новаторский дух Артура

Глейе пролетит над нами пылающим знаменем и укажет будущим поколениям правильный путь!» (Gleue 1937: vii). Смерть уберегла его от наступившей вскоре катастрофы. В 1937 г. закрылся РИУЗ, в 1940 г. Латвия была занята Красной армией, а в 1941 г. – войсками Германии. Часть ученых из окружения Глейе погибли в сталинском ГУЛАГе, Вайнтроб покончил жизнь самоубийством во время нацистской облавы на евреев. Кому-то удалось уехать на Запад.

В последние годы жизни Глейе работал над трудом «Возрождение западнофинской духовной культуры» (Gleue 1937), однако не дожидаясь того дня, когда книга увидела свет. До самой смерти он занимался подготовкой книги в печать. Оставались невычитанными и не прошли окончательную корректуру заключительные полтора печатных листа текста (стр. 257–280). В соответствии с последним желанием автора печатание произведения, начатое в октябре 1936 г. в Таллинне, было завершено и произведение опубликовано (Gleue 1937, Nachruf).

В своей итоговой книге Глейе анализирует происхождение древних народов Южной Европы. Он идет дальше, чем в предыдущих работах, посвященных хеттскому языку и Фестскому диску, и объявляет уральскими («гиперборейскими») языки лигурийцев и пеласгов, сохранившиеся преимущественно в древних топонимах. Так, название *Лигурия* Глейе выводит из эстонского, предлагая фонетическое сопоставление с эст. *luikam*, *liugama* ‘ускользнуть’ и *luige* ‘лебедь’ и при этом утверждая, что древние италийские дифтонги *iu* resp. *ui* должны были трансформироваться в *i* благодаря греческому произношению. Сходным образом он видит в имени *Гефест* (др.-греч. Ἡφαίστος) эст.-фин. *hã* и *paistus* (*paistoa*) (Gleue 1937: 9, 35).

«Вся теория Глейе, – пишет М. Вилланди, – пронизана навязчивой идеей того, что древняя Европа говорила на прибалтийских финских языках <...>. Он делает выводы из внешнего сходства, пытаясь найти прибалтийско-финские слова во всевозможных древних именах и текстах, автоматически связывая их с современными прибалтийско-финскими словоформами» (Villandi 2014: 134). В целом, несмотря на наличие отдельных последователей в лице историка-любителя Эдгара Сакса (Saks 1966), занимавшего пост министра образования в эстонском правительстве в изгнании, указанные приемы давно уже были определены как «псевдолингвистика», для которой характерны попытки совершенно произвольного сравнения языков между собой и постулирование на этой основе научно недопустимых выводов (Ariste 1940: 210; Villandi 2014: 128). Получив хорошее профессиональное образование, А.К. Глейе на протяжении своей жизни эволюционировал от лингвиста со свежими идеями, отдельные предположения которого опережали свое время и до сих пор ценны, до фантазера, идейно близкого фенномании, но далекого от науки.

Магистр Глейе, остзейский немец, увлекшийся языком и культурой коренного населения Балтии, руководствуясь гуманистическими идеалами своего времени, тем не менее, совершил основной вклад не на поприще их изучения. Заслуживают внимания его ранние статьи, написанные на кавказском материале, в которых затрагивались вопросы истории армянского, грузинского, урартского и ряда северокавказских языков. С этим материалом он познакомился в годы своей работы на Кавказе, но дальше продолжал работать над ним и в Томске. Однако сегодня ясно, что деятельность Глейе оказалась гораздо важнее не для Кутаиси и родной ему Риги, а для провинциального сибирского города. Он активно участвовал в развитии «культурного слоя» Томска, в котором, судя по всему, даже не собирался поначалу надолго задерживаться, мечтая об академической карьере в столице. Именно в Томске он выступил, по сути, основателем кафедры иностранных языков в университете; способствовал созданию сети частных учебных заведений (гимназий) и даже устраивал шахматные турниры для молодежи. Не случайно, что в биографии Глейе много общего с другими сибирскими просветителями и учеными той эпохи, такими как Г.Н. Потанин, И.Т. Савенков, С.М. Широкогоров и ряд других.

Список сокращений

Языки и диалекты

аккад. – аккадский; арм. – армянский; венг. – венгерский; греч. – греческий; груз. – грузинский; др.-греч. – древнегреческий; др.-евр. – древнееврейский; др.-прусс. – древнепруссский; и.-е. – индоевропейские; ирл. – ирландский; лат. – латышский; латин. – латинский; лит. – литовский; пракарт. – пракартвельский; санск. – санскрит; сем. – семитские; слав. – славянский; ст.-бретон. – старо-бретонский; эст.-фин. – эстонско-финский; эст. – эстонский

Общие

АГ/НМ – Письма Артура Карловича Глейе Николаю Яковлевичу Марру (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 800. Оп. 3. Д. 247)

ГАТО – Государственный архив Томской области

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

ФК/ВН – Письма Федора Ивановича (Фридриха) Кнауэра Владимиру Николаевичу Перетцу (Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 35; Груздева 2020)

EEVA – Eesti vanema kirjanduse digitaalne tekstikogu (Электронное хранилище текстов древней эстонской литературы)

Список источников

Алишина Г.Н. Немцы Томска в конце XIX – начале XX в.: «немецкий след» в пространстве города // Вестник Томского государственного университета. История. 2005. № 5 (37). С. 86–90.

- Ачарян Р. Корневой словарь армянского языка: в 4 т. Ереван, 1971–1979 (на арм. яз.). БД «Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII – начало XX в.)»: Глейе Артур Карлович (1867–*). URL: <http://persons.russian-universityhistory.tsu.ru/> (дата обращения: 21.11.2023).
- Бекитрем А.Г. Загадочный диск // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 12. С. 549–603.
- Глейе А.К. О происхождении грузинского народа и его языка // СМОМПК. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 113–122.
- Глейе А.К. О месте армянского языка среди арио-европейских языков // СМОМПК. Вып. 31. Отд. 4. Тифлис, 1902а. С. 1–7.
- Глейе А.К. Арио-европейские, а в частности иллирийские элементы в грузинском языке // СМОМПК. Вып. 31. Отд. 4. Тифлис, 1902б. С. 8–20.
- Глейе А.К. Опыт решения «ванского» (урартского) вопроса // СМОМПК. Вып. 37. Тифлис, 1907а. С. 18–48.
- Глейе А.К. К праистории северо-кавказских языков // СМОМПК. Вып. 37. Тифлис, 1907б. С. 49–90.
- Глейе А.К. Открытое письмо г. начальнику Русского отдела проф. Ивану Феррапонтьевичу Юпатову // Новый голос. 28.05.1931. № 116. С. 2.
- Груздева Е.Н. «В центре сибирского мира благоденствую под бдительной опекою полиции...»: Письма Ф.И. Кнауэра из томской ссылки 1915–1917 гг. Часть 1 (письма 1–7) / под. к публ., предисл. и ком. Е.Н. Груздевой // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17, № 3 (Вып. 42). С. 137–156.
- Гулия Д.И. История Абхазии. Т. 1. Тифлис, 1925.
- Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
- Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 164–207.
- Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Климов Г.А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
- Кобычев В.П. Некоторые вопросы этногенеза и ранней этнической истории народов Кавказа: финно-угры на Кавказе // Кавказский этнографический сборник. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. М., 1989. С. 10–37.
- Личный состав учебных заведений Сибири, Приамурья и Туркестана 1904 г. URL: <https://dzen.ru/media/id/5eee495659f4f25be9052961/lichnyi-sostav-uchebnyh-zavedenii-sibiri-priamuria-i-turkestana-1904-60117e0e20625351f7c350de> (дата обращения: 21.11.2023).
- Март Н.Я. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка. С предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1908.
- Пайазат А. Ключ халдского языка. Ереван, 1936 (на арм. яз.).
- Цоя С.А. Русский институт университетских знаний: страницы истории. Рига, 2016 (Русский мир и Латвия: альманах. Вып. 44).
- Ariste P. Ebakeeteadus // Tarvel, Peeter (peatoim). Eesti Entsüklopeedia: täienduskõide. Tartu, 1940. Lk 209–210.
- Donner K. Sekalaista Siperiasta [1911]. URL: <https://jatkokertomukset.blogspot.com/2014/05/kai-donner-sekalaista-siperiasta.html> (дата обращения: 21.11.2023).
- Eisenberg J. The Phaistos Disk: A One Hundred-Year-Old Hoax? // Minerva. July/August 2008. Pp. 9–24.
- Gleye A. Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der indogermanischen “Postlingualreihen” (Guturalreihen): Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Magisters der vergleichenden Sprachkunde. Jurjew (Dorpat), 1896.
- Gleye A. Die ethnologische Stellung der Lykier. Helsingfors, 1900 (Helsingfors: Druckerei der finnischen Literaturgesellschaft).
- Gleye A. Hettitische Studien I. Leipzig, 1910.

- Gleye A. Kretische Studien I; die westfinnische Inschrift auf dem Diskus von Phaestos. Tomsk, 1912 (Известия Императорского Томского университета. Кн. 47).
- Gleye A. Kretische Studien III; die Sprache der Eteokreter. Riga, 1928.
- Gleye A. Unser Weg. Riga, 1933.
- Gleye A. Die Wiedergeburt der westfinnischen Geisteskultur. Die Urbewölkerung Europas – westfinnischen (hyperboräischen) Ursprungs; Westfinnische Denkmäler vom hohen Norden bis zum ägyptischen Süden, besonders in Kreta. Tallinn, 1937.
- Hrozny F. Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm. Leipzig, 1917.
- Hübschmann H. Ueber die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen, 23. Bd., 1. H. (1877). P. 5–49.
- Jensen P. Hittiter und Armenier. Strassburg, 1898.
- Munkácsi B. Kaukasischer Einfluss in den Finnisch-Magyarischen Sprachen // Keleti Szemle/Revue orientale. 1900. Vol. 1. P. 38–49, 114–132, 205–218.
- Munkácsi B. Arja és kaukázusi elemek a Finn-Magyar nyelvekben. Budapest, 1901.
- Pauli C. Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos. Teil 2. Leipzig, 1894.
- Saks E. Esto-Europa: A Treatise on The Finno-Ugric Primary Civilization in Europe: Studies in Ur-European history II. Montreal ; Lund, 1966.
- Stolypin P.A., Kriwoschein A.W. Die Kolonisation Sibiriens. Eine Denkschrift. Einzige berechtigte Übersetzung von Carl Erich Gleye. Berlin, 1912.
- Trombetti A. Delle relazioni delle lingue caucasiche con le lingue camitosemitiche e con altri gruppi linguistici // Giornale della Società Asiatica Italiana. Voll. XV–XVI (Firenze, 1902–1903). P. 177–201, 145–175.
- Villandi M. Pseudolingvistika kui folkloorinähtus // Mäetagused: Hüperajakiri. 2014. № 58. Lk 125–146.
- Winkler H. Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische. Berlin, 1909.

References

- Acharian Hr. (1971–1979) *Kornevoi slovar' armianskogo iazyka*. [Armenian stem dictionary, 4 vols.] Erevan. (in Armenian).
- Alishina G.N. (2005) Nemtsy Tomsk v kontse 19 – nachale 20 v.: «nemetskii sled» v prostranstve goroda [Germans of Tomsk in the late 19th – early 20th century: “German trace” in the city space]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, no. 5 (37), pp. 86–90.
- Ariste P. (1940) Ebakeeletheadus. Tarvel, Peeter (peatoim). *Eesti Entsüklopeedia: täienduskõide*. Tartu, lk 209–210. (in Estonian)
- Baza dannyykh “Professora i prepodavately rossiiskih universitetov (vtoraya polovina 18 – nachalo 20 v.)” [Database “Professors and lecturers of Russian universities (the 2nd half of 18th – early 20th century)]: Gleye Artur Karlovich (1867–*).”: Available at: <http://persons.russianuniversityhistory.tsu.ru/> (Accessed 21.11.2023).
- Bekshtram A.G. (1911) Zagadochnyi disk [A mysterious disc]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesheniia*, no. 12, pp. 549–603.
- Diakonoff I.M. (1967) *Iazyki drevnei Perednei Azii* [Languages of ancient Western Asia]. Moscow.
- Diakonoff I.M., Starostin S.A. (1988) Hurrito-urartskie i vostochnokavkazskie iazyki [Hurrito-Urartian and Eastern Caucasian languages]. *Drevnii Vostok. Etnokul'turnye svyazi* [Ancient East. Ethnocultural ties]. Moscow, pp. 164–207.
- Donner K. Sekalaista Siperiasta [1911]. Available at: <https://jatkokertomukset.blogspot.com/2014/05/kai-donner-sekalaista-siperiasta.html> (Accessed 21.11.2023).
- Eisenberg J. (2008) The Phaistos Disk: A One Hundred-Year-Old Hoax? *Minerva*. July/August, pp. 9–24.

- Gleye A. (1896) *Beiträge zur Entwicklungsgeschichte der indogermanischen "Postlingualreihen" (Gutturalreihen): Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Magisters der vergleichenden Sprachkunde*. Jurjew (Dorpat).
- Gleye A. (1900) O proiskhozhdenii gruzinskogo naroda i ego iazyka [On the origin of the Georgian people and their language]. *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [Selected materials for describing the localities and tribes of the Caucasus, SMOMPК], vyp. 27. Tiflis, pp. 113–122. (in Russian)
- Gleye A. (1900) *Die ethnologische Stellung der Lykier*. Helsingfors (Helsingfors: Druckerei der finnischen Literaturgesellschaft).
- Gleye A. (1902a) O meste armianskogo iazyka sredi ario-evropeiskikh iazykov [On the place of Armenian among Ario-European languages]. *SMOMPК*, vyp. 31, otd. 4. Tiflis, pp. 1–7.
- Gleye A. (1902b) Ario-evropeiskie, a v chastnosti illiriiskie elementy v gruzinskom iazyke [Ario-European, i.e. Illyrian elements in Georgian]. *SMOMPК*, vyp. 31, otd. 4, pp. 8–20.
- Gleye A. (1907a) Opyt resheniia "vanskogo" (urartskogo) voprosa [Experience in solving the "Van" (Urartian) issue]. *SMOMPК*, vyp. 37. Tiflis, pp. 18–48.
- Gleye A. (1907b) K praistorii severo-kavkazskikh iazykov [On the prehistory of the North Caucasian languages]. *SMOMPК*, vyp. 37. Tiflis, pp. 49–90.
- Gleye A. (1910) *Hettitische Studien I*. Leipzig.
- Gleye A. (1912) *Kretische Studien I; die westfinnische Inschrift auf dem Diskus von Phaestos*. Tomsk.
- Gleye A. (1928) *Kretische Studien III; die Sprache der Eteokreter*. Riga.
- Gleye A. (1931) Otkrytoe pis'mo g. nachal'niku Russkogo otdela prof. Ivanu Ferapontievichu Iupatovu [An open letter to the head of the Russian department, prof. Ivan Ferapontievich Yupatov]. "Novyi golos" ["New Voice" magazine]. 28.05.1931 (no. 116), p. 2 (in Russian).
- Gleye A. (1933) *Unser Weg*. Riga.
- Gleye A. (1937) *Die Wiedergeburt der westfinnischen Geisteskultur. Die Urbewölkerung Europas – westfinnischen (hyperboräischen) Ursprungs; Westfinnische Denkmäler vom hohen Norden bis zum aegyptischen Süden, besonders in Kreta*. Tallinn.
- Gruzdeva E.N. (2020) "V tsentre sibirskogo mira blagodenstvuiu pod bditel'noi opekoiu politsii...": Pis'ma F. I. Knauera iz tomskoi ssylki 1915–1917 gg. chdst' 1 (pis'ma 1–7) / Podgotovka k publikatsii, predislovie i kommentarii E. N. Gruzdevoi ["In the center of the Siberian world I prosper under the vigilant guardianship of the police...": Letters of F. I. Knauer from Tomsk exile 1915–1917, part 1 (letters 1–7) / Preparation for publication, preface, and comments by E. N. Gruzdeva]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, vol. 17, no. 3 (Issue 42), pp. 137–156.
- Gulia D.I. (1925) *Istoriia Abhazii* [History of Abkhazia], vol. 1. Tiflis.
- Hrozny F. (1917) *Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm*. Leipzig.
- Hübschmann H. (1877) Ueber die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, 23, bd., 1, pp. 5–49.
- Jensen P. (1898) *Hittiter und Armenier*. Strassburg.
- Klimov G.A. (1964) *Etimologicheskii slovar' kartvel'skikh iazykov* [Etymological dictionary of Kartvelian languages]. Moscow.
- Klimov G.A. (1994) *Drevneishie indoevropaizmy kartvel'skikh iazykov* [The most ancient Indo-Europeanisms of Kartvelian languages]. Moscow.
- Kobychev V.P. (1989) Nekotorye voprosy etnogeneza i rannei etnicheskoi istorii narodov Kavkaza: finno-ugry na Kavkaze [Some questions of ethnogenesis and early ethnic history of the peoples of the Caucasus: Finno-Ugrians in the Caucasus]. In: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik. 9. Voprosy istoricheskoi etnografii Kavkaza* [Caucasian ethnographic collection. 9. Questions of historical ethnography of the Caucasus]. Moscow, pp. 10–37.

- Lichnyi sostav uchebnykh zavedenii Sibiri, Priamuriia i Turkestana 1904 g. [Personnel of educational institutions of Siberia, Amur region and Turkestan 1904.] Available at: <https://dzen.ru/media/id/5eee495659f4f25be9052961/lichnyi-sostav-uchebnykh-zavedenii-sibiri-priamuriia-i-turkestana-1904-60117e0e20625351f7c350de> (Accessed 21.11.2023).
- Marr N.Ia. (1908) *Osnovnye tablitsy k grammatike drevnegruzinskogo iazyka. S predvaritel'nym soobsh'eniem o rodstve gruzinskogo iazyka s semiticheskimi* [Basic tables for the grammar of ancient Georgian. With a preliminary report on the relationship of Georgian with Semitic languages]. St. Petersburg.
- Munkácsi B. (1900) Kaukasischer Einfluss in den Finnisch-Magyarischen Sprachen. *Keleti Szemle/Revue orientale*, vol. 1, pp. 38–49, 114–132, 205–218.
- Munkácsi B. (1901) *Arja és kaukázusi elemek a Finn-Magyar nyelvekben*. Budapest.
- Paiazat A. (1936) *Kliuch khaldskogo iazyka* [Chaldir language key]. Erevan. (in Armenian)
- Pauli C. (1894) *Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos, teil 2*. Leipzig.
- Saks E. (1966) *Esto-Europa: A Treatise on The Finno-Ugric Primary Civilization in Europe: Studies in Ur-European history II*. Montreal & Lund.
- Stolypin P.A., Kriwoschein A.W. (1912) *Die Kolonisation Sibiriens. Eine Denkschrift*. Einzige berechtigte Übersetzung von Carl Erich Gleye. Berlin.
- Trombetti A. (1902–1903) Delle relazioni delle lingue caucasiche con le lingue camitosemitiche e con altri gruppi linguistici. *Giornale della Società Asiatica Italiana*, vol. XV–XVI. Firenze, pp. 177–201, 145–175.
- Tsoia S.A. (2016) *Russkii institut universitetskikh znanii: stranitsy istorii* [Russian Institute of University Knowledge: pages of history]. Riga.
- Villandi M. (2014) Pseudolingvistika kui folkloorinähtus. *Mäetagused: Hüperajakiri*, no. 58, lk 125–146.
- Winkler H. (1909) *Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische*. Berlin.

Сведения об авторе:

КУЗНЕЦОВА Рита Шаликовна – старший преподаватель, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия); научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия). E-mail: r.kuznetsova@iling-ran.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rita Sh. Kuznetsova, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation); Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: r.kuznetsova@iling-ran.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 22 февраля 2024;
принята к публикации 26 августа 2024.*

*The article was submitted 22.02.2024;
accepted for publication 26.08.2024.*

Научная статья
УДК 39+91
doi: 10.17223/2312461X/45/4

Первоначальное землеустройство 1932–1933 гг. в судьбе чукотского оленеводства

Константин Борисович Клоков^{1,2}

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера),
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
^{1,2} k.b.klokov@gmail.com

Аннотация. Поиск причин депрессии, в которой оказалось теперь оленеводческое хозяйство Чукотки – в прошлом самого успешного оленеводческого региона страны, стал темой большого числа этнологических и географических исследований. Высокий уровень развития оленеводства этого региона в 1960–1980-е гг. был результатом сверхусилий государственного протекционизма. Кризис 1990-х гг. привел к фактическому развалу оленеводческих хозяйств и «обвальному» сокращению поголовья оленей. Однако в разных этнохозяйственных ареалах Чукотского автономного округа судьбы оленеводства складываются по-разному. Рассмотрена судьба оленеводства в одном из районов так называемого рискованного оленеводства, расположенного на юго-востоке округа. В прошлом эта территория не использовалась для зимовок оленей в связи с опасностью ледяной корки, но после первоначального землеустройства здесь были созданы оленеводческие предприятия, осуществлявшие круглогодичный выпас оленей. На основе данных Приполярной переписи 1926–1927 гг., архивных и литературных источников, рассмотрены принципы проведения землеустройства на юго-востоке Чукотки, показано их противоречие местным традициям чукотских оленеводов. Проанализированы изменения в географическом размещении оленеводства, происшедшие в результате землеустройства, и их последствия с точки зрения связанного с гололедом экологического риска. Как традиционная, существовавшая до первоначального землеустройства модель оленеводства, так и пришедшая ей на смену советская модель могли существовать лишь в определенных исторических условиях, к которым они были адаптированы. Вопрос, какая из них соответствует экологической норме, некорректен. Общей, не зависящей от исторического периода экологической «нормы» поголовья домашних оленей в оленеводческом хозяйстве не существует.

Ключевые слова: Чукотка, советизация, землеустройство, Приполярная перепись, рискованное оленеводство, гололедные явления, кочевое хозяйство, рыночные реформы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта РФФ № 23-18-00637 «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура».

Для цитирования: Клоков К.Б. Первоначальное землеустройство 1932–1933 гг. в судьбе чукотского оленеводства // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 75–100. doi: 10.17223/2312461X/45/4

Original article

doi: 10.17223/2312461X/45/4

The Primary Land Use Planning of 1932–1933 in the Fate of Chukchi Reindeer Husbandry

Konstantin B. Klokov^{1,2}

¹ Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS,
Saint Petersburg, Russian Federation

² St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1,2} k.b.klokov@gmail.com

Abstract. The search for the causes of the ongoing depression of Chukotka's reindeer husbandry has been the subject of a large number of ethnological and geographical studies, especially taking into account that Chukotka was recently the most successful reindeer herding region in Russia.

The high level of development of reindeer husbandry in this region in 1960–1980 was the result of the state's over-zealous protectionism. The crisis of the 1990s led to the actual collapse of reindeer herding farms and dramatic drop down of reindeer population. However, the fate of reindeer husbandry has been different in different ethno-economic areas of Chukotka. The article examines the fate of reindeer husbandry in one of the areas of the so-called "risky reindeer husbandry", located in the south-east of the Chukotka Autonomous Okrug.

In the past, this area was not used for reindeer wintering due to the danger of ice-crust, but after primary land use planning reindeer herding enterprises were established there and reindeer grazed year-round. The article based on the data of the Polar Census of 1926/27, archival and literary sources examines the principles of land use planning in the south-east of Chukotka and shows their contradiction to local herders' traditions.

The changes in the geographical distribution of reindeer husbandry occurred as a result of land use planning and their implications for the ecological sustainability of reindeer husbandry are discussed. Both the traditional model of reindeer husbandry that existed before the original land use planning and the Soviet model that replaced it could only exist under certain historical conditions to which they were adapted. The question of which of them corresponds to the ecological norm is misplaced. There is no general ecological "norm" for the number of domesticated reindeer in the reindeer husbandry that does not depend on the historical period.

Keywords: Chukotka, sovietisation, land use planning, Polar Census, risky reindeer husbandry, ice-crust, nomadic economy, market reforms

Acknowledgements: The research has been funded by the Russian Science Foundation "Changing Materiality of the Arctic and Siberia: Technologies, Innovations, Infrastructure" (No. 23–18–00637).

For citation: Klokov, V.B. (2024) The Primary Land Use Planning of 1932–1933 in the Fate of Chukchi Reindeer Husbandry. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 75–100 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/4

Судьба чукотского оленеводства в советский и постсоветский периоды стала темой многих этнологических и географических исследований (Клоков, Хрущев 2004; Пилясов 2009; Хаховская 2011; Коломиец,

Нувано 2017, 2024; Антонов, Литвиненко, Нувано 2018 и др.). Исследователей волнует депрессия, в которой оказалось в последние десятилетия оленеводческое хозяйство Чукотского автономного округа (ЧАО) – в прошлом самого успешного оленеводческого региона России. Согласно одной из точек зрения (Пилясов 2009; Хаховская 2011; Антонов 2018), высокий уровень развития оленеводческих предприятий на Чукотке в 1960–1980 гг. был результатом сверхусилий государственного протекционизма. Когда советская директивно-плановая система исчерпала свои ресурсы, в чукотском оленеводстве наступил кризис, который в годы рыночных реформ привел к фактическому развалу оленеводческих хозяйств и «обвальному» сокращению поголовья оленей. Вопрос, что будет с чукотским оленеводством дальше, волнует многих, и конечная цель моего исследования – по возможности приблизиться к ответу на него. В беседах о чукотском оленеводстве со специалистами в Анадыре, все, с кем я говорил, были озабочены его современным положением и настроены довольно пессимистично. Вместе с тем преобладала точка зрения, что оленеводство на Чукотке не исчезнет совсем, а в той или иной форме сохранится (ПМА 2022).

Оленеводство Чукотки весьма неоднородно. На территории округа сложилось несколько его этнохозяйственных ареалов с разными традициями, особенностями хозяйства и различными трендами поголовья оленей (Клоков, Хрущев 2004; Пилясов 2009; Антонов и др. 2018). Очевидно, что судьбы оленеводства в разных ареалах могут быть различными. От чего это может зависеть? После рыночных реформ 1990-х гг. наиболее проблемными для оленеводства оказались территории, расположенные на побережье Тихого океана – Чукотского, Провиденского и бывшего Беринговского районов округа.

Ряд авторов (Мироненко 2000; Пилясов 2009; Антонов и др. 2018) называют эти районы зоной рискованного оленеводства из-за повышенного риска возникновения тут гололедных явлений. Такие явления могут привести к массовой гибели оленей, особенно молодых, а у выживших самок рождаются слабые телята. Животные тратят много сил, разбивая ледяные корки, чтобы доставать корм, слабеют и могут погибнуть от истощения. Чтобы спасти стадо, нужно вовремя вывести его из опасного места. По этой причине оленеводы до советских преобразований не оставляли в этих районах крупные стада на зимовку, однако после советизации, в период планового хозяйства в них были размещены крупные оленеводческие предприятия с большим поголовьем оленей (Мироненко 2000; Нувано 2004). Существует мнение, что после перехода к рынку поголовье оленей здесь, сократившись, вернулось к своему нормальному уровню (Антонов и др. 2018). Изложенные соображения представляются вполне вероятными, однако конкретных материалов, доказывающих эту

точку зрения, опубликовано пока не было. Цель этой статьи – представить и рассмотреть такие материалы для одной из территорий, подверженных гололедным явлениям, – юго-восточной части ЧАО в границах бывшего Беринговского района. Этот район был выделен из состава Анадырского административного района в 1957 г. и снова слит с ним в 2008 г. Здесь, на побережье Берингова моря, располагаются три чукотские села: Алыкватваам, Мейныпильгыно и Хатырка и промышленный поселок Беринговский – бывший районный центр.

В настоящей статье рассматривается, как изменилось географическое размещение оленеводства этой территории в результате первоначального землеустройства и как эти изменения отразились на его устойчивости и дальнейшей судьбе. Поскольку советизация чукотского оленеводства фактически была столкновением двух разных культурных миров, изменения в землепользовании рассмотрены как процесс межэтнического взаимодействия.

Основными источниками материалов были данные Приполярной переписи 1926–1927 гг. (Итоги... 1929), отчетные материалы первоначального землеустройства, проведенного в Анадырском районе в 1932–1933 гг. (ГА ЧАО 1934), подготовленные на их основе статьи (Орловский 1928; Васильев 1936; Друри 1936), а также научные публикации об оленеводстве на Чукотке (Хаховская 2011; Коломиец, Нувано 2017, 2024). Сведения о том, как воспринимали советизацию кочевые оленеводы, были почерпнуты из воспоминаний современников, значительная часть которых опубликована (Тропую Богораза... 2008; Шарыпова 2017), в том числе и в подготовленном на основе полевых материалов автора сборнике фольклорных текстов и воспоминаний жителей села Мейныпильгыно (Мейныпильгыно... 2023). В нем много воспоминаний «второго порядка» – сообщений жителей о том, что им рассказали родители и старшие родственники.

На Чукотке коллективизация проводилась по политическому заказу, как часть всеохватывающей кампании по советизации Севера (Гарусов 1981; Хаховская 2011). В приморских поселках советизация началась в 1923–1926 гг., а среди оленеводов-кочевников развернулась позднее, на рубеже 1920–1930-х гг. (Вдовин 1965; Давыдова 2022). Первоначальное землеустройство на юго-востоке Чукотки было проведено в 1932–1933 гг. Чукотско-Анадырской экспедицией Дальгосземтреста при Наркомземе РСФСР (ГА ЧАО 1934). Рассмотрим, каким образом сформировались основные подходы и принципы землеустройства северного оленеводства, как они были реализованы на юго-востоке Чукотки и какие это имело последствия для оленеводческих хозяйств.

Формирование научной школы землеустройства северных оленеводческих хозяйств

Теория и практика землеустройства на Севере России, включая Чукотку, связаны с деятельностью плеяды петроградских/ленинградских ученых. Первым среди них можно назвать Сергея Васильевича Керцелли (1869–1935) – зоолога и ветеринарного врача из Архангельска, начавшего свою деятельность с путешествий к оленеводам Большеземельской тундры (Керцели 1911). После революции он продолжал свои исследования на Печоре, а также на Кольском полуострове, где изучал не только кочевое, но и оседлое (избенное поморское) оленеводство. С выходом постановления СНК РСФСР «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера», которым предусматривались социалистическая реконструкция оленеводческого хозяйства и первоначальное земельно-водное устройство Крайнего Севера (Постановление... 1931), исследования по оленеводству были развернуты сразу в двух институтах г. Ленинграда – НИИ оленеводства ВАСХНИЛ и Всесоюзном арктическом институте Главсевморпути (ВАИ). С.И. Керцели стал директором первого. Институт организовал три оленеводческие опытные станции: Нарьян-Марскую, Обдорскую (Салехардскую) и Анадырскую и пять опорных пунктов в разных регионах Севера. После смерти С.И. Керцели институт вошел в состав ВАИ на правах отдела, который возглавил В.Б. Сочава – в будущем один из ведущих советских геоботаников и экологов. Отделом были развернуты масштабные исследования оленеводства, включая, прежде всего, изучение техники пастбы и кормовой базы, а также организацию труда оленеводов в колхозах и совхозах и разведению оленегонной лайки. Основные работы первые годы проводились на Севере европейской части страны и Западной Сибири. Эти исследования заложили основы советской школы научного оленеводства, дальнейшее развитие которой происходило уже в других учреждениях (Чистяков 2020: 544–548).

Ленинградские специалисты стали вдохновителями и организаторами первоначального землеустройства на всем Севере, в том числе на Чукотке. Один из них – Иван Васильевич Друри – приехал на Чукотку в 1929 г. вместе с С.В. Керцели, проработав там до осени 1932 г. Он был одним из организаторов оленеводческой опытной станции в новом селе Снежное, построенном на р. Анадырь, и стал руководителем первого на Чукотке оленеводческого совхоза (совхоз «Анадырский»). Ко времени развертывания землеустроительных работ на Севере за плечами у ленинградских ученых уже был опыт работы в районах ненецкого и коми-ижемского оленеводства. По-видимому, на примере этого оленеводства сформировались их основные методические подходы и понимание главных задач, одной из которых И.В. Друри считал познакомить чукотских

оленоводов с наиболее рациональными методами оленеводства других кочевников нашей страны (Друри 1989).

Уже втянувшееся к началу XX в. в систему рыночных отношений коми-ижемское и, в значительной мере, ненецкое оленеводство в большей степени отвечали задачам советского переустройства хозяйства, по сравнению с чукотским. Из оценочных суждений ленинградских ученых об оленеводстве на Чукотке (ГА ЧАО 1934; Васильев 1936; Друри 1936) видно, что наблюдаемые ими факты рассматриваются с позиций ненецкого и коми-ижемского оленеводства.

Другой важной особенностью ленинградской школы северного землеустройства стал фокус на изучение кормовых ресурсов оленьих пастбищ. Одна из первых статей по землеустройству тундрового оленеводства была написана В.Б. Сочавой (1931) на основании материалов его пятилетних геоботанических исследований на севере Урала и на Камчатке. Ее автор выдвинул принципы геоботанического подхода к землеустройству, которые впоследствии были реализованы по всему российскому Северу. Главный тезис заключался в том, что хозяйственный смысл оленеводства состоит в использовании растительных ресурсов тундр, которые останутся иначе неиспользованными, и что от «лиц, заинтересованных в экономике и организации оленеводства» известно, что «разведение северного оленя *сводится* (выделено мной. – К.К.) к вопросу о пастбищах и их свойствах...» (Сочава 1931: 78). Эти ключевые слова (которые, впрочем, неудивительно слышать от ботаника) определили дальнейший геоботанический фокус в землеустроительных работах, оставив, по существу, в стороне самих оленеводов и их традиционный опыт хозяйствования. Заклучив, что «ягелеустройство на основе тундроведения и тундроведение на основе ягелеустройства» – это «путь по которому можно прийти к положительным и надежным результатам», В.Б. Сочава делает вывод, что «для каждого типа пастбищ в соответствии с его свойствами должны быть выработаны известные приемы пастьбы и установлены сроки наиболее рационального выпаса» (83). Такой фокус привел к суженному рассмотрению перспектив оленеводства, где первую роль часто играют не пастбища, а люди и олени.

Первоначальное землеустройство на Чукотке и его особенности

Целью первоначального землеустройства было модернизировать использование оленьих пастбищ и маршруты кочевания в интересах укрепления новой власти и колхозного строительства (ГА ЧАО 1934: 1; Васильев 1936; Друри 1936). Первой практической задачей землеустроителей было собрать доказательства неэффективности существовавшего тогда на Чукотке оленеводства, намечая, тем самым, пути его реформирования. Сделать это было не так просто. Участники экспедиции видели, что

оленоводство чукчей было гармоничным и устойчивым, что нашло отражение и в отчетах землеустроительной экспедиции (ГА ЧАО 1934), и в публикациях (Васильев 1936; Друри 1936). К объективной характеристике оленеводства авторы добавляли оценочные суждения, помещая для этого факты, которые они наблюдали на Чукотке, в знакомые им по товарному оленеводству Европейского Севера контексты. В результате в число недостатков попали такие характерные для традиционного оленеводства чукчей черты, как отсутствие пастушеских собак и окарауливание стада пешком без использования нарт в летнее время (Друри 1936: 121–122). Серьезным недостатком сочли и небольшую долю маточного поголовья в структуре стада, которая в крупных стадах легко могла быть увеличена, если бы на оленину был товарный спрос. За его отсутствием богатые оленеводы содержали в своих стадах лишь 49,8% маток, зато имели до 30%, а отдельные «кулкаки» до 46%, «гулевых быков», т.е. быков, выращиваемых на мясо (ГА ЧАО 1934: 127). Быки были нужны чтобы в течение года обеспечивать мясом родственников и работников, у которых было мало своих оленей. Владелец стада с большим количеством холощеных мясистых быков еще недавно считался более уважаемым, чем тот, у кого в стаде было много маток, писал П.Н. Орловский (1928: 68), – коммерческая точка зрения на оленеводство у чукчей только еще пробуждается, идя на смену существующей «поэтически-бытовой».

Негативную оценку землеустроителей получила и распространенная у чукчей практика перехода работников от одного хозяина («кулака») к другому. Она давала малолетним чукчам значительную свободу и не позволяла богатым притеснять бедняков. Ее сочли доказательством эксплуатации и раскритиковали как «нерациональную», сославшись на то, что пастух должен хорошо знать «в лицо» как можно большую часть оленей в стаде, а при переходе в другое стадо накопленный им опыт очевидным образом теряется. И.В. Друри (1936: 121) писал по этому поводу: «...если пастух не имеет постоянного наблюдения за животными, допускает слишком большое рассеивание оленей по пастбищу, не принимая достаточных мер по розыску и подгону ушедших от стада оленей, вместо бдительного окарауливания зачастую спит (sic! – К.К.) на дежурстве, то, конечно, нельзя ожидать от стада какого-то хозяйственного эффекта. И поэтому для обеспечения роста поголовья необходимо провести целый комплекс мероприятий».

Сопоставим возмущение И.В. Друри тем, что пастухи спят во время дежурства, с наблюдениями А.В. Головнёва (2015: 15) за искусством чукчей «чередовать напряжение и расслабление, быстрое действие и быстрый сон» как одну из замечательных технологий арктического нomaдизма: «...пастух согревается, бегая за оленями, а, разогретый, падает на снег и спит, пока не замерзнет; затем, вскочив от холода, он снова гоняет оленей и согревается; и так весь день – то бежит, то спит».

Для текстов, направленных на советизацию, были характерны такие выражения, как «исключительно тяжелое» положение оленеводов, «которым приходится работать по 12–15 часов в сутки» (Гарусов 1981: 20), или же «самые гнусные формы» их эксплуатации (Друри 1936: 110). Чрезвычайно тяжелый, по европейским меркам, труд чукотских оленеводов хорошо описан в этнографической литературе (Архинчеев 1957), а что могло стоять за такими выражениями, с точки зрения самих чукчей? Приведем рассказ старожила с Мейныпильгыно Игоря Етылькута (ПМА 2019; Мейныпильгыно... 2023: 98).

Я спрашивал стариков, почему войны *нытватээнат* (истощались), когда еды кругом полно. Они отвечали, что те не знали отдыха, спали стоя, опершись на копье или на посох. Сон длился минуты. Малейшее изменение в окружающей обстановке моментально отражалось чутким слухом в полудреmlющем мозгу... Нередко в конце летовки *ватыльыт* буквально на руках на шкуре приносили в стойбище. Требовалось время для их восстановления. Восстановившись, становились вдвое-втрое сильнее обычных людей.

Одной из важнейших задач землеустройства было выявить резервы пастбищ для увеличения поголовья. Первые шаги советизации негативно отразились на состоянии кочевого хозяйства и поголовье оленей. По данным Приполярной переписи 1926–1927 гг. (Итоги... 1929), в Анадырском районе (из которого вскоре после этого был выделен Марковский район) было 312,9 тыс. оленей. При землеустройстве в 1932–1933 гг. в Анадырском районе их насчитали только 120 тыс., а в Марковском – около 60 тыс., включая 40 хозяйств с поголовьем 25 тыс., которые откочевали за пределы района, спасаясь от коллективизации; т.е. всего на той же территории оказалось около 180 тыс. оленей. Причиной снижения поголовья землестроители назвали «вредительскую деятельность кулака» (ГА ЧАО 1934: 114). Однако это снижение могло быть в значительной степени статистическим артефактом, а не реальным сокращением, так как оленеводы, боясь коллективизации, откочевывали в дальние тундры, куда русские не могли добраться. «Спрятанные» таким образом олени должны были через несколько лет снова появиться в статистике, с чем, по-видимому, и связан значительный рост поголовья, начавшийся в Анадырском районе с 1939 г. Наряду с этим некоторые оленеводы забивали оленей, чтобы не сдавать их в колхозы (Хаховская 2011).

В проекте землеустройства 1932 г. оленеемкость пастбищ Анадырского района была определена в 245 611 голов оленей по лимитирующему зимнему сезону (ГА ЧАО 1934: 49), что примерно соответствовало количеству оленей, учтенному там Приполярной переписью. Вывод был сделан следующий: «...для насыщения его [Анадырского района] пастбищ существующее поголовье можно увеличить в 2,5 раза или на 150%, оставаясь даже при современных нерациональных способах ведения

оленьего хозяйства. При введении же рационализации заготовки силосных кормов в районах зимних пастбищ, мелиорации пастбищ ягельниковых и зеленых, введении хотя бы частичного стойбищного оленеводства и т.д., существующее поголовье можно увеличить еще более. При условии тщательного изучения тундры и рационального использования ее ресурсов, трудно представить предел увеличения поголовья» (ГА ЧАО 1934: 49).

Таким образом, «нерациональность» существующего оленеводческого хозяйства была фактически постулирована. Рассуждения о заготовке силосных кормов и мелиорации пастбищ, не говоря уже о «стойбищном» содержании оленей, показывают, что оленеводство рассматривалось в привычных для работников землеустройства контекстах, взятых из практики животноводства в районах развитого сельского хозяйства.

Еще одним подлежащим искоренению недостатком были признаны дальние перекочевки, которые требовали дополнительных затрат труда, ухудшали контроль за оленеводами со стороны администрации и препятствовали их переводу на оседлый образ жизни. Отметим, что при этом в материалах землеустройства была показана их хозяйственная целесообразность, обусловленная следующими причинами.

1. Вывод стад из области вероятного образования на пастбищах ледяной корки. Оленеводы Анадырского района проводили летовку у хорошо обдуваемых ветрами горных хребтов или у моря, где олени, кроме того, могут восполнить дефицит соли в организме морской водой, а к зиме переводили оленей в континентальные тундры, не подверженные гололедице, на тихие безветренные места (Орловский 1928; Васильев 1936; Друри 1936). При этом изменение предварительно выбранных маршрутов кочевков при резкой смене погоды было довольно обычным делом (Друри 1936: 109).

2. Заготовка древесины для каркаса яранги, нарт и других изделий требовала кочевать на юг, в лесотундру, или же к лесным «островам», расположенным в межгорных котловинах.

3. Встреча с береговыми оседлыми жителями для традиционного обмена: продукции оленеводства на продукты морского зверобойного промысла (жир для светильников, шкуры для ремней и др.), а также для покупки «импортных» товаров, снабжение которыми шло через береговые поселения.

Две последние традиции были сочтены «нерациональными» и ненужными, поскольку советская власть сама сможет обеспечить снабжение оленеводов всем необходимым уже в ближайшее время. Была поставлена задача сократить длину кочевий до – максимум – 100–150 км, а на случай гололеда предполагалось выделять резервные участки пастбищ в местах с пересеченным рельефом, где образование сплошной ледяной корки на обширных площадях менее вероятно, но в пределах основного

пастбищного массива (Друри 1936). Таким образом, в проектах первоначального землеустройства были обоснованы меры по советизации оленеводства, задачей которых было радикально изменить размещение кочевого населения и ограничить его подвижность, невзирая на имевшиеся у него традиции.

Изменения в географическом размещении оленеводства юго-востока Чукотки в результате землеустройства

Чтобы установить, как изменилось размещение оленеводства в результате землеустройства, выясним, каким оно было до этого. Возьмем за основу данные переписи 1926–1927 гг., когда оленеводы еще не спасались от коллективизации и находились на своих привычных местах. Общая карта-схема кочевания этнотерриториальных групп восточной и центральной Чукотки перед коллективизацией приведена в статье В.Н. Нувано (2004). Информация из опубликованных таблиц Приполярной переписи (Итоги... 1929) дает возможность ее уточнить. Пастбища, расположенные на территории будущего Беринговского района, использовались для выпаса оленей, главным образом, тремя кочевыми советами: Вилюнейремкенским, Керекремкенским и Телькапелэтским. Сведения о них собрал регистратор тов. Орловский с ноября 1926 г. по март 1927 г. (Итоги... 1929: XIV–XV). В опубликованных материалах (Итоги... 1929) приведены словесные описания локализации всех групп кочевого населения, главным образом, их зимних стойбищ. В общей сложности в трех кочевых советах было зарегистрировано 17 стойбищ, в которых жило 298 семей (1 476 человек), имевших 95,6 тыс. оленей (таблица).

Кочевые хозяйства на юго-востоке Чукотки по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг. (пояснение к карте на рис. 1)

Обозначения на рис. 1	Кочевые советы, группы хозяйств, стойбища	Число семей	Поголовье оленей	Оленей на семью, гол.
	<i>Вилюнейремкенский кочевой совет</i>			
1	Вилюней-гора	24	8 671	361
2	Верховье реки Хатырка	12	4 596	383
3	Кеньювсем-река	29	14 334	494
4	Среднее течение р. Хатырка (р. Талял и лев. берег Хатырки)	14	4 032	288
5	Левые притоки среднего течение р. Хатырка (р. Варэпыльгин, Марокваям)	56	18 617	332
	<i>Всего по кочевому совету</i>	135	50 250	372

Обозначения на рис. 1	Кочевые советы, группы хозяйств, стойбища	Число семей	Поголовье оленей	Оленей на семью, гол.
	<i>Керекремкенский кочевой совет</i>			
1	Никэпэкэль-река	6	1 084	181
2	Майна-Пыльгин – бассейн реки	18	2 923	162
3	Кайпыльчин-озеро	17	4 093	241
4	Кенеуг-река	8	1 428	179
	<i>Всего по кочевому совету</i>	49	9 528	194
	<i>Телькапелэтский кочевой совет</i>			
1	Исток р. Великая	17	6 605	389
2	Р. Берёзовая Первая	18	6 931	385
3	Великая – среднее течение реки	22	7 351	334
4	Научириной в верховьях реки	7	2 418	345
5	Оз. Мейнинну	12	3 896	325
6	Р. Чиринай (верховья реки)	16	5 186	324
7	Р. Майнильвергин	10	1 415	142
*)	Верховья р. Телькапкерген	12	1 981	165
	<i>Всего по кочевому совету</i>	114	35 783	314
	<i>Итого</i>	298	95 561	321

*) Местоположение не установлено.

Источник: (Итоги... 1929). Написание географических названий приведено по источнику.

Используя топографические карты и данные Государственного каталога географических названий (Реестр... 2022), а также сведения, полученные от местных жителей (ПМА 2016–2019), удалось установить местоположение большинства стойбищ (рис. 1). Можно предположить, что ненайденные стойбища находились недалеко от других, относящихся к тому же кочевому совету.

По данным Приполярной переписи (Итоги... 1929), больше всего оленей было у вилюнейских чукчей: 50,2 тыс. голов у 135 семей. Их зимние стойбища располагались на южной окраине будущего Беринговского района, в верхнем течении р. Хатырка и на прилегающих территориях, а длина кочевий составляла до 200 км в один конец (Орловский 1928). В.Н. Васильев (1936) разделял их на две группы – верхневиллюнейскую и нижневиллюнейскую. Места отела и летние пастбища первой группы находились у р. Великая и в верховьях р. Майн у границы с Корякией, но некоторые семьи выходили на лето по р. Апука к морскому берегу в районе одноименной бухты, т.е. уже за южной границей ЧАО. Нижневиллюнейские чукчи кочевали немного восточнее и летом тоже спускались к морю, по-видимому, в районе устья Хатырки.

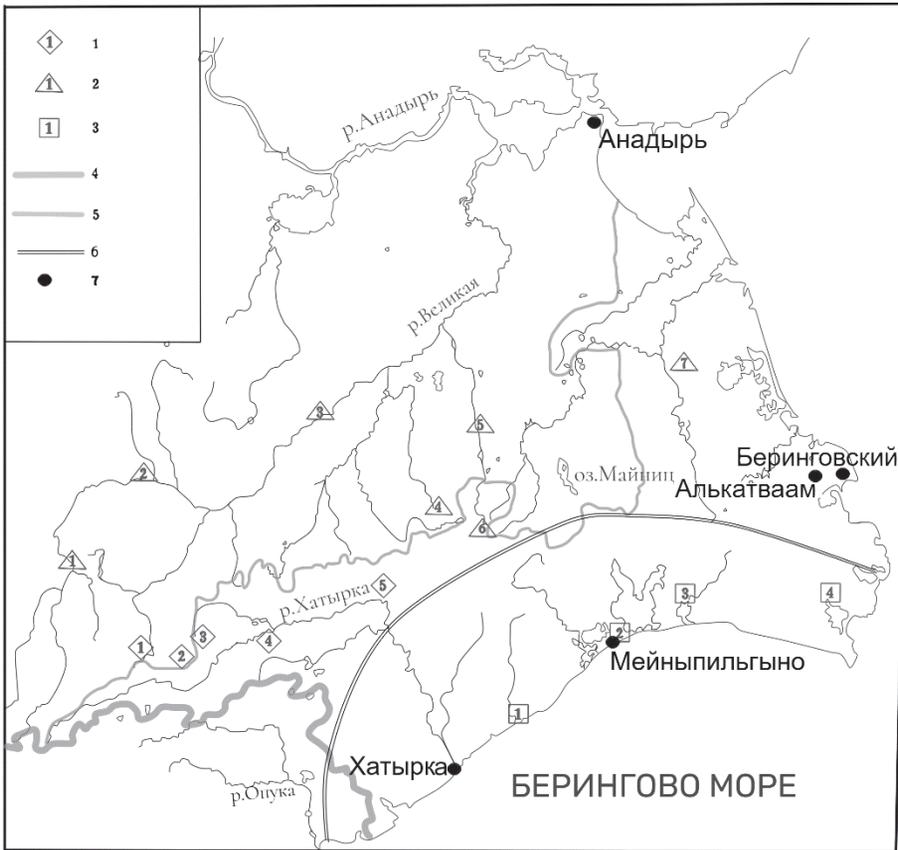

Рис. 1. Карта-схема расположения зимних стойбищ Вилюнейремкенского, Керекремкенского и Телькапелэтского кочевых советов (см. табл. 1).

Приблизительные местоположения зимних стойбищ кочевых советов:

- 1 – Вилюнейремкенского; 2 – Телькапелэтского; 3 – Керекремкенского (определены автором по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг. (Итоги... 1929));
- 4 – современная граница Чукотского автономного округа; 5 – граница бывшего Беринговского района; 6 – граница зоны ежегодного гололеда с карты колхозного землепользования Беринговского района (ГА ЧАО 1956: 2); 7 – населенные пункты

Телькапелэтский кочевой совет состоял из семи кочевых групп и включал 114 семей (555 человек), владевших 35,8 тыс. оленей. Удалось установить местоположение шести групп из семи. Только одна из них находилась на территории будущего Беринговского района, вдали от моря, в верховьях р. Чиринай, и еще одна – неподалеку к северо-западу от нее. Большая часть оленей принадлежала группам, кочевавшим выше по течению р. Великой, на значительном расстоянии от границы будущего Беринговского района.

В материалах землеустройства телькапелэтские чукчи отдельно не выделены и рассматриваются вместе с вилюнейскими. С точки зрения

землеустроителей, их кочевки были «бессистемные и длинные», в разные годы в различных направлениях, «с Хатырки на вершину Великой, к хребту Уквушвукен, к горам Начириной, с востока на запад, с запада на север, но особо интенсивному выпаса подвергаются пастбища Начириной» (ГА ЧАО 1934: 202). Длина кочевий в один конец достигала 300 км (Орловский 1928).

Таким образом основные кочевки Вилюнейского и Телькапелэтского советов располагались к северо-западу от горного водораздела между р. Великая и реками, текущими на юго-восток в Берингово море, по которому впоследствии была проведена граница Беринговского района. Земли к югу от этого водораздела осваивал Керекремкенский кочевой совет (241 чел.), в составе которого было 41 чукотское и восемь керекских хозяйств. В близком соседстве и контакте с ними жили оседлые кереки (21 хозяйство), все поселения которых располагались на морском берегу между бухтами Опука на западе и Орианда на востоке. Они были объединены в Наваринский туземный совет. Кереки оленей не имели. У керекремкенских чукчей в общей сложности было 9,5 тыс. оленей, в среднем – по 194 на семью. Они сочетали оленеводство с рыболовством и промыслом морских млекопитающих и вели товарообмен с кереками (Клоков 2021).

Самое большое в этом совете стойбище чукчей – 17 хозяйств с 4,1 тыс. оленями, располагалось у лагуны Кайпыльгин, рядом с гористым Наваринским полуостровом, образованным вдающимся в Берингово море восточным окончанием Корякского хребта. С этим местом связано сказание жителей с. Мейныпильгыно, согласно которому там находится хорошо защищенная горами и удобная для выпаса оленей долина Атчыног – «спрятанная земля». Согласно сказанию, семья чукчей несколько лет прятала там свое стадо от коряков (Мейныпильгыно... 2023: 95–96). Речь, по-видимому, идет о необычном для прибрежного ландшафта урочище, пригодном для круглогодичного содержания оленей.

Кроме рассмотренных групп, у северной границы будущей территории Беринговского района – по южному берегу Анадырского лимана и в районе мыса Гека, летом кочевали небольшие группы чукчей Онеменского кочевого совета. Самая крупная из них – Автаткуэльские чукчи (14 семей, имевших 1 257 оленей) в летнее время выходила к морю между лагуной Тымна и бухтой Угольная. Зимовала она далеко от моря по правым притокам Великой (Васильев 1936).

Таким образом, размещение зимних стойбищ говорит о том, что весьма обширная территория, расположенная вдоль берега Берингова моря к югу от Анадырского лимана, оленеводами, имевшими много оленей, в зимнее время практически не использовалась. Исключением можно считать Кайпыльгинскую группу, у которой была возможность укрыть стадо в горных долинах. Исключая эту группу, в пределах территории будущего Беринговского района зимой кочевали лишь 32 семьи с 5,4 тыс. оленей.

Высокий риск гололеда на рассматриваемой территории подтвержден полевыми материалами Чукотской землеустроительной экспедиции 1956 г., где на карте колхозного землепользования Беринговского района (ГА ЧАО 1956: 2) отмечена граница зоны «ежегодного гололеда» (см. рис. 1). На другой карте (ГА ЧАО 1971–1972: 8) показана толщина ледяной корки в январе 1971 г., которая достигала 19 см в Мейныпильгыно, а вдали от моря в верховьях р. Великая была лишь 3–4 см.

Таким образом, преобразования землепользования в ходе советизации фактически проигнорировали опыт традиционного оленеводства. Возникает вопрос, сыграло ли это свою негативную роль впоследствии? Рассмотрим этот вопрос подробнее, используя предоставленные Департаментом сельского хозяйства ЧАО динамические ряды производственных показателей оленеводческих хозяйств и архивные материалы.

С точки зрения первоначального землеустройства территория будущего Беринговского района была расценена как резерв пастбищ для крупностадного общественного оленеводства. К концу 1930-х гг. здесь были организованы кочевые товарищества оленеводов, которые вскоре объединились в три оленеводческих колхоза. Хозяйственные и административные центры двух из них были сформированы на базе расположенных на берегу моря оседлых поселений кереков (в местах, удобных для рыболовства). Эти поселения стали «центрами оседания» кочевавших в окрестностях оленеводов. Так возникли села Хатырка и Мейныпильгыно. Созданные там колхозы – Им. Жданова (Хатырка) и «Дружба» (Мейныпильгыно) объединили рыболовецкие артели кереков с чукотскими оленеводами. В северной части района был создан колхоз «Коммунист», центральной усадьбой которого стало построенное в 1953 г. с. Алькатваам. С начала 1960-х гг. колхозы были преобразованы в совхозы. Общее поголовье оленей в них росло и к середине 1960-х гг. достигло 45 тыс. голов (рис. 2).

В 1970–1980-е гг. оленеводство Чукотки столкнулось с рядом серьезных социальных и экономических проблем (Коломиец, Нувано 2024; Пилясов 2009; Хаховская 2011), однако негативный тренд в динамике поголовья оленей, имевший место в эти годы во всем округе, в Беринговском районе был выражен слабо (рис. 2). Несмотря на гололедные явления и другие проблемы, поголовье оленей здесь поддерживалось на высоком уровне вплоть до начала рыночных реформ. Дело в том, что повышенная гибель оленей редко отражается на выходном поголовье в конце календарного года (рис. 3), так как хозяйства выравнивают ситуацию, уменьшая забой (Пантин 1985). На неблагоприятную ситуацию указывает снижение других показателей: сохранности взрослого поголовья и делового выхода телят (рассчитывается как сумма числа забитых и доживших до конца календарного года телят на 100 январских маток). На графиках этих показателей (рис. 4, 5) ясно видны «провалы» в 1971 и 1982 гг.

Рис. 2. Поголовье домашних оленей в Беринговском районе (с 2008 г. – на территории бывшего Беринговского района), гол.

Источник: рассчитано автором по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО

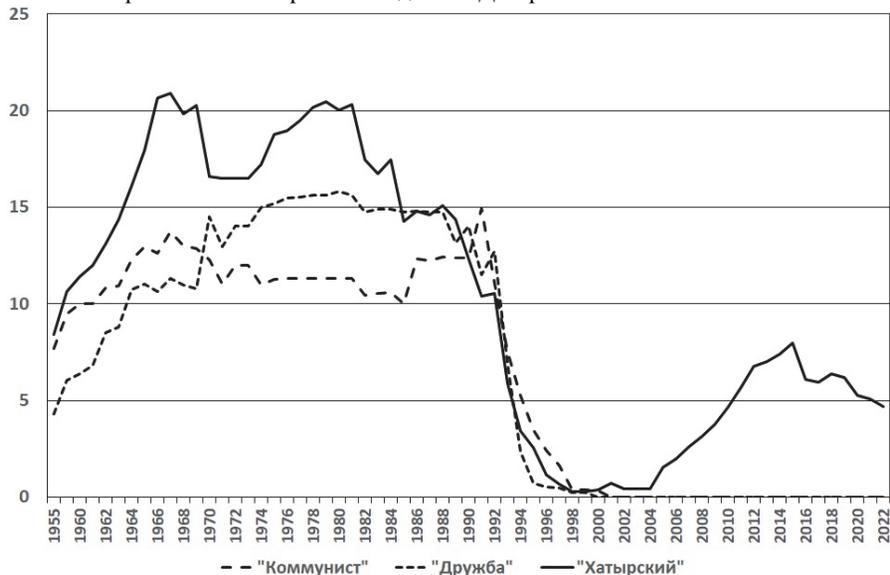

Рис. 3. Динамика поголовья оленей (тыс. гол.) в оленеводческих хозяйствах на территории Беринговского района (колхозы/совхозы/муниципальные унитарные предприятия)

Источник: составлено автором по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО

Отметим, что их снижение бывает связано не только с гололедом, но и с другими причинами, например, с пургой во время отела, аномально

жарким летом, а также с резким снижением уровня организации хозяйства, который имел место, начиная с 1990 г. Однако своевременно принятые против гололеда меры (например, вывод стад из опасной зоны) могут предотвратить негативный эффект.

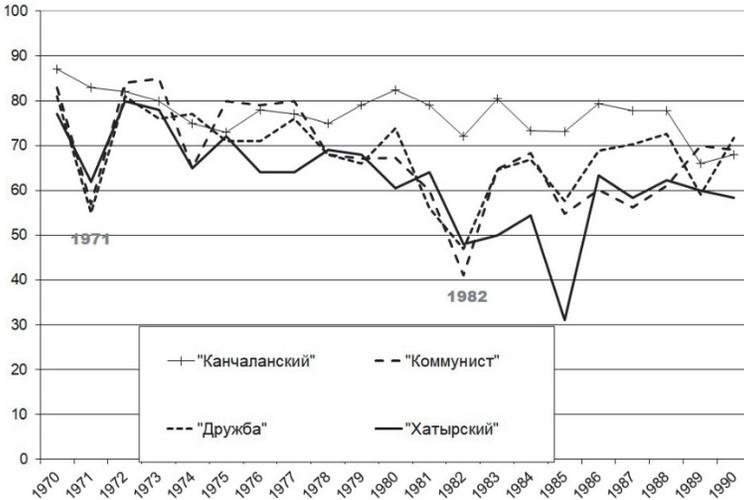

Рис. 4. Сохранность взрослого поголовья оленей в трех совхозах Беринговского района, расположенных в зоне рискованного оленеводства, и в совхозе «Канчаланский» Анадырского района (вне этой зоны, для сравнения).

Отдельно обозначены годы с сильными гололедными явлениями

Источник: составлено автором по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО

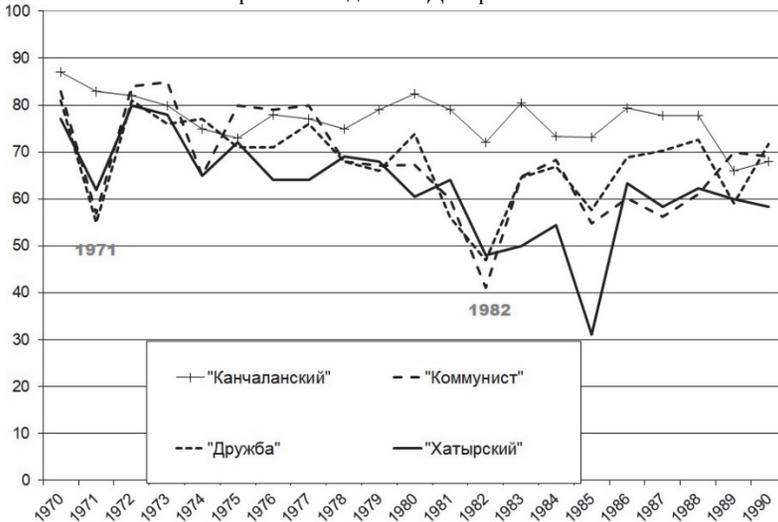

Рис. 5. Деловой выход телят на 100 январских маток в трех совхозах Беринговского района, расположенных в зоне рискованного оленеводства, и в совхозе «Канчаланский» Анадырского района (вне этой зоны, для сравнения).

Отдельно обозначены годы с сильными гололедными явлениями.

Источник: составлено автором по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО

В данном случае наличие гололедных явлений подтверждается сообщениями в печати (Пантин 1985) и рассказами старожилов: «Я отлично помню, когда в 1971 году разразился страшный гололед, отец чуть ли не каждый день летал на вертолете МИ-4 по бригадам в поисках пастбищ, менее затронутых гололедом. В это время он был заместителем директора совхоза по хозяйственной части. Директор был Ковин Михаил Петрович. Вертолет был прикомандирован к нашему совхозу по приказу окрисполкома» (Мейныпильгыно... 2023: 128).

Начиная с 1971 г. гололед в округе стал рассматриваться как чрезвычайная ситуация, что нашло отражение в документах Управления сельского хозяйства округа (ГА ЧАО 1971–1972; ГА ЧАО 1973а; ГА ЧАО 1973б: 33–37 и др.). Типична телеграмма начальника Управления сельского хозяйства Чукотского окрисполкома (ГА ЧАО 1971–1972: 12), разосланная во все хозяйства округа 6 декабря 1972 (рис. 6). Из нее видно, что и на следующий год гололедные явления стали повторяться, но на этот раз были приняты энергичные меры. В ответной телеграмме, из Мейныпильгыно, подписанной Ковиным (ГА ЧАО 1971–1972: 27), сообщается, что ситуация в целом под контролем, но несколько бригад из-за гололеда вынуждены кочевать на территорию другого совхоза к озеру Майниц (т.е. через границу Беринговского района. – К.К.).

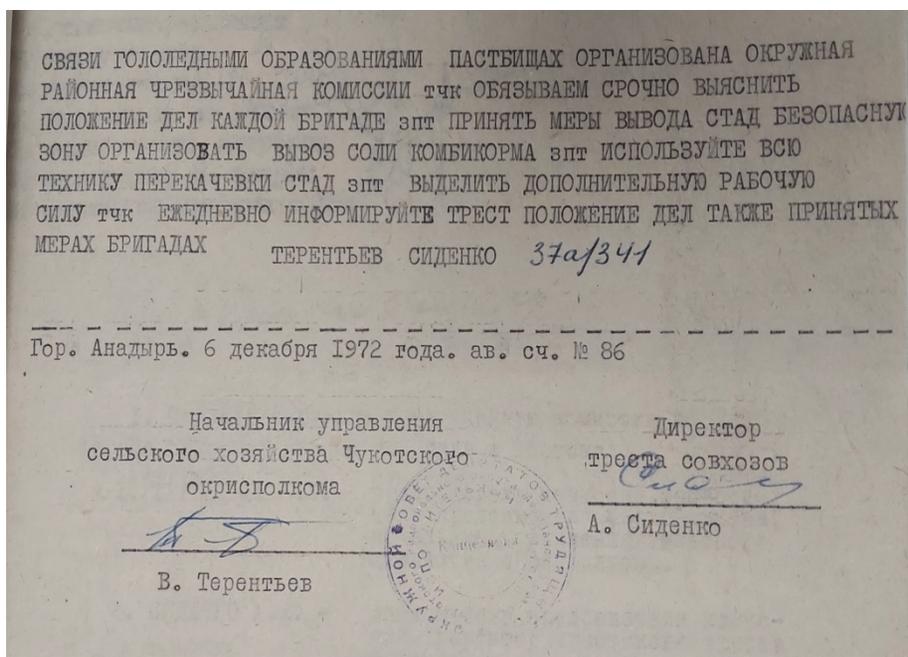

Рис. 6. Телеграмма Управления сельского хозяйства Чукотского окрисполкома, разосланная в оленеводческие хозяйства округа 6 декабря 1972 г. в связи с гололедом (ГАЧО 1971–1972: 12)

Таким образом, освоение оленеводством «рискованных» пастбищ на рассматриваемой территории по крайней мере два раза – в 1971 и 1982 гг., привело к значительным хозяйственным потерям. Вместе с тем принятые меры позволяли выравнивать поголовье. Положение оленеводства оставалось стабильным благодаря значительным затратам усилий и средств совхозов и управления сельским хозяйством округа.

Проведенный А.Н. Пилясовым (2009: 441) расчет средней величины непроизводительного отхода оленей начиная с 1965 г. по пятилетним периодам для каждого района ЧАО показал, что во всех трех районах зоны рискованного оленеводства этот показатель был значительно выше, чем вне этой зоны. Максимальное различие имело место в 1980–1984 гг., когда в Беринговском районе непроизводительный отход оленей составил 20%, а в районах вне зоны рискованного оленеводства варьировал от 9,7 до 12,9%.

Рыночные реформы, разрушив существовавшие в советское время хозяйственные механизмы, вызвали «обвальное» сокращение поголовья оленей в ЧАО. За послереформенное десятилетие (с 1991 по 2001 г.) оно упало с 491 по 92,5 тыс. голов (в 5 раз). Сильнее всего оно сократилось в районах зоны рискованного оленеводства, причем Беринговский район оказался среди них «лидером»: здесь число оленей за тот же период уменьшилось в 55 раз – с 38,7 до 0,7 тыс. голов (Клоков, Хрущев 2004). В Алькатвааме и Мейныпильгыно оленеводство исчезло полностью (рис. 7).

Рис. 7. Разрушенный кораль для оленей около с. Мейныпильгыно. Фото автора. 2016 г.

Небольшое стадо сохранилось лишь в Хатырке, около южной границы ЧАО, на территории безопасной с точки зрения гололедных явлений. В 2000-е гг. оленеводство здесь было отчасти восстановлено, и количество оленей достигло максимума – 8 тыс. голов – в 2015 г. С этого года, по сведениям Департамента сельского хозяйства ЧАО, началось плавное снижение поголовья оленей не только в Хатырке, и по всему округу.

Вопрос о том, в какой степени возможно и вероятно возрождение оленеводства на остальной территории бывшего Беринговского района, несомненно актуален и заслуживает специального изучения. Пять лет назад, после нескольких неудачных попыток, небольшое фермерское хозяйство с поголовьем около 200 оленей появилось в окрестностях Мейныпильгыно. Однако развития хозяйства и роста стада, несмотря на усиленную государственную поддержку, здесь не происходит (ПМА 2019, 2022).

Заключение

Изменения в землепользовании в ходе советизации оленеводства на территории юго-востока ЧАО объективно способствовали снижению его экологической устойчивости. Советская научная школа землеустройства оленеводческих хозяйств оформилась на базе изучения и обобщения опыта главным образом европейского – коми-ижемского и ненецкого – оленеводства. В ней сформировались определенные контексты, в которых рассматривались все проблемы, вырабатывались научные принципы и практические меры. В дальнейшем они применялись для модернизации оленеводства в восточных регионах страны, включая Чукотку.

До землеустройства чукотские оленеводы, как правило, проходили через одни и те же зимние пастбища в среднем раз в четыре года (ГА ЧАО 1934: 47), т.е. пастбищеоборот, введение которого было одной из задач землеустройства, был у них уже фактом. Вместе с тем их природопользование обладало большой гибкостью, чередование пастбищ соблюдалось не формально, а учетом их фактического состояния и множества сопутствующих обстоятельств. В ходе землеустройства такая гибкость была расценена как «бессистемность». Однако, именно изменчивость кочевков позволяла оленеводству гармонично «вписываться» в нестабильную природную среду (Нувано 2004). Гибкое, неформальное использование земель, несмотря на усилия властей, отчасти сохраняется и в настоящее время. Так, А.Н. Пилясов (2009: 443), отмечает, что у всех успешных чукотских оленеводческих хозяйств, кроме сохранения традиционных институтов, есть еще одна общая характеристика: «...они все являлись нарушителями правил землепользования (совершали стихийные захваты земель)».

Чукотские оленеводы традиционно выбирали маршруты кочевков вместе с оленями, используя инициативу самих животных (Архинчеев

1957). По их мнению, нужно только «тихонько идти за оленями, они сами движутся в нужном направлении» (Головнёв 2015: 13). В свете современных экологических представлений такая стратегия соответствует одному из четырех основных принципов отношений человека с природой Бари и Коммонера (1974): «Природа знает лучше». Однако в ходе землеустройства чукотское оленеводство было «переформатировано» по коми-ижемской модели, для которой характерен постоянный контроль за стадом со стороны оленеводов (Истомин 2004). В результате модернизации чукотское оленеводство было приспособлено к интересам и потребностям планового социалистического хозяйства, вопросы экологической адаптации при этом отошли на второй план. Однако и после этого оленеводческое хозяйство долгое время сохраняло устойчивость. Его крах наступил в период рыночных реформ, но никак не был связан с опасными природными явлениями, во всяком случае никто из местных жителей Беринговского района, с которыми я беседовал, ни разу об этом не упомянул.

Оленеводы Чукотки, создавшие свою традиционную систему природопользования, и советские уполномоченные, проводившие землеустройство и коллективизацию, были представителями двух весьма различных этнокультурных традиций. Советизация чукотского оленеводства стала столкновением двух культурных миров, ее можно рассматривать как конфликт не столько политических сил, сколько цивилизационных отношений. В результате нее эволюция оленеводства пошла по характерному для этноконтактных зон пути адаптации к условиям, диктуемым доминирующей этнической культурой – в данном случае советским обществом. Начался процесс, который можно обозначить как экономическую аккомодацию (Паин 2020).

По мнению М.В. Рагулиной (2000), устойчивость локальных сообществ коренных народов поддерживается на двух уровнях. Один из них – это устойчивость сообщества в природном ландшафте, которая в оленеводстве определяется отношениями между людьми, оленями и окружающей средой. Другой уровень – устойчивость сообщества в региональной социоэкономической и культурной среде. Она зависит от политики государства и ее региональных особенностей. Стратегия, предложенная и реализованная в ходе советского строительства на Чукотке, была направлена на экономическую аккомодацию равновесного в экологическом отношении природопользования чукчей к политической и социально-экономической системе страны. К таким ситуациям приложима теория геоадаптационных отношений, разработанная в геополитике (Каледин 2020: 43), если применить ее на микрогеографическом уровне. В данном случае воздействие внешнего (по отношению к локальным сообществам оленеводов) политического фактора привело к нарушению

симбиотических связей между локальными сообществами и их ландшафтом. Однако кризиса не произошло, так как нарушенное экологическое равновесие стало поддерживаться за счет внешних организационно-хозяйственных воздействий, связанных с насыщением традиционного оленеводства различного рода новациями. Взаимная адаптация субъектов-акторов, происходившая в течение нескольких десятилетий колхозно-совхозного периода, обеспечивала относительно устойчивое состояние оленеводства как системы природопользования даже в условиях повышенного экологического риска.

Ставить вопрос о том, какая модель оленеводства – традиционная или советская, обладает большей экологической устойчивостью, некорректно. Каждая из этих моделей могла существовать лишь в определенных исторических условиях. Теперь условия изменились, процесс экономической адаптации продолжается, идет стихийная выработка новых моделей оленеводства. На каком уровне установится после завершения этого процесса поголовье домашних оленей в районах ЧАО – пока не известно. Точка зрения, что уровень поголовья на юго-востоке Чукотки был искусственно завышен в советское время, а теперь вернулся к своей экологической норме (Антонов и др. 2018), сильно упрощает действительность. Для успешного хозяйства, кроме экологического равновесия необходимо еще равновесие экономическое, социальное и политическое. Поэтому для симбиотических сообществ людей и оленей общей («абстрактной») экологической нормы, не зависящей от экономики и политики, не существует. Существует сложный комплекс геоадаптационных отношений, которые, по адекватной данному случаю формулировке Н.В. Каледина (2020: 44), обеспечивают взаимные адаптации природных, общественных, общественно-природных процессов к географическому пространству, которое выступает их имманентным условием и придает им специфические пространственные (географические) формы.

Список источников

- Антонов Е.В., Литвиненко Т.В., Нувано В.Н. Полимасштабный анализ динамики домашнего оленеводства в арктических регионах: территориальные сдвиги, внутрирегиональные и локальные различия // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 5. С. 24–36.
- Архинчев И.С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства (1936) // Сибирский этнографический сборник II. Труды ИЭ АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 35. С. 43–98.
- Васильев В.Н. Олени пастбища Анадырского края // Труды Арктического института. Т. LXII: Оленеводство. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. С. 9–104.
- Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.: Наука, 1965.
- Гарусов И.С. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки, 1917–1952 гг. Магадан: Магаданское книжное издательство, 1981.
- Головнёв А.В. Чукотский дневник: размышления о движении // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 6–16.

- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-3. Оп. 5. Д. 3: Проект-очерк первоначального земельноводного устройства Анадырского района Чукотско-Анадырской комплексной экспедиции Дальгосземтреста при Наркомземе РСФСР. 1934.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-3. Оп. 5. Д. 382. Материалы Чукотской землеустроительной экспедиции МСХ РСФСР полевых зоотехнических обследований Анадырского и Чукотского районов округа (карты и схемы размещения сезонных пастбищ). 1956.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 611. Материалы по ликвидации последствий гололеда в совхозах округа за 1971–1972 годы.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 714: Материалы по ликвидации последствий гололеда в совхозах Беринговского района за 1973 год.
- Государственный архив Чукотского автономного округа (ГА ЧАО). Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 87. Задорин В. О критическом состоянии сельскохозяйственного производства в Чукотском районе и о некоторых предложениях выхода из него. Служебная записка. 1973. 1973б.
- Давыдова Е.А.* Оленеводы Чукотки: власть, родство, отношения с государством (по материалам XIX – середины XX в.). СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Друри И.В.* Пастбищное хозяйство и выпас оленей у чукоч Анадырского района // Труды Арктического института. Т. LXII: Оленеводство. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. С. 105–124.
- Друри И.В.* Как был создан первый оленесовхоз на Чукотке // Краеведческие записки. Вып. XVI. Магадан, 1989. С. 3–14.
- Истомин К.В.* Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926–1927 г.). Благовещенск: Типолитография «Книжное дело», 1929.
- Каледин Н.В.* Деятельностно-геопространственная методология в общественной географии // Балтийский регион – регион сотрудничества. Регионы в условиях глобальных изменений: материалы IV Международной научно-практической конференции. 2020. С. 43–48.
- Керцелли С.В.* По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1911.
- Клоков К.Б.* Этнокультурный ландшафт чукчей села Мейныпильгыно // Сибирские исторические исследования. 2021. № 4. С. 37–54.
- Клоков К.Б., Хрущев С.А.* Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России. СПб.: ВВМ, 2004.
- Коломиец О.П., Нувано В.Н.* Оленеводство народов Чукотки в конце XX – первой четверти XXI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 169–177.
- Коломиец О.П., Нувано В.Н.* Чукотское оленеводство в конце XIX – первой половине XX в. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 76–88.
- Коммонер Б.* Замыкающийся круг: природа, человек, технология. Л.: Гидрометеиздат, 1974.
- Мейныпильгыно в рассказах его жителей: сборник текстов, легенд, сказаний и описаний традиционных обрядов / авт.-сост. К.Б. Клоков. Санкт-Петербург; Анадырь: Музейный центр «Наследие Чукотки», 2023.
- Мироненко О.* Пути оптимизации системы землепользования и землеустройства оленеводческо-промысловых хозяйств // Новости оленеводства. Вып. 4. Магадан: Изд. Зонального НИИСХ Северо-Востока, 2000. С. 70–79.

- Нувано В.Н. Традиционные маршруты кочевания оленеводов восточной и центральной Чукотки // Ориентиры развития Берингии в XXI в. Магадан: ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, 2004. С. 180–190.
- Орловский П.Н. Год анадырско-чукотского оленевода // Северная Азия. 1928. № 2. С. 61–70.
- Паин Э.А. Межэтнические отношения: сущность и основные разновидности // Koionop. 2020. Т. 1, № 1-2. С. 71–87.
- Пантин О.А. Передовые, отстающие. К итогам работы оленеводческих совхозов Магаданской области в 1984 году // Магаданский оленевод. 1985. № 37. С. 7–9.
- Пилясов А.Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Полевые материалы автора (ПМА). Мейнпыльгыно, 2016–2019; Анадырь, 2022.
- Постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 8 сентября 1931 г. № 957 «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: [khttps://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3781.khtm](https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3781.khtm)
- Рагулина М.В. Коренные этносы сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.
- Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий объектов на 16.12.2022, Чукотский автономный округ. URL: [khttps://www.zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_15/384-98-Reestr-geograf-nazvanii-RF-2022g-Chukotski/027.khtm](https://www.zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_15/384-98-Reestr-geograf-nazvanii-RF-2022g-Chukotski/027.khtm)
- Сочава В.Б. Тундроведение и ягелеустройство // Советский Север. 1931. № 1. С. 78–84. Тропуа Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008.
- Хаховская Л.Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 112–127.
- Чистяков А.Ю. Проблемы изучения оленеводства в работе Всесоюзного арктического института в 1930-е гг. // Полярные чтения на ледоколе «Красин»: материалы седьмой научно-практической конференции «Полярные чтения – 2019. Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее». СПб.: Паулсен, 2020. С. 540–548.
- Шарыпова А.Н. Чукотка – судьба моя. СПб.: Лемма, 2017.

References

- Antonov E.V., Litvinenko T.V., Nuvano V.N. (2018) Polimasshtabnyi analiz dinamiki domashnego olenevodstva v arkticheskikh regionakh: territorialnye sdvigi, vnutriregionalnye i lokalnye razlichiiia [Multiscale Analysis Of Domestic Reindeer Breeding Dynamics In The Arctic Regions: Territorial Shifts, Intraregional And Local Differences]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaiia*, no. 5, pp. 24–36.
- Arhincheev I.S. (1957) Materialy dlya harakteristiki sotsialnyh otnosheniy chukchey v svyazi s sotsialisticheskoy rekonstruktsiei hozyaystva (1936) [Materials for characterizing the social relations of the Chukchi in connection with the socialist reconstruction of the economy (1936)]. *Sibirskiy etnograficheskiiy sbornik II*. Trudy IE AN SSSR. Moscow-Leningrad. Vol. 35, pp. 43–98.
- Author's Field Materials (PMA). Meinyopil'gyno, 2016–2019; Anadyr', 2022.
- Chistiakov A.Yu. (2020) Problemy izucheniia olenevodstva v rabote Vsesoiuznogo arkticheskogo instituta v 1930-e gg. [Problems of studying reindeer herding in the work of the All-Union Arctic Institute in the 1930s.]. *Poliarnye chteniia na ledokole «Krasin», Materialy sedmoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Poliarnye chteniia – 2019. Gosudarstvennye i obschestvennye organizatsii v upravlenii Arktikoi: proshloe, nastoiashchee, budushee"*. Saint-Petersburg: Paulsen. pp. 540–548.

- Davydova E.A. (2022) *Olenevody Chukotki: vlast, rodstvo, otnosheniia s gosudarstvom (po materialam XIX – serediny XX v.)* [Reindeer Herders of Chukotka: Power, Kinship, Relations with the State (Based on Materials from the 19th – Mid-20th Centuries)]. Saint-Petersburg: MAE RAN.
- Druri I.V. (1936) Pastbishnoe khoziaistvo i vypas olenei u chukoch Anadyrskogo rayona [Pasture farming and reindeer grazing among the Chukchi of the Anadyr region]. *Trudy Arkticheskogo instituta*. Vol. LXII. Reindeer herding. Leningrad: izd-vo Glavsevmorputi. pp. 105–124.
- Druri I.V. (1989) Kak byl sozdan pervyi olenesovkhoz na Chukotke [How the first reindeer state farm was created in Chukotka]. *Kraevedcheskie zapiski*. Vol. XVI. Magadan. pp. 3–14.
- Garusov I.S. (1981) *Sotsialisticheskoe pereustroistvo selskogo i promyslovogo khoziaistva Chukotki 1917–1952 gg.* [Socialist reorganization of Chukotka's agricultural and crafts economy, 1917–1952]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Golovnyov A.V. (2015) Chukotskii dnevnik: razmyshleniia o dvizhenii [Chukotka Diary: Reflection On Motion]. *Uralskii istoricheskii vestnik*, no. 2 (47). pp. 6–16.
- Istomin K.V. (2004) *Etnoekologicheskaiia kharakteristika komi-izkhemskego olenevodstva*. Avtoref. diss. na soisk. uch. step. kandid. istor. nauk [Ethnoecological characteristics of the Komi-Izhma reindeer herding. Abstract of a Cand.Sc. (History) dissertation]. Moscow.
- Itogi perepisi severnykh okrain Dalnevostochnogo kraia (1926–1927 g.)* [Results of the census of the northern outskirts of the Far Eastern region (1926–1927)]. Blagoveschensk: tipolitografiia «Knizhnoe delo», 1929.
- Kaledin N.V. (2020) Deiatel'nostno-geoprostranstvennaia metodologiia v obschestvennoi geografii [Activity-geospatial methodology in human geography]. *Baltiiskii region - region sotrudnichestva. Regiony v usloviakh globalnykh izmenenii*. Materialy IV Mezkhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. pp. 43–48.
- Kertselli S.V. *Po Bolshezemelskoi tundre s kochevnikami* [Along the Bolshezemelskaya tundra with nomads]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skaia gubern'skaia tipografiia. 1911.
- Khakhovskaia L.N. (2011) Sovetskaia modernizatsiia olenevodstva v otdalennykh severnykh regionakh (na primere Anadyr'skogo rayona Chukotki) [The Soviet Modernization Of Deer Breeding In Remote Northern Regions (The Case Of The Anadyr Region Of Chukotka)]. *Etnograficheskoe obozrenie*. no. 6. pp. 112–127.
- Klokov K.B. (2021) Etnokulturnyi landshaft chukchei sela Meinyopilgyno [The ethno-cultural landscape of the Chukchi village of Meinyopilgyno]. *Siberian Historical Research-Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia*. no. 4. pp. 37–54.
- Klokov K.B., Khrushev S.A. (2004) *Olenevodcheskoe khoziaistvo korennykh narodov Severa Rossii* [Reindeer herding of indigenous peoples of the Russian North]. Saint-Petersburg: VVM.
- Kolomiets O.P., Nuvano V.N. (2017) Chukotskoe olenevodstvo v kontse XIX – pervoi polovine XX v. [The Chukchi Reindeer Breeding In The Late XIX – The First Half Of The XX Centuries]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovani*. no. 4 (18). pp. 76–88.
- Kolomiets O.P., Nuvano V.N. (2024) Olenevodstvo narodov Chukotki v kontse XX – pervoi chetverti XXI v. [Reindeer Herding Of Chukotka Ethnicities In The End Of The 20th – First Quarter Of 21st Century]. *Vestnik arkeologii, antropologii i etnografii*. no. 1 (64). pp. 169–177.
- Kommoner B. (1974) *Zamykayushchiia krug: priroda, chelovek, tekhnologiia* [A closing circle: nature, human, technology]. Leningrad: Gidrometeoizdat.
- Meinyopilgyno v rasskazakh ego zhitelei: sbornik tekstov, legend, skazanii i opisani traditsionnykh obriadov* [Meinyopilgyno in the stories of its inhabitants: a collection of texts, legends, tales and descriptions of traditional rituals] / Compiled by K.B. Klokov. Saint-Petersburg.; Anadyr: Muzeinyi tsentr «Nasledie Chukotki», 2023.

- Mironenko O. (2000) Puti optimizatsii sistemy zemlepolzovaniia i zemleuстройства olenevodchesko-promyslovyykh khoziastv [Ways to optimize the land use and land management system of reindeer herding and cropping farms]. *Novosti olenevodstva*. Vol. 4. Magadan: Izd. Zonalnogo NIISKH Severo-Vostoka. pp. 70–79.
- Nuvano V.N. (2004) Traditsionnye marshruty kochevaniia olenevodov vostochnoi i tsentralnoi Chukotki [Traditional routes of reindeer herders in eastern and central Chukotka]. *Orientry razvitiia Beringii v XXI v.* Magadan: ChF SVKNII DVO RAN. pp. 180–190.
- Orlovskii P.N. (1928) God anadyrsko-chukotskogo olenevoda [The Year of the Anadyr-Chukotka Reindeer Herder]. *Severnaia Aziia*. no. 2, pp. 61–70.
- Pain E.A. (2020) Mezkhethnicheskie otnosheniia: suschnost i osnovnye raznovidnosti [Interethnic Relations: The Essence And The Core Varieties]. *Koinon*. Vol. 1. no. 1-2, pp. 71–87.
- Pantin O.A. (1985) Peredovye, otstayushchie. K itogam raboty olenevodcheskikh sovkhovov Magadanskoi oblasti v 1984 godu [Advanced, lagging behind. On the results of the work of reindeer herding state farms of the Magadan region in 1984]. *Magadanskii olenevod*. no. 37, pp. 7–9.
- Piliasov A.N. (2009) *I poslednie stanut ervymi: Severnaia periferiia na puti k ekonomike znaniia* [And the Last Shall Be First: The Northern Periphery on the Path to a Knowledge Economy]. Moscow: LIBROKOM.
- Postanovlenie Soveta narodnykh komissarov RSFSR ot 8 sentiabria 1931 g. n 957 «O khoziaistvennom razvitiu raionov Krainego Severa» [Resolution of the Council of People's Commissars of the RSFSR of September 8, 1931 No. 957 "On the economic development of the regions of the Far North"]. *Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR*. Available at: [khttps://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3781.khtm](https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3781.khtm)
- Ragulina M.V. (2000) *Korennnye etnosy sibirskoi taygi: motivatsiia i struktura prirodopolzovaniia (na primere tofalarov i evenkov Irkutskoi oblasti)* [Indigenous ethnic groups of the Siberian taiga: motivation and structure of nature management (on the example of the Tofalars and Evenks of the Irkutsk region)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.
- Reestr zaregistrirrovannykh v AGKGN geograficheskikh nazvanii ob"ektov na 16.12.2022, Chukotskii avtonomnyi okrug [Register of geographical names of objects registered in the State Catalogue of Geographical Names as of 12/16/2022, Chukotka Autonomous Okrug]. Available at: [khttps://www.zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_15/384-98-Reestr-geograf-nazvanii-RF-2022g-Chukotski/027.khtm](https://www.zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_15/384-98-Reestr-geograf-nazvanii-RF-2022g-Chukotski/027.khtm)
- Sharypova A.N. (2017) *Chukotka – sudba moia* [Chukotka is my destiny]. Saint-Petersburg: «Lemma».
- Sochava V.B. (1931) Tundrovedenie i iageleustroistvo [Tundra studies and lichen management]. *Sovetskii Sever*. no. 1, pp. 78–84.
- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-3. List 5. File 3. Proekt-ocherk pervonachalnogo zemel'novodnogo ustroistva Anadyrskogo raiona Chukotsko-Anadyrskoi kompleksnoi ekspeditsii Dal'goszemtresta pri Narkomzeme RSFSR [Project-essay of the initial land-water arrangement of the Anadyr region of the Chukotka-Anadyr complex expedition of the Far Eastern State Land Trust under the People's Commissariat of Agriculture of the RSFSR]. 1934.
- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-3. List 5. File 382. Materialy Chukotskoi zemleustroitel'noi ekspeditsii MSKh RSFR polevykh zootekhnicheskikh obsledovaniy Anadyrskogo i Chukotskogo raionov okruga (karty i skhemy razmeshcheniia sezonnykh pastbishch) [Materials of the Chukotka land management expedition of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation on field zootechnical surveys of the Anadyr and Chukotka districts of the Okrug (maps and schemes of seasonal pasture placement)]. 1956 g.
- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-10. List 1. File 611. Materialy po likvidatsii posledstviu gololeda v sovkhovakh okruga za 1971–1972 gody

[Materials on the elimination of the consequences of ice in state farms of the Okrug for 1971-1972].

- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-10. List 1. File 714. Materialy po likvidatsii posledstviu gololeda v sovkhozakh Beringovskogo raiona za 1973 god [Materials on the elimination of the consequences of ice in state farms of the Beringovskii district in 1973]. 1973a.
- State Archives of the Chukotka Autonomous Okrug (GA ChAO). Fund R-41. List 1. File 87. Zadorin V. O kriticheskom sostoianii selskokhoziaistvennogo proizvodstva v Chukotskom raione i o nekotorykh predlogeniakh vykhoda iz nego [On the crisis in agricultural production in Chukotskii District and several propositions how to get out of it. Memo. 1973] 1973b.
- Tropoiu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy* [The Path of Bogoraz. Scientific and Literary Materials]. Moscow: Institut Naslediiia – GEOS, 2008.
- Vasilev V.N. (1936) Oleni pastbischa Anadyrskogo kraia [Reindeer pastures of the Anadyr region]. *Trudy Arkticheskogo instituta*. Tom. LXII. Olenevodstvo. Leningrad: izd-vo Glavsevmorputi. pp. 9–104.
- Vdovin I.S. (1965) *Ocherki istorii i etnografii chukchei* [Essays on the history and ethnography of the Chukchi]. Moscow: «Nauka».

Сведения об авторе:

КЛОКОВ Константин Борисович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-Петербург, Россия); профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Konstantin B. Klokov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation); St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: k.b.klokov@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01 мая 2024;
принята к публикации 28 августа 2024.*

*The article was submitted 01.05.2024;
accepted for publication 28.08.2024.*

Научная статья
УДК 314.74, 572.028
doi: 10.17223/2312461X/45/5

Неформальные практики трудовой занятости студентов из Китая на предприятиях лесной промышленности в Томской и Иркутской областях

Себастьян Емец

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, sebastjan.jemec@outlook.com*

Аннотация. Впервые представлен анализ практик неформальной трудовой занятости китайских студентов в сфере лесной промышленности в России. Главными источниками данных являются этнографические свидетельства повседневной жизни китайских студентов – интервью и включенное наблюдение. Полевая работа включала посещение лесопромышленных заводов, общежитий и миграционных учреждений в Томской и Иркутской областях в 2022–2023 гг. Исследование выявило, что работа в лесной промышленности не пользуется популярностью среди китайских студентов, однако предоставляет возможность заработка, взаимодействия с местными русскоязычными предпринимателями и обретения социальных связей внутри китайского сообщества.

Ключевые слова: лесная промышленность, китайские студенты, передача знаний, неформальная работа, регулирование трудоустройства

Для цитирования: Емец С. Неформальные практики трудовой занятости студентов из Китая на предприятиях лесной промышленности в Томской и Иркутской областях // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 101–127. doi: 10.17223/2312461X/45/5

Original article
doi: 10.17223/2312461X/45/5

Informal Employment of Chinese Students in the Forest Industry in Tomsk and Irkutsk Regions

Sebastjan Jemec

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
sebastjan.jemec@outlook.com*

Abstract. The problems of informal employment of Chinese students in the forest industry in Russia have not received academic attention before. My analysis draws from ethnographic fieldwork related to informal practices of Chinese students in Tomsk and Irkutsk Regions between 2022 and 2023. Ethnographic knowledge is based on the daily lives of Chinese students, collected through participant observation in wood processing plants, dormitories, and migration institutions and interviews conducted in the Chinese language. The article concludes that work in the forest industry is unpopular among

Chinese students. However, this economic activity offers the chance to earn for living, expand social ties within the Chinese community, and interact with local Russian-speaking economic actors.

Keywords: forest industry, Chinese students, knowledge transfer, informal work, employment regulation

For citation: Jemec, S. (2024) Informal Employment of Chinese Students in the Forest Industry in Tomsk and Irkutsk Regions. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 101–127. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/5

Введение: неформальная занятость китайских студентов

Остаешься в городе после учебы? Значит наверняка занимаешься лесом или орехами! Вот мой друг китаец покупает лес и отправляет в Китай. И еще шишки и орехи. Не знаю зачем... По-моему, в Китае из них масло делают... (ПМА-1, май 2023 г.)

Данное высказывание принадлежит таксисту, гражданину Таджикистана, проживающему 10 лет в Томске. И высказано оно было во время поездки в пригород, устроенной мною с двумя китайскими студентами в начале мая 2023 г. Таксист был восхищен уровнем русского языка одного из студентов, магистранта, обучающегося в России в течение семи лет. И его реакция указывает на несколько важных моментов. Во-первых, она свидетельствует о том, что экономическая деятельность китайских граждан в лесной промышленности общеизвестна жителям города. Во-вторых, она предполагает, что китайские студенты в Томске, владеющие русским языком, возможно, участвуют в продаже сибирского леса и других природных ресурсов в Китай.

В Томске учится значительное число китайских студентов, и, по оценкам сотрудников томских университетов и членов томского отделения Ассоциации китайских студентов, их численность в городе превышает тысячу человек. По словам таксиста, неоднократно развозившего китайских студентов по общежитиям, торговым центрам и ресторанам, в Томске редко можно встретить китайских студентов, разговаривающих хорошо на русском языке. Поэтому он предположил, что общительный пассажир, естественно, будет заниматься «лесом или орехами». И действительно, китайский студент, оканчивавший магистратуру, находился в активном поиске работы в России. Однако он не планировал трудоустроиваться в сфере лесного бизнеса или заниматься скупкой «орехов» – кедровых шишек. Во время обучения он работал на китайских предпринимателей, занимал должность бухгалтера в китайском общепите и поставщика китайских товаров в Россию. Почему же трудовая занятость в лесной промышленности не привлекала студента? Во-первых, лесная промышленность – это тяжелый и опасный труд. Во-вторых, студент хотел работать по специальности и не имел специальных навыков,

связанных с лесной промышленностью. Он изучал экономику и международные отношения и хотел работать на крупнейшую китайскую компанию в сфере, связанной с этими областями знания. Высказывание таксиста отражает сложившееся представление о китайских гражданах в России как лицах, вовлеченных в незаконную торговлю природными ресурсами Сибири. Но, как показывает пример выше, это не всегда так. Многие китайские студенты в России стремятся получить образование и найти работу в соответствии со своими интересами и навыками.

В данной статье на примере Томской и Иркутской областей анализируются практики неформальной занятости китайского студенчества в местной экономике. Владение китайским языком позволило мне провести классическое, с точки зрения стационарности и погруженности, этнографическое включенное наблюдение с начала 2022 г. до окончания работы над данной статьей в конце 2023 г. С самого начала общения с китайскими студентами в Томске мне стали интересны вопросы их трудоустройства, временного заработка и неформальных практик, в том числе в лесной промышленности. С экзистенциально-философской точки зрения, ценность исследования неформальных практик трудовой занятости требовала от меня переустройства самой структуры познания, перехода к критической оценке методологических возможностей собственного историообразующего осознания, так называемой картины истории (Больнов 1999: 160). В экзистенциалистской философии утверждается, что в отличие от западных убеждений, китайские философские традиции «признают примат действия (praxis) над мыслью (theoria)», а рассматривая человека просто как «мыслителя», мы лишаем его участия в повседневной жизни, потому что акт мышления требует абстрагирования и отстраненности (Jung 2011: 76). Таким образом, антропология повседневности и, точнее, этнография неформальных практик мигрантов позволяют указать на «агентность» (agency) и «способность» (capability) саморазвития студентов (Yu 2021), участвующих в транснациональных экономических сделках.

Вместе с китайскими студентами я участвовал в повседневных процессах адаптации к социальным и климатическим условиям местности. Как в университетских общежитиях Томска и Иркутска, так и в общежитии лесоперерабатывающего предприятия, а также в арендованных квартирах совместное приготовление еды помогло мне понять то, что в других исследованиях повседневности китайских мигрантов было названо «незнакомой пищей» (Каменских 2011: 231). Проблема онтологической и аналитической самоограниченности в методологии или «игры блуждающего любопытства» (Больнов 1999: 161) успешно преодолевалась мною в ходе полевой работы. Активное участие в повседневности китайских студентов через учебу, посещение миграционных учреждений и га-

строномических заведений, а также через совместные попытки заработать открыло возможность познакомиться с занятостью китайцев в сфере лесодобычи. Данные методологические установки, а также осторожность и уважение к биографии информантов благоприятно воздействовали на получение этнографического материала.

Новизна исследования заключается в разработке проблематики неформальных практик трудоустройства китайских студентов в лесной промышленности в Сибири, которая осуществлялась мною путем совместного времяпровождения, а именно: посещение мест их заработка (рестораны и лесозаводы), а также миграционных учреждений и университетских офисов, где я помогал китайским студентам, слабо владеющим русским языком, с переводом. Полученное доверие позволило вступить в неформальный мир их опыта жизни в Сибири. Некоторые студенты работают в сфере лесной промышленности переводчиками и сопровождающими сотрудников из Китая, малознакомых с новой социальной средой и не владеющих русским языком. Намного реже студенты занимают должность бухгалтеров. Так как китайские студенческие сообщества в Томске и Иркутске представляют собой интегрированные внутри себя группы, многие студенты знакомы с китайскими студентами и рабочими, связанными с добычей леса. Они демонстрировали мне свои способы восприятия действительности, создавая собственную герменевтическую картину категорий и объяснений в духе рикеровского множества интерпретаций (Рикер 1995: 8). Возможно, они предоставили нарративный корпус собственных стереотипов и мифов, сочиняя свой автобиографический квазитекст. Методологические свойства этнографического поля показали, что привычный логический формализм не актуален и не может ограничиваться исключительно осознанием (Левинас 1998: 222), так как мнения о себе и о чужих не переносятся в понятный порядок дихотомически противопоставленных вещей. Философ и последователь «герменевтики самого себя» Поль Рикер критиковал инертный саморефлективный круг идентичности как тождества. По его мнению, качественное в человеческом понятии не сводится к простой диалектической комплементарности в смысле «определенного рода другого», которая является просто результатом сравнения (Ricoeur 1992: 3). Понимание культурного «Я» на этапе превращения действия в квазитекст должно осуществляться через понимание «других» (Рикер 1995: 12), но на самом деле китайские студенты плохо понимают даже «своих». Эти «свои» представляют собой китаезычных, но социально отличающихся личностей: китайских боссов и офисных сотрудников, а также людей, находящихся ниже на иерархической лестнице формального образования, китайских «специалистов» по лесу и в некоторой степени русских рабочих на лесопилках. Через наблюдение опыта и обсуждения среди китайских

студентов лесной промышленности (и самоэксплуатации, и эксплуатации культурно чужих) я предпринял попытку конструирования эпистемологической системы взаимодействия. Эта система охватывает не только взаимодействие человека с природой (в данном случае противоположенные понятия «чужой китаец» – «сибирский лес»), но и взаимодействие между людьми («китайский студент», «китайский бизнесмен» и «русский рабочий») в контексте природы.

Природа и культура, по мнению антрополога Стюарт МакЛин, считаются продуктами бесконечного движения «становления» и «самоидентификации», пересекающего разнообразность природных ландшафтов, агентов и сущностей. Таким образом, культура не просто представляет «посреднический экран» между когнитивными способностями человека и внешним миром природы (McLean 2009: 233). Такое творческое становление является «конститутивной» частью самооценки собственной повседневной историчности, что помогает познавать процессы размытия границ собственного «Я» (китайский студент как рассказчик) и текстуального «Чужого» (сибирский лес).

Мой вход в поле был не простым, поскольку проблема доступа к свидетельствам о неформальности повседневной жизни китайских студентов была затруднена их опасениями, связанными с отсутствием договоров трудовой занятости и конкурентности между разными студентами-переводчиками. Истина в гуманитарных науках скрывается «в заботе о строгости», заставляющей исследователей не сразу доверять некоему оглядывающемуся на себя «Я», которое вовсе лишено самозащиты от иллюзий собственных невротоз (Левинас 1998: 221). Поэтому реальность непонимания китайскими студентами природопользования в Сибири, их критичность и недоверие к экономической деятельности своих соотечественников вызывают сомнения относительно объективности полевых наблюдений. События межличностных коммуникаций «переживаются в опыте», и из-за этого действительность (то, что определяется как принадлежащее существу самого человека) не может стать единым гармоничным, осмысленным целым (Большов 1999: 86). Этнолог С.А. Ушакин описал различные способы, с помощью которых этнографы воспринимают реальность во время своих полевых исследований в социальной антропологии. Проблематичность одной из них заключается в отказе от поиска «глубинных» и «объективированных» восприятий действительности, основанных на идеях герменевтического и объясняющего полевого исследования, и антропологического текста (Ушакин 2004: 161).

Проблема данной статьи, в качестве антропологического текста, заключается в том, что материалы, собранные мною в полевых условиях, являются разнообразными и создают любопытный дискурс, но при этом они фрагментарны и вызывают сомнения в своей достоверности. О проблемах такой «мозаичности» и «разнообразия» полевых источников

также говорили исследователи китайских рынков в Иркутске, признавая, однако, что социально-антропологический эмпирический материал помогает преодолеть стереотипы и мифы (Григоричев, Дятлов 2017: 122).

Китайские лесопилки в сибирской тайге

Томская и Иркутская области, не имея прямой географической границы с Китаем, все же привлекают китайских инвесторов. Присутствие китайской экономической активности в Иркутске, особенно на примере этнических рынков, уже хорошо изучено (Григоричев, Дятлов 2017). Разнообразие китайской экономической деятельности, а также развитие крупного китайского предпринимательского сообщества связаны с удачным расположением Иркутска на Транссибирской магистрали. Однако примеры китайской лесопромышленности в данном регионе упоминаются лишь косвенно (Namsaraeva 2018: 46–50; Григоричев 2020: 598). Стоит также обратить внимание на то, что Иркутск является не только научно-образовательным центром с примерно ста тысячами студентов, но также и крупным логистическим узлом, обеспечивающим потоки китайских товаров через границу в Забайкалье на запад (Григоричев, Дятлов 2017: 122).

Томск, географически отдаленный от Китая, представляет собой менее значительный экономический центр по сравнению с Иркутском. Однако важно учитывать то обстоятельство, что в Томске имеются известные за рубежом университеты, в общежитиях которых проживает большое и разнообразное китайское студенческое сообщество. Немало студентов из Китая и других азиатских стран выбирают университеты Томска из-за их относительно высокого рейтинга. По различным оценкам, примерно четверть студентов в Томске – иностранцы. Самую крупную группу студентов из стран дальнего зарубежья составляют студенты из Китая. Согласно оценкам сотрудников университетов и членов томского отделения Ассоциации китайских студентов, их численность превышает тысячу человек. Из шести томских университетов только в Томский государственный университет, по данным Управления международных связей, к 31 октября 2023 г. было зачислено 585 граждан КНР. Что касается экономических интересов Китая в Томской области, они в основном сводятся к лесной промышленности и сбору кедрового ореха.

Изучение проблем занятости китайских студентов в лесной промышленности представляет большую важность в рамках двух исследовательских вопросов.

Во-первых, это изучение адаптации иностранных студентов, которое должно охватывать не только успешность их взаимодействия с новой образовательной системой и социально-культурной средой, но и поиск возможностей для заработка и потенциальной занятости, которая позволит

будущим выпускникам осесть в принимающей стране. Студенты преодолевают экологические, климатические и информационные различия в процессе взаимодействия с новой средой, и этот контакт влияет на выбор карьеры и миграционные тенденции.

Во-вторых, важно рассматривать процессы обмена не только в товарном эквиваленте (лесом и другими природными ресурсами) между Россией и Китаем, но и как обмен знаниями, опытом и кадрами. Это осложняет вопросы межгосударственного экономического партнерства и конкуренции, а также сталкивает различные рабочие практики, обусловленные культурными ценностями. Например, кампания совместной посадки деревьев в Томской области, в которой участвовали китайские инвесторы и русские рабочие (рис. 1), свидетельствует об обмене практиками. Кампания проводилась под лозунгом «Выращивая Сибирь!» – мой перевод из китайского лозунга (植树西伯里 *zhishu xiboli*).

Рис. 1. Лозунг «Выращивая Сибирь!», офисное здание китайского лесоперерабатывающего комплекса, Томская область. Фото автора, декабрь 2022 г.

Это довольно любопытный мотив, экономические деятели из Китая восстанавливают природные ресурсы и отправляют их на продажу в родную страну по низким ценам. Данное фото кампании было сделано в офисном здании крупного лесоперерабатывающего комплекса. В коридоре здания висят портреты государственных лидеров России и Китая, а также представлена модель незавершенного крупного плана комплекса. Планировалось строительство детского сада и школы для детей китайских рабочих. Список вакансий, русскоязычный вестник предприятия и фотографии посетителей, не только местных чиновников, а также учеников местного лесотехникума на информационном стенде свидетельствуют о взаимодействии с местным сообществом. Также работающие переводчиками студенты, с которыми я общался, знакомы, например, с

«почти всеми владельцами местных мясных магазинов, а также шашлычных заведений» (ПМА-2, декабрь 2022 г.). Это объясняется тем обстоятельством, что так как китайским рабочим нечем заняться в свободное время, они летом предпочитают ездить на рыбалку и на дворе общежития жарить шашлыки по-китайски, а зимой сидеть в местных шашлычных заведениях. Офисное здание по предварительной записи могут посещать, например, ученики местного лесотехникума, которые нередко имеют намерение получения практических навыков в данном комплексе.

Традиционно в антропологической литературе обмен природных ресурсов, потребительских товаров и культурных ценностей между Россией и Китаем, а также трудовая и образовательная миграция акцентировались на концептуальном понятии и географической территории «пограничья», «приграничья» или многочисленных «приграничий», поскольку на английском языке принято использовать множественное число *borderlands*. Монографии под редакцией антрополога Кэролайн Хамфри (*Trust and Mistrust... 2018; On the edge... 2021*), посвященные темам культурных ценностей и неформальности на примерах экономического взаимодействия российско-китайского пограничья, свидетельствуют о данной тенденции. В русскоязычной литературе говорится о «трансграничных» отношениях (Рыжова 2007, 2009). Рассмотрение конкретной занятости китайских студентов в лесопромышленности в контексте их повседневной жизни на территориях, не являющихся географически «трансграничными» или «пограничными» зонами, представляет собой подход, отличающийся от ранее установленных парадигм изучения китайской трудовой миграции. Прежние концептуальные модели, основанные на географической близости и различных уровнях «приграничности» с Китаем, привели к разработке разнообразного этнографического материала о посредничестве в природопользовании и добыче ресурсов на примере китайской миграции в Республику Бурятия (Шармашкеева 2007; Shaglanova 2011), а также на Дальний Восток (Рыжова 2009). Исследования также охватывают китайскую образовательную миграцию на Дальний Восток (Леонтьева 2018) и в Москву (Калмыков 2009), однако ситуация в других регионах эпистемологически освещается реже. В антропологии повседневности «локации» продолжают занимать центральное место в процессах восприятия дома и преодоления темпоральности мигрантами, однако не менее важны для этнографического рассуждения и межличностные отношения внутри этих локаций (Vossagni 2017: 42). Повседневность и неформальность иностранных студентов – элементы, почти незаметные «беглому взгляду» социологических опросов (Калмыков 2009; Леонтьева 2018).

Общежития и некомпактное расселение китайских мигрантов в приграничном Благовещенске, по мнению социолога Н.П. Рыжовой, не представляют прямую сегрегацию, а указывают на «непересекающиеся

повседневности» мигрантов и местных жителей (Рыжова 2007: 59). В моем исследовании описание в конкретной сибирской локальности еды, общежития и транспорта – повседневных категорий, редко освещаемых в парадигмах о (не)легальности, где первенствует негативный взгляд на китайское экономическое присутствие (Рыжова 2010), – позволяет показать автобиографическую интроспекцию. Традиционно миграционные исследования, приближаясь к демографии, политологии и криминологии, имели предписывающий характер, провозглашающий решение предполагаемой проблемы, и реже пользовались этнографическим инструментарием описательных и интерпретирующих представлений о повседневности (De Genova 2002: 423). Мне неизвестны работы, основанные на полевых исследованиях и посвященные (не)формальности трудоустройства иностранных студентов в России. В существующей литературе акцентируется внимание на нормативно-правовых документах (Шапкина 2021; Рязанцева 2022). Вместо рассмотрения проблем адаптации и организации повседневности и работы студентов и мигрантов из Китая, исследования повседневной жизни китайских мигрантов сосредоточивают внимание, скорее, на антисанитарных условиях и «незнакомой пище» в местах их проживания (Каменских 2011: 231). Поверхностное знакомство с повседневностью вполне ожидаемо порождает абсолютизированные обсуждения незнакомых аспектов жизни.

«Из варяг в китайцы»: взгляды на природопользование

Вопросы использования природных ресурсов в Сибири китайскими предпринимателями – эпистемологически спорная и важная тема. Обращаясь к статье «Из варяг в китайцы» (Кашин 2008), выделим несколько причин, почему Китай проявляет повышенный интерес к российским лесам. Основные из них: близкое расположение сибирских лесов к китайским покупателям и низкие затраты на производство. Данная тема часто поднимается в современных газетах и наравне с «китайскими теплицами» (Григоричев 2017; Авдашкин 2021; Корешкова 2021) является эпистемологическим предметом многих российских исследователей. Н.П. Рыжова изучала проблемы нелегального использования природных ресурсов китайскими предпринимателями на Дальнем Востоке, включая добычу леса (2010). Также экономико-юридический анализ сельского хозяйства китайцев был проведен китаеведом И.Ю. Зуенко (2015). Однако лесопилки упоминаются лишь в контексте экономической деятельности китайской диаспоры, например, в Иркутске (Григоричев 2020: 598). Большинство исследований (и журналистики) основаны на материалах газет и слухах местных жителей, не учитывающих мнения самих китайцев. В англоязычной литературе следует отметить антрополога Са-

яну Намсараеву и ее исследование неформальных и нелегальных практик в строительстве и лесодобыче в Иркутске, Забайкалье и Бурятии. Она подробно исследовала конфликт, произошедший в 2012 г. между местным населением и китайскими работниками лесопильного предприятия в Иркутской области (Namsaraeva 2018: 46–50). Важным критическим анализом проблемы законности в регионе является детализированный доклад китайского экономиста Тянь Яньфана на основе статистических данных и интервью в Северном Китае и Приморском крае. Фотографии складов и мест сбора древесины дополняют статистику в анализе «лесных преступлений» (*forest crimes*), в которые китайские торговцы вовлечены сознательно или несознательно (Tian 2008: 19).

Местные жители не имеют возможности напрямую взаимодействовать с китайскими рабочими на тепличных (и лесопильных) предприятиях, поэтому общественное восприятие определяется газетами и Интернетом (Григоричев 2017: 130). В данных дискурсах представлен лишь негативный взгляд на китайских экономических субъектов. Н.П. Рыжова (2010: 302) отмечает, что экстралегальное лесопользование изучено лучше других видов экстралегального природопользования в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако научные работы, «указывающие на незаконную деятельность как на цель», создают две конфликтующие стороны – потерпевшую и хищницу (Рыжова 2010: 283). Историк В.И. Дятлов, исследователь торговых меньшинств, выделяет существование в российском публичном и академическом дискурсе следующие формы «китайской угрозы»: «экспансия», «эксплуатация» и «криминал» (Дятлов 2010: 451). Несмотря на неоднозначное отношение к присутствию китайцев в российской экономике, необходимо признать фактор временного пребывания мигрантов. Например, в Бурятии существует практика закупки сырья китайскими бизнесменами, что не требует обеспечения себя постоянным жильем, а работа в регионе рассматривается ими лишь как «временный этап жизни» (Иванова 2010: 259). Тезис о китайской миграционной проблеме несущественен, поскольку большинство китайских рабочих, как показали полевые работы в Забайкалье, возвращаются в Китай, не планируя оставаться в России на длительный период (Namsaraeva 2018: 57). Китайские студенты в России называют себя «прохожими» (*过客 guoke*), поскольку у большинства студентов нет планов осесть и развиваться в новой стране карьерный путь.

В трудах, посвященных торговле природными ресурсами, признается соучастие русских экономических деятелей в нелегальной лесодобыче китайских акторов (Ryzhova, Ioffe 2009: 358). Китайцы называют древесину, которую местные лесорубы и поставщики продают без лицензии, «черным лесом» (*黑木 hei mu*). Повседневная жизнь и (не)формальность работы китайских рабочих на лесоперерабатывающих заводах остаются

объектом напряженных газетных осуждений и свидетельств из прокуратуры. Например, С. Намсараева пользуется в полевой работе консультацией местных чиновников и жителей для прояснения проблем китайской экономической деятельности. Она также ссылается на собственных друзей, работающих юристами в строительной компании в Улан-Удэ, лично знакомых с ситуацией китайских акторов (Namsaraeva 2018: 49). Однако полевые свидетельства реже собираются у самих местных работников и еще намного реже у китайских инвесторов, переводчиков или обычных сотрудников.

В декабре 2022 г. я сопровождал китайского студента, работавшего на крупном лесоперерабатывающем предприятии в Томской области. Планы на поездку в комплекс были заранее согласованы со студентом (бакалавр, 4-й курс), который регулярно ездил на работу на несколько дней. Мне удалось установить доверительные отношения со студентом благодаря продолжительному общению в стенах университета и общежития в Томске. Ввиду гибридного учебного режима, вызванного пандемией, он мог проводить целые недели на территории комплекса либо поддерживать во время занятий в университете связь по телефону с китайским менеджером и главным бухгалтером, а также с русскими сотрудниками и поставщиками.

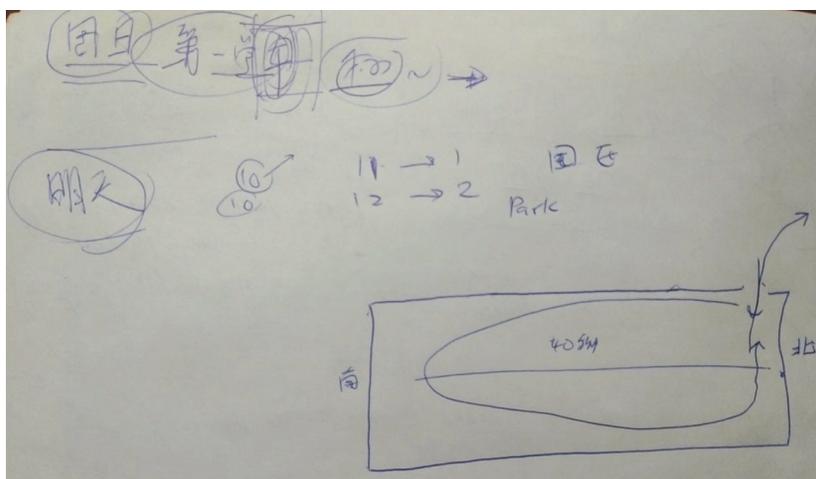

Рис. 2. План китайского лесоперерабатывающего комплекса в Томской области.
Рисунок информанта. г. Томск, декабрь 2022 г.

На рис. 2 изображен план территории комплекса, нарисованный студентом во время подготовки к совместной поездке. Он объяснял мне, как найти главный вход в строение, где находятся офисы и столовая, на каком автобусе можно добраться до поселения. Территория комплекса большая – от севера до юга, по оценке студента, ее можно преодолеть за

40 минут ходьбы. Он пояснил, что столовая на 200 человек сейчас из-за коронавирусных ограничений работает только на вынос. *«Повар из Китая очень общительный, ему скучно здесь. Я часто с ним разговариваю»* (ПМА-2, декабрь 2022 г.). Несколько лет ранее, в 2019 г. появился репортаж *«Чем дальше в лес. Чей топор стучит в сибирской тайге, страшны ли китайцы и что от нашего леса получаем мы»* с фотографиями данного комплекса. *«Чем дальше в лес...»* отличается от обычных интернет-новостей о китайской угрозе и свидетельствует о детализированном публичном и медийном дискурсе, однако почти без «голоса» китайцев, так как единственным прямым собеседником был китайский переводчик во время беседы с генеральным директором. Во время поездки в декабре 2022 г. я вместе со студентом попробовал еду из китайской столовой внутри комплекса (рис. 3), побывал в офисных зданиях и заночевал в общежитии (рис. 4).

Рис. 3. Столовая китайского лесозавода, Томская область. Фото автора, декабрь 2022 г.

Это те места, которые группа журналистов либо не смогла, либо не захотела посетить. Китайцы в *«Чем дальше в лес...»* появляются в кадре безмолвно. В качестве активных нарраторов выступают местные активисты, поделившиеся негативными мнениями, связанными с лесной промышленностью. Местные жители разочарованы, что обещанная китайскими инвесторами инфраструктура не была построена. О жалобах на

недостроенность дорожной инфраструктуры, о которой должны были позаботиться китайцы, свидетельствуют также местные новости (Власти: заводы асиновского ЛПК... 2021; Власти: Асиновский ЛПК за 12 лет... 2023). Подобно рикеровской «герменевтике самого себя», не сводящейся к простой диалектической комплементарности в смысле результата сравнения через другого (Ricoeur 1992: 3), мыслитель Эмануэль Левинас, чьей важной темой философии выступает этика, следующим образом описывает момент, когда Другой тематизирует и одновременно навязывает Я ответственность, снимая с него плащ невиновности и одевая покрывало молчания:

Оно вынуждено молчать и все же отвечает – из того, что до логоса; в его голосе словно есть регистр низких и высоких тонов за пределами низкого и высокого. Это несклоняемый субъект – как раз в своем качестве незаменимого заложника других, предшествующий двусмысленности бытия и сущего и условиям бытия природы (Левинас 1998: 206).

Рис. 4. Общежитие китайских рабочих за пределами лесозавода, Томская область.
Фото автора, декабрь 2022 г.

Ранее снятые документальные фильмы и репортажи, посвященные вопросам использования природных ресурсов китайцами и возмущению местных жителей в других частях России, демонстрируют сходные темы. Левинас (1998: 205) обращает внимание на то, что «Я» может быть

представлено как «Другое» в чрезвычайной мере: не просто как препятствие, которое можно измерить, а как неуклонное обвинение, заставляющее «Я» нести ответственность. Например, в 31-минутном документальном фильме, о котором знают некоторые китайские студенты, с которыми я общался, рассматривается нарратив китайской экспансии в Сибири и на Дальнем Востоке (Китайцы захватывают русскую деревню... 2019). В данном документальном фильме о китайских сельскохозяйственных предпринимателях на Дальнем Востоке журналистам удалось пообщаться лишь с одним китайским фермером – и все это происходило комическим и театральным образом через Google Переводчик. В таком транскультурном контексте создатели дискурса привязывают вину лингвистически, культурно и социально чужим китайцам. Репортажное изображение китайского эмпирического «Я» конструируется на вине его собственного опыта. Однако китаец неравномерно участвует в творческом дискурсивном процессе создания картины о вине, так как его «Я не принимало о ней решения, но и не может от нее уклониться...» (Левинас 1998: 205).

Студент, хорошо знакомый с ситуацией в данном городском поселении, говорил, что: *«в центре города полно деревянных домов»* (ПМА-1, май 2022 г.). Для местных молодых людей, городок, однако, имеет преимущества, так как: *«если хочешь сэкономить, то это место очень подходит тебе. Стоимость жизни небольшая, менее 500 рублей на день хватает. Но если у тебя более высокие стремления, это место не предоставит никаких возможностей. Молодые хотят приезжать в большие города, такие как Томск, потому что большие города дают возможности, можно встретить людей лучше тебя»* (ПМА-1, май 2022 г.). *«После того, как появилась наша компания, жители начали ездить на машинах на работу»*. Также, по мнению студента, они *«уже сейчас могут позволить себе смартфон»*, а еще 4 года назад – *«даже кнопочный “Нокиа” был не у каждого»* (ПМА-1, май 2022 г.).

Работа «в горах»

Как и в случае с длительной трудовой миграцией, образовательная миграция в другие страны воспринимается в Китае как временное перемещение за границу с целью практического повышения квалификации и получения трансграничного опыта. Китайские студенты в России описывают себя как «прохожих». Немногие студенты заинтересованы в том, чтобы построить карьеру в новой стране. Согласно экзистенциальной философии, будущее уже присутствует в каждом планируемом, переживаемом и ожидаемом моменте настоящего времени (Большов 1999: 140). В процессе обучения поведение многих китайских студентов, чей глав-

ный фокус направлен на скорый возврат на родину или поиск возможности в третьей стране, указывает на то, что будущее, которое уже «заложено» в эмпирическом настоящем, не должно реализовываться в чужой социальной и климатической среде, которую они переживают в настоящее время. Если действия, опосредованные межличностными практиками и ценностями, первоначально формируются внутренними интерпретациями (Рикер 1995: 12), то для китайских студентов их ситуация в чужой стране интерпретируется через отношения, адаптацию и приспособление к новой социальной обстановке. Восприятие китайскими студентами собственного положения имеет свой контекст, поскольку Россия не является первым и самым популярным выбором в рынке транснационального образования в Китае. Среди прибывших китайских студентов и выпускников лицеев распространено мнение, что Россия – доступная альтернатива для тех, кто не смог поступить в высокорейтинговый университет в Китае, и как альтернатива популярным на китайском рынке высшего образования университетам в англоязычных странах.

Китайские студенты в России не рассматривают занятость в лесопромышленности как будущую профессию, даже если предусматривается офисная работа в городе, а не поездки за лесом в глубокую тайгу. Считается, что проживание за городом некомфортное, зарплаты не удовлетворяющие, а сама работа «в горах» сложная. На китайском языке фраза «в горах» (山里 *shan li*) обозначает местонахождение кого-нибудь или чего-нибудь «на огромной глубине», «далеко от городских пространств». В данном случае это синоним неблагоприятных условий работы и проживания. На рис. 4 показаны условия для китайских сотрудников. Общежитие расположено за пределами небольшого городского поселения, в 20 минутах езды на машине от нового лесоперерабатывающего комплекса. Одноместные и двухместные комнаты находятся на втором этаже двухэтажного советского здания, изначально использовавшегося в качестве офиса для китайской компании до открытия более крупного комплекса, столовой и лесопилки со складами. Туалет и кухня находятся также на втором этаже, но душ расположен на первом, а лестница объединяет два этажа лишь снаружи.

Это, вероятно, одна из причин, по которой китайский студент, обсуждая со мной и с таксистом вопросы лесодобычи, не намеревался заниматься этим бизнесом, несмотря на любовь к сибирской природе, отсутствие страха перед общением с местными и умение адаптироваться к неформальным практикам в межкультурной и трансграничной среде. Нежелание принимать подобные предложения свойственно не только китайским студентам. Как только российские студенты узнают о местонахождении рабочего места для языкового переводчика с китайского, они тут же отказываются работать с китайскими покупателями древесины.

И это происходит в то время, когда любая работа является привлекательной для местных выпускников вузов, особенно предоставляющая возможность накопления опыта и знакомства с китайскими работодателями. По мнению студента, с которым мне удалось пообщаться во время посещения лесоперерабатывающего завода, местные студенты и выпускники лесотехникумов не желают работать «в горах». Он объясняет это тем, что *«многие российские студенты не из города. В детстве они, вероятно, проживали в деревнях, но уехали оттуда, поступив в университет. Думаю, поэтому они и не хотят туда возвращаться»* (ПМА-1, май 2022 г.).

Данный вид занятости не предоставляет больших возможностей карьерного роста и получения новых профессиональных навыков, полезных для трудоустройства китайских выпускников после возвращения на родину. Непопулярность заработка в лесопромышленности общеизвестна в китайской студенческой среде Томска и Иркутска. Такие мнения распространяются китайскими студентами, которые сами не работали в лесопромышленности, но знакомы с занятыми на «лесных заводах» (木材厂 *musai chang*) китайскими друзьями, с которыми они познакомились в университетском общежитии или через общих знакомых. Как студенты, так и взрослые рабочие из Китая не всегда обладают навыками русского языка: *«Даже если не говоришь по-русски, можешь открыть здесь лесной завод (musai chang). У меня так отец подруги и занимается лесом»* (ПМА-1, сентябрь 2022 г.).

Студенты из Китая, занятые работой переводчиками на заводах, высказывают следующие мнения о своих китайских коллегах: *«В компании мы все китайцы. Правда, многие из рабочих не говорят по-русски. Они, например, знают, какие запчасти им нужны и хотят их купить, но не знают, как они называются. Поэтому я всегда и сопровождаю их»* (ПМА-1, февраль 2023 г.).

Это отзыв одной из аспиранток, которая работает переводчиком и бухгалтером для китайского покупателя леса. Офис компании расположен в самом Томске, что позволяет ей иметь гибкий график работы. По сравнению с двухчасовыми поездками на автобусе или такси до лесоперерабатывающих заводов за городом, это более выгодная и комфортная возможность заработка.

На территории загородных заводов также есть офис, директор и бухгалтер. Большие комплексы оборудованы общежитием и столовой. Часто студенты-переводчики и иногда бухгалтеры по разным причинам должны лично присутствовать на заводах, далеко расположенных от города. Несмотря на то, что аспирантка случайно оказалась в этой отрасли, она часто использует местоимение «мы», когда хочет обозначить коллег, с которыми работает. Однако она использует «они», когда речь заходит о их языковых навыках и взаимодействии с русскоязычной средой,

например, о покупках в специализированных магазинах и о повседневных поездках за продуктами.

Рабочие из Китая, которые не знают русский язык, проживают в общежитии недалеко от города. Китайская компания «позаботилась» о том, чтобы приглашенные из Китая офисные сотрудники и специалисты по лесу никоим образом не взаимодействовали с местными жителями. Наша аспирантка приводит следующую причину: *«Они не понимают по-русски и не разбираются в правилах. Компания предоставляет им общежитие, чтобы избежать неприятностей, и не позволяет им снимать жилье самим»* (ПМА-1, февраль 2023 г.).

Аспирантка сравнивала адаптацию на примере китайских студентов и китайских рабочих в лесопромышленности, давно закончивших университеты, техникумы или не имеющих высшего образования. Она привела примеры помощи в вопросах социальной адаптации к повседневности со стороны официальных сотрудников студенческого общежития. Важен был вопрос наличия в общежитии документов и объявлений на китайском языке, а также неформальный обмен информации внутри китайского студенческого сообщества. Критический взгляд основан на опыте взаимодействия с русскоязычным социальным окружением. Ниже цитируется квазитекст, осуществляемый через личное знакомство и частичное понимание «Других» (Рикер 1995: 12).

«На самом деле рабочие очень одиноки, тогда как студентам жить легче. В университетском общежитии найдутся товарищи, способные помочь. Документы также доступны на китайском языке. Китайские студенты однозначно ни в чем не испытывают недостатка. Даже если совсем ничего по-русски не понимаешь, можно спросить в группе WeChat. У кого есть время, чтобы помочь пойти по делам вместе, – откликнется. Тогда скажешь “давай”, договоритесь и поедете вместе» (ПМА-1, февраль 2023 г.)

Коллективная китаезычная поддержка внутри студенчества в Томске благоприятно влияет на процессы решения бытовых и бюрократических вопросов, с которыми встречаются студенты. А рабочие, находясь в социальной изоляции, зависят от спонтанной помощи земляков.

У китайских студентов наблюдается ощущение социальной разницы и самоотчуждения от китайских сотрудников. Студенты, которые стремятся продолжить свое высшее образование и полностью погружаются в новую среду, относятся с нескрываемой надменностью к новоприбывшим китайским сотрудникам, не говорящим на русском языке, плохо ориентирующимся в местных законах и не умеющим эффективно общаться с местными рабочими.

В 2021 г. на одном из лесоперерабатывающих заводов в Томской области произошел конфликт между китайскими работодателями, новым

китайским бухгалтером и русскими сотрудниками. В отличие от предыдущих инцидентов, например, в Иркутской области, о которых писала Намсараева (2018: 46–50), этот спор из-за снижения зарплаты не привлек большого внимания СМИ, так как происшествие ограничилось территорией завода. В рамках профессионального и межкультурного общения китайские инвесторы занимают ведущую позицию в иерархии трудовых отношений, выступая в качестве работодателей. Ранее были замечены схожие связи между китайскими работниками и российскими работодателями (Рыжова 2009), в данном случае на первый план выходили интенсивные и сложные взаимоотношения русских рабочих со своими китайскими работодателями.

При описании различий между русскими и китайскими сотрудниками отмечается, что китайцы готовы работать сверхурочно, чтобы увеличить свой доход. Именно поэтому они рассматриваются китайскими компаниями как более экономичные и эффективные сотрудники (Tian 2008: 23). Русские работники не пользуются популярностью у китайских работодателей из-за требований о дополнительных выплатах по пенсионным программам, отпускам, больничным и даже двойной оплате за работу сверхурочно (Namsaraeva 2018: 48). Благодаря хорошо организованной системе распределения труда внутри китайских лесозаготовительных бригад и проблемам, связанным с алкогольной зависимостью у русских работников, китайские компании на Дальнем Востоке предпочитают нанимать китайских специалистов для выбора леса, а также обычных лесорубов и водителей погрузчиков (Tian 2008: 23–24). Китайцы готовы работать ночью, без выходных, без «неожиданных продолжительных отпусков, вызванных похмельем» и спонтанных летних «перерывов на стрижку сена и сбор ягод» (Namsaraeva 2018: 48).

Однако мое исследование показало сложнейшее измерение дихотомии «китайский работодатель» – «русский работник». О необходимости нанимать надежных русских сотрудников, а конкретно юристов и логистов, свидетельствовали не только студенты в Иркутске и Томске, но и китайский менеджер с многолетним опытом работы. Управляющая одного из крупных лесоперерабатывающих заводов в Томской области жаловалась, что китайцы не понимают базовое бухгалтерское и юридическое дело, т.е. *«как заключать договоры с сотрудниками, как выплачивать пенсии, что делать если случится недоразумение»* (ПМА-2, декабрь 2022 г.). Выпускник из Иркутска, эпизодически подрабатывающий переводчиком для китайских покупателей леса в Иркутской области, рассказал мне, что российские логисты и дальнобойщики нужны китайцам ввиду большей осведомленности о законах и требованиях российской стороны, включая правила пользования железнодорожным транспортом, от которого зависит экспорт леса в Китай:

Мы знаем об этом очень мало, почти ничего. Для китайцев главное, что они получают лес, а вот как работают железные дороги – это они понимают сложно. На перевозки у них есть квота, но на какое количество – им самим неизвестно (ПМА-3, июль 2023 г.)

Отчасти китайские студенты, случайно устроившиеся на работу на лесопильные заводы, становятся посредниками между местными русскими рабочими и назначенными китайской стороной менеджерами и бухгалтерами. Студенты выступают в качестве медиаторов в урегулировании конфликтов и посредником между людьми разного культурного происхождения. Иногда они занимают пост бухгалтера, требующего от них профессиональных навыков.

Часть интервью, записанного в ноябре 2022 г., демонстрирует, как широкий спектр обязанностей может выполнять молодой студент, который работает на лесоперерабатывающем заводе. Студент не только отлично владеет русским языком, но и обладает практическими навыками, позволяющими ему руководить русскими работниками и выполнять переводческие задачи: *«В начале пандемии китайцы вернулись домой, а я остался и начал там работать. В мае – июне этого года я начал выполнять всю работу. Теперь русские работники находились непосредственно под моим руководством»* (ПМА-1, ноябрь 2022 г.).

Встречи студентов-переводчиков с местными жителями, работниками производств и поставщиками позволяют получить навыки практического общения и взаимодействия с русскоязычной средой. Однако, отучившись в России, студенты часто не используют накопленный опыт для легальной работы в данной сфере. Они продолжают ограничиваться неформальной работой, например, в качестве незарегистрированного переводчика или посредника в неблагоприятных условиях лесной промышленности.

Работая переводчиками для китайских бизнесменов и компаний, китайские студенты зарабатывают деньги для временного проживания, расширяя круг социальных связей внутри китайского сообщества в сибирских городах, что помогает им в других экономических сферах, включая перевод и обмен денег, передачу посылок между двумя странами.

Например, на крупном лесоперерабатывающем заводе в Томске около 20 китайских сотрудников всегда готовы поменять рубли на юани и наоборот без комиссий. Это позволяет китайским студентам выгодно обменивать валюту и обеспечивать финансовые потребности своих семей в Китае. Сотрудники-переводчики получают юани от студентов и предоставляют им рубли, которые им необходимы в России.

Информация о работе передается через личные контакты между уже занятыми в данной сфере студентами и потенциальными переводчиками, нуждающимися в подработке. Такая неформальная практика не

всегда связана с китайским «товариществом». Все дело в том, что учебная виза в России не позволяет официально трудоустроиться, поэтому иностранные студенты и аспиранты заключают устные договоры с работодателями за пределами университета. Часто происходит задержка, а иногда и невыплата зарплат, были случаи депортации из-за нарушения миграционных правил.

Так, несмотря на полный рабочий график, аспирант, работающий уже 7 лет переводчиком для разных китайских покупателей леса в Иркутске, никогда не подписывал официального договора о трудовом найме. Он организует поездки китайских заказчиков для осмотра леса Иркутской области, бронирует гостиницы и иногда водит машину. *«Куда бы ни пошел начальник, я пойду с ним»* (ПМА-3, июль 2023 г.). Официальным посредником между китайской стороной и местными лесозаготовителями-поставщиками он не является, так как не хочет специализироваться в лесном бизнесе. Аспирант считает себя лишь переводчиком с «дополнительными обязанностями», возникающими в силу самых разных ситуаций. Важно подчеркнуть, что аспирант не имеет полномочия принимать решения и заключать договоры вместо покупателя.

Отсутствие китайских инвестиций в перерабатывающие отрасли, в том числе в глубокую переработку древесины, замечается в трудах по экономическому сотрудничеству (Яковлева 2016). Товарообмен основан на принципе *«наше сырье – ваши технологии»*, считает директор Центра стратегических исследований Китая (Каширская 2013: 73). Дорожная инфраструктура и техническое оборудование лесопилок остаются на базовом уровне, о чем свидетельствуют газеты (Власти: заводы асиновского ЛПК... 2021; Власти: Асиновский ЛПК за 12 лет... 2023). Одновременно с временностью и непостоянством пребывания в России, китайские мигранты, включая студентов, владеющие русским языком и навыками общения с русскими поставщиками, рабочими, стремительно и организованно «рубят» лес. Кажется, что в лесном бизнесе выгода идет в пользу китайского, а не российского благосостояния. В сельских поселениях все же не настолько однозначно, поскольку китайские инвестиции действительно создают рабочие места для местных. В одном районе Томской области, меньше часа поездки на машине из города Томска, находится несколько китайских предприятий. Китайские студенты постоянно едут между селом и городом, и нередко в студенческих группах китайского приложения WeChat вовлечены в данную сферу студенты вербуют новых переводчиков. Сотрудник краеведческого музея этого района объяснил мне, что *«для китайцев это хорошо, для нас... пойдет. Но важно, что есть такая деятельность, потому что раньше мы здесь всегда занимались деревообработкой. И были со стороны администрации планы, чтобы посадить лес. Но китайцы сейчас здесь, есть работа для местного населения»* (ПМА-4, октябрь 2022 г.)

Но не все так просто. Современные китайские компании, занимающиеся добычей древесины, вынуждены адаптироваться к изменяющимся условиям на российском рынке. С точки зрения официального законодательства, они должны удовлетворять требованиям российского трудового кодекса и обрабатывать древесину перед ее отправкой в Китай. Эти изменения уже влияют на экономику данных регионов, требуя новых стратегий для удовлетворения спроса на китайском рынке. Китайские студенты, знакомые с ситуацией, замечают, что сейчас разрешены только «квадраты» (переработанный в доски лес. – С.Е.). *«Теперь обязательны русские рабочие и технологии, пусть даже самые базовые, а из-за этого прибыль становится меньше»* (ПМА-3, июль 2023 г.). Как говорят многие студенты, обучающиеся в Иркутске, с которыми я беседовал, *«китайцы уходят из Иркутска»*. Студенты также добавляют, что не везде все настолько плохо. В Томске, как они полагают, еще есть потенциал, так как добыча леса там не ограничивается так строго, как в Иркутске.

Заключение

Предпринятую в статье попытку прояснить проблему неформальной занятости иностранных студентов в области природопользования я хочу завершить рефлексией о трудностях заработка и повседневности иностранных студентов. В соответствии с нормативами, работа иностранных студентов за пределами российского университета до конца 2020 г. была почти запрещенной. Легализация трудоустройства и увеличение возможностей практики во время обучения обсуждались на XI Всероссийском съезде иностранных студентов России в сентябре 2023 г., в котором я принимал участие. По моему опыту, учебная виза и сегодня не облегчает официальное трудоустройство. Университеты слабо оснащены системами поиска практик для иностранных студентов, а проекты создания ассоциаций выпускников только начинают развиваться.

Китайским студентам в данной обстановке легче, так как китайское экономическое присутствие в Сибири постоянно требует человеческого капитала. Студентам выгодно работать в своей языковой среде, минимизируя контакт с русскоязычными акторами, а инвесторам – иметь доступ к дешевой рабочей силе. В то же время китайские студенты сталкиваются с ограничениями в возможности погружения в российскую культуру, а передача полученных знаний на родину затрудняется из-за различий в практиках добычи, переработки и продажи лесопромышленной продукции. Тем не менее опыт студентов, зарабатывающих на китайских лесоперерабатывающих предприятиях, продемонстрировал их умение не только экономически обеспечить себя, но и организовать повседнев-

ность, совмещающая учебу, досуг и работу. Неформальный обмен денег, покупки и заказ продуктов, знакомая еда в общепитах и столовых позволяют студентам установить комфортные условия временного проживания на чужбине. Временность и самоидентификация китайских студентов в России как «прохожих» – важные онтологические сюжеты. Вышеназванные повседневные категории позволяют не только осмыслить нарратив «свой–чужой», но и описать опыт китайских студентов с противоположными экзистенциалистскими измерениями на чужбине, включая непривычную еду, скромное жилье и одновременно достаточно высокую зарплату, хотя без перспектив на социальную мобильность в будущем.

Данные жизненные стратегии, даже если они характеризуются временностью, указывают на примат агентности иностранных студентов в создании благоприятных для себя академических, развлекательных и трудовых условий. Проведенный мною анализ показал, что студенческий обмен между Россией и Китаем эпистемологически значим не только из-за вовлечения иностранных студентов в дискурс о природных ресурсах, но и из-за обмена практических знаний, особенно в контексте интернационализации высшего образования.

Список источников

- Авдашкин А.А. «Китайские» теплицы в сельском пространстве российского региона (случай Челябинской области) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 179–187.
- Большов О.Ф. Философия экзистенциализма / пер. С.Э. Никулина. СПб.: Лань, 1999.
- Власти: Асиновский ЛПК за 12 лет построен на 30% от запланированного // riatomsk.ru. 27.11.2023. URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20231127/68412/> (дата обращения: 27.04.2024).
- Власти: заводы асиновского ЛПК несколько лет не могут вывести на полную мощность // vtomske.ru. 21.01.2021. URL: <https://news.vtomske.ru/news/181869-vlasti-zavody-asinovskogo-lpk-neskolko-let-ne-mogut-vyvesti-na-polnuyu-moshchnost> (дата обращения: 04.10.2023).
- Григоричев К.В. «Полугородские фермеры» и «китайцы-огородники»: постколхозная рента в неформальной экономике пригорода // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 119–137.
- Григоричев К.В. «Неправильные» китайцы и «захваченный» город: оспаривание городского пространства как выработка практик взаимодействия с другим // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 4. С. 593–608.
- Григоричев К.В., Дятлов В.И. «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 121–132.
- Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 451–484.
- Зуенко И.Ю. Китайское присутствие в сельском хозяйстве Дальнего Востока: некоторые аспекты проблемы // Известия Восточного института. 2015. № 2 (26). С. 51–59.

- Иванова Н.Ж.* Неформальная экономическая деятельность китайских мигрантов в 2000-е (на примере Республики Бурятия) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 252–262.
- Калмыков П.Н.* Китайская учащаяся молодежь Москвы. Ресурс миграционного притока или российские контрагенты в Китае? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2009. № 2. С. 234–250.
- Каменских М.С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. СПб.: Маматов, 2011.
- Кашин С.* Из варяг в китайцы // Коммерсант. 08.09.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1020709> (дата обращения: 10.10.2023).
- Каширская А.В.* Проблема миграции в приграничном сотрудничестве России и Китая // Управленческое консультирование. 2013. № 4 (52). С. 69–74.
- Китайцы захватывают русскую деревню? Мы поехали и узнали // BBC News – Русская служба. 21.10.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8magQAEAK5g> (дата обращения: 28.09.2023).
- Корешкова Ю.О.* Китайские теплицы: эхо советского прошлого (сибирские кейсы) // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 145–162.
- Левинас Э.* Время и другой. Гуманизм другого человека / пер. А.В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998.
- Леонтьева Э.О.* Социально-исторические факторы китайской образовательной миграции в Россию // Регионалистика. 2018. Т. 5, № 4. С. 35–40.
- ПМА-1 – Полевые материалы автора, г. Томск, 2022–2023 гг.
- ПМА-2 – Полевые материалы автора, г. Асино, Томская область, декабрь 2022 г.
- ПМА-3 – Полевые материалы автора, г. Иркутск, июль 2023 г.
- ПМА-4 – Полевые материалы автора, Шегарский район, Томская область, октябрь 2022 г.
- Рикер П.* Герменевтика, этика, политика: Московские лекции и интервью / пер. О.И. Мачульской. М.: КАМИ, 1995.
- Рыжова Н.П.* Взаимная экономическая адаптация китайских рабочих и их российских работодателей в трансграничном городе // Интеграция экономических мигрантов в регионах России. Формальные и неформальные практики / науч. ред. Н.П. Рыжова. Иркутск: Отгиск, 2009. С. 25–36.
- Рыжова Н.П.* Природные ресурсы российского Дальнего Востока: институциональные изменения и экстралегальные практики // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Отгиск, 2010. С. 282–312.
- Рыжова Н.П.* Организация пространства трансграничных городов // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством / ред. В.И. Дятлов, И.Т. Абдулова, М.Н. Ковальская, А.Ю. Охотников, Ю.Н. Пинигина, Н.П. Рыжова. Иркутск: Наталис, 2007. С. 48–67.
- Рязанцева И.В.* Трудоустройство иностранных студентов и выпускников на российском рынке труда как элемент восполнения трудовых ресурсов страны // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 1. С. 55–68.
- Ушакин С.А.* Этнография себя, или о пользе формализма в антропологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 2. С. 160–172.
- Чем дальше в лес. Чей топор стучит в сибирской тайге, страшны ли китайцы и что от нашего леса получаем мы // ТВ2. 01.12.2019. URL: <http://tv2.tomsk.tilda.ws/lesikitai> (дата обращения: 04.03.2024).
- Шаткина Е.А.* Правовая помощь и риски при трудоустройстве иностранных молодых специалистов в России // Миграционное право. 2021. № 4. С. 15–19.
- Шармашкеева Н.Ж.* Социокультурная адаптация китайских мигрантов в Бурятии: дис. ... канд. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2007.

- Яковлева К.А. Социально-экономическая эффективность лесопользования в приграничных регионах России // Вестник ЗабГУ. Экономические науки. 2016. Т. 22, № 11. С. 151–160.
- Bocagni P. Migration and the Search for Home: Mapping Domestic Space in Migrants' Everyday Lives. New York: Palgrave Macmillan, 2017.
- De Genova N.P. Migrant 'Illegality' and Deportability in Everyday Life // Annual Review of Anthropology. 2002. Vol. 31. P. 419–47.
- Jung H.Y. Transversal Rationality and Intercultural Texts: Essays in Phenomenology and Comparative Philosophy. Athens, Ohio: Ohio University Press, 2011.
- McLean S. Stories and Cosmogonies: Imagining Creativity Beyond 'Nature' and 'Culture' // Cultural Anthropology. 2009. Vol. 24. P. 213–245.
- Namsaraeva S. Déjàvu of Distrust in the Sino-Russian Borderlands // Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderland / ed. by C. Humphrey. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 37–64.
- On the edge: Life Along the Russia-China Border / ed. by F. Billé & C. Humphrey. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2021.
- Ricoeur P. Oneself as Another / transl. by Kathleen Blamey. Chicago: The University of Chicago Press, 1992.
- Ryzhova N., Ioffe G. Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe // Eurasian Geography and Economics. 2009. Vol. 50, No. 3. P. 348–364.
- Shaglanova O.A. Chinese Labour Migration in the Context of a Buryat Village // Inner Asia. 2011. Vol. 13. P. 297–313.
- Tian Y. China's Imports of Russian Timber: Chinese Actors in the Timber Commodity Chain and the Risks of Involvement in Illegal Logging and the Resultant Trade. Hayama: Institute for Global Environmental Strategies, 2008.
- Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018.
- Yu J. Caught in the Middle? Chinese International Students' Self-formation amid Politics and Pandemic // International Journal of Chinese Education. 2021. Vol. 10, No. 3. P. 1–15.

References

- «Chem dal'she v les. Chei topor stuchit v sibirskoi taige, strashnyi li kitaitysi i chto ot nashego lesa poluchaem myi» [Deeper into the forest. Whose axe sounds across the Siberian tayga, are the Chinese frightening and what do we get from our timber], *TV2*. 12.2019. Available at: <http://tv2.tomsk.tilda.ws/lesikitai> (date accessed 04.03.2024).
- «Kitaitysi zahvatyivaiut russkuiu derevniu? Myi poehali i uznali» [Are the Chinese taking over the Russian village? We went and found out], *BBC News - Russkaia sluzhba*. 21.10.2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=8magQAEAK5g> (date accessed 28.09.2023).
- «Vlasti: Asinovskii LPK za 12 let postroen na 30% ot zaplanirovannogo» [Authorities: 30% of the planned was built in 12 years at the Asino LPK], *riatomsk.ru*. 27.11.2023. Available at: <https://www.riatomsk.ru/article/20231127/68412/> (date accessed: 27.04.2024)
- «Vlasti: zavody asinovskogo LPK neskol'ko let ne mogut vyvesti na polnuiu moschnost'» [Authorities: sawmills of the Asino LPK cannot reach full capacity for several years], *vtomske.ru*. 21.01.2021. Available at: <https://news.vtomske.ru/news/181869-vlasti-zavody-asinovskogo-lpk-neskolko-let-ne-mogut-vyvesti-na-polnuyu-moshchnost> (date accessed 04.10.2023).
- Avdashkin A.A. (2021) «Kitaiskie» teplitsyi v sel'skom prostranstve rossiiskogo regiona (sluchai Cheliabinskoi oblasti) [“Chinese” greenhouses in Russian rural spaces (case of Chelyabinsk Region)], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (52), pp. 179–187.

- Boccagni P. (2017) *Migration and the Search for Home: Mapping Domestic Space in Migrants' Everyday Lives*. New York: Palgrave Macmillan.
- Bollnow O.F. (1999) *Filosofia ekzistentsializma* [Existenzphilosophie], trans. S.E. Nikulin. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Lan'».
- De Genova N.P. (2002) Migrant 'Illegality' and Deportability in Everyday Life, *Annual Review of Anthropology*, Vol. 31, pp. 419–447.
- Diatlov V.I. (2010) Transgranichnyie migranty v sovremennoi Rossii: dinamika formirovaniia stereotipov [Transborder migrants in contemporary Russia: dynamics of the formation of stereotypes]. In: *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries]. Ed. by V.I. Diatlov. Irkutsk: Ottisk, pp. 451–484.
- Grigoriev K.V. (2017) «Polugorodskie fermeryi» i «kitaitsyi-ogorodniki»: postkolkhoznaia renta v neformal'noi ekonomike prigoroda [“Semi-urban farmers” and “Chinese gardeners”]: Post-kolkhoz rent in suburban informal economy], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 119–137.
- Grigoriev K.V. (2020) «Nepравil'nyie» kitaitsyi i «zahvachennyi» gorod: osparivanie gorodskogo prostranstva kak vyirabotka praktik vzaimodeistvia s drugim [The “wrong” type of Chinese and the “captured” city: Contesting of urban spaces and constructing practices of interacting with the “other”], *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, no. 4, pp. 593–608
- Grigoriev K.V., Diatlov V.I. (2017) «Kitaiskie» ryinki Rossii: rol' v postsotsialisticheskoi transformatsii (sluchai Irkutsk) [“Chinese markets” of Russia: the Role in post-sustainable transformation (a case of Irkutsk)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 419, pp. 121–132.
- Ivanova N.Zh. (2010) Neformal'naia ekonomicheskaia deiatel'nost' kitaiskikh migrantov v 2000-e (na primere Respubliki Buriatia) [Informal economic activity of Chinese migrants in the 2000s (the case of the Republic of Buryatia)]. In: *Migratsii i diaspori v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries]. Ed. by V.I. Diatlov. Irkutsk: Ottisk. pp. 252–262.
- Jung, H.Y. (2011) *Transversal Rationality and Intercultural Texts: Essays in Phenomenology and Comparative Philosophy*. Athens, Ohio: Ohio University Press.
- Kalmykov P.N. (2009) Kitaiskaia uchaschaiasia molodezh' Moskvyy. Resurs migratsionnogo pritoka ili rossiskie kontragenty v Kitae? [Chinese students in Moscow. Resource of migration inflow or Russian counterparties in China?], *Vestnik RGGU. Serii «Filosofia. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie»*, no. 2, pp. 234–250.
- Kamenskikh M.S. (2011) *Kitaitsyi na Srednem Urale v kontse XIX – nachale XXI v.* [Chinese in the Middle Urals at the end of the XIX – beginning of the XXI century]. Sankt-Peterburg: Mamatov.
- Kashin, S. Iz variag v kitaitsyi [From the Varangians to the Chinese], *Kommersant*. 08.09.2008. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/1020709> (date accessed 10.10.2023).
- Kashirskaia A.V. (2013) Problema migratsii v prigranichnom sotrudnichestve Rossii i Kitaia [Migration Problem in Border Cooperation of Russia and China], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 4 (52), pp. 69–74.
- Koreshkova Iu. (2021) Kitaiskie teplitsyi: ekho sovetskogo proshlogo (sibirskie keisyi) [Chinese greenhouses: An Echo of the Soviet Past (Siberian Cases)], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 145–162.
- Leontieva E.O. (2018) Sotsial'no-istoricheskie faktory kitaiskoi obrazovatel'noi migratsii v Rossiiu [Socio-Historical Factors of Chinese Educational Migration to Russia], *Regionalistika*, vol. 5, no. 4, pp. 35–40.

- Lévinas E. (1998) *Vremia i drugoi. Gumanizm drugovo cheloveka* [Le temps et l'autre. Humanisme de l'autre homme], trans. A.V. Paribko. Sankt-Peterburg: Vysshiaia religiozno-filosofskaia shkola.
- McLean S. (2009) Stories and Cosmogonies: Imagining Creativity Beyond 'Nature' and 'Culture', *Cultural Anthropology*, vol. 24, pp. 213–245.
- Namsaraeva S. (2018) Déjàvu of Distrust in the Sino-Russian Borderlands. In: *Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderland*. Ed. by C. Humphrey, Amsterdam: Amsterdam University Press. pp. 37–64.
- On the edge: Life Along the Russia-China Border*. Ed. by F. Billé & C. Humphrey, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2021.
- PMA-1 – Polevye materialyi avtora, g. Tomsk, 2022–2023 gg. [AFM-1 – Author's fieldwork material, Tomsk city, 2022–2023].
- PMA-2 – Polevye materialyi avtora, g. Asino, Tomskaia oblast', dekabr' 2022 g. [AFM-2 – Author's fieldwork material, Asino city, Tomsk region, December 2022].
- PMA-3 – Polevye materialyi avtora, g. Irkutsk, iul' 2023 g. [AFM-3 – Author's fieldwork material, Irkutsk city, July 2023].
- PMA-4 – Polevye materialyi avtora, Shegarskii raion, Tomskaia oblast', oktiabr' 2022 g. [AFM-4 – Author's fieldwork material, Shegarskii district, Tomsk region, October 2022].
- Riazantseva I.V. (2022) Trudoustroistvo inostrannykh studentov i vyipusnikov na rossiiskom rynke truda kak element vospolneniia trudovykh resursov strany [Employment of foreign students and graduates in the Russian labour market as an element of replenishing the country's labour resources], *Ekonomika truda*, vol. 9, no. 1, pp. 55–68.
- Ricoeur, P. (1992) *Oneself as Another*. Trans. by Kathleen Blamey, Chicago: The University of Chicago Press.
- Ricoeur, P. (1995) *Germenevtika, etika, politika: Moskovskie leksii i interv'iu* [Hermeneutics, Ethics, Politics: Moscow Lectures and Interviews], trans. O.I. Machul'skaia. Moscow: AO «KAMI».
- Ryzhova N.P. (2009) Vzaimnaia ekonomicheskaiia adaptatsiia kitaiskikh rabochikh i ikh rossiiskikh rabotodatelei v transgranichnom gorode [Mutual economic adaptation of Chinese workers and their Russian employers in a cross-border city]. In: *Integratsiia ekonomicheskikh migrantov v regionakh Rossii. Formal'nyie i neformal'nyie praktiki* [Integration of economic migrants in Russian's regions. Formal and informal practices]. Ed. by N.P. Ryzhova. Irkutsk: Ottisk. pp. 25–36.
- Ryzhova N.P. (2010) Prirodnyie resursyi rossiiskogo Dal'nego Vostoka: institutsional'nyie izmeneniia i ekstralegal'nyie praktiki [Natural resources of the Russian Far East: Institutional changes and extralegal practices]. In: *Migratsii i diasporiy v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migrations and diasporas in the socio-cultural, political and economic space of Siberia. Frontiers of the XIX–XX and XX–XXI centuries]. Ed. by V.I. Diatlov. Irkutsk: Ottisk. pp. 282–312.
- Ryzhova N.P. (2007) Organizatsiia prostranstva transgranichnykh gorodov [Organising Space in Cross-border Towns]. In: *Migranty i diasporiy na Vostoke Rossii: praktiki vzaimodeistvia s obshchestvom i gosudarstvom* [Migrants and Diasporas in Russia's East: Practices of Interaction with Society and State]. Ed. by V.I. Diatlov, I.T. Abdulova, M.N. Koval'skaia, A.Iu. Okhotnikov, Iu.N. Pinigina, N.P. Ryzhova. Irkutsk: Natalis. pp. 48–67.
- Ryzhova N., Ioffe G. (2009) Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe, *Eurasian Geography and Economics*, vol. 50, no. 3, pp. 348–364.
- Shaglanova O.A. (2011) Chinese Labour Migration in the Context of a Buryat Village, *Inner Asia*, vol. 13, pp. 297–313.
- Shapkina Ie.A. (2021) Pravovaia pomoshch' i riski pri trudoustroistve inostrannykh molodykh spetsialistov v Rossii [Legal assistance and risks in the employment of foreign young specialists in Russia], *Migratsionnoe pravo*, no. 4, pp. 15–19.

- Sharmashkeeva N.Zh. (2007) *Sotsiokul'turnaia adaptatsiia kitaiskikh migrantov v Buriatii*: dis. ... kand. ist. nauk [Sociocultural adaptation of Chinese migrants in Buryatia]. Candidate of Science (History) dissertation. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Science.
- Tian Y. (2008) *China's Imports of Russian Timber: Chinese Actors in the Timber Commodity Chain and the Risks of Involvement in Illegal Logging and the Resultant Trade*. Hayama: Institute for Global Environmental Strategies.
- Trust and Mistrust in the Economies of the China-Russia Borderlands*. Ed. by C. Humphrey. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018.
- Ushakin S.A. (2004) Etnografiia seb'ia, ili o pol'ze formalizma v antropologii [Ethnography Of One's Self: On Benefits of Formalism in Anthropology], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 7, no. 2, pp. 160–172.
- Yakovleva K.A. (2016) Sotsialno-ekonomicheskaiia effektivnost' lesopol'zovaniia v prigranichnykh regionakh Rossii [Socio-economic efficiency of forest management in the border regions of Russia], *Vestnik ZabGU. Ekonomicheskie nauki*, vol. 22, no. 11, pp. 151–160.
- Yu J. (2021) Caught in the Middle? Chinese International Students' Self-formation amid Politics and Pandemic. *International Journal of Chinese Education*, vol. 10, no. 3, pp. 1–15.
- Zuenko I.Iu. (2015) Kitaiskoe prisutstvie v sel'skom khoziaistve Da'lnego Vostoka: nekotoryie aspektyi problemyi [Chinese presence in the agriculture of the Far East: some aspects of the problem], *Izvestiia Vostochnogo Instituta*, no. 2 (26), pp. 51–59.

Сведения об авторе:

ЕМЕЦ Себастьян – аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sebastjan Jemec, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sebastjan.jemec@outlook.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 09 декабря 2023;
принята к публикации 28 августа 2024.*

*The article was submitted 09.12.2023;
accepted for publication 28.08.2024.*

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ В АРХЕОЛОГИИ

Научная статья
УДК 3930, 902
doi: 10.17223/2312461X/45/6

Современные исследовательские подходы к определению природы происхождения каменных индустрий в палеолите

Ксения Анатольевна Колобова

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия,
kolobovak@yandex.ru*

Аннотация. Вопросы, касающиеся происхождения каменных индустрий, путей миграций и способов взаимодействия между древними популяциями гоминин, являются наиболее сложными и дискуссионными в археологических исследованиях. Существует несколько вариантов происхождения каменных индустрий по археологическим данным, часто дополняющихся палеогенетической и антропологической информацией: миграция (культурный трансфер), обмен технологиями и идеями (технологический трансфер), конвергентная эволюция. Обоснование каждого варианта связано с серьезными технологическими, типологическими и статистическими исследованиями. В последние десятилетия факторами, интенсифицирующими исследования в данной области послужили прорывные работы в области абсолютного датирования, палеогенетики и антропологии, благодаря которым были определены миграционные процессы, видовая принадлежность антропологических остатков и уточнены хронологические рамки существования культур каменного века. Вследствие этих публикаций значительно увеличилось количество исследований археологической направленности, анализирующих каменные индустрии как основное проявление культурной принадлежности производивших их гоминин. В результате были доказаны новые интерконтинентальные миграции неандертальцев из Европы на Алтай и людей современного анатомического облика с Ближнего Востока на территорию Среднего, с территории Алтая в Монголию и Китай. Предполагавшиеся ранее как результат локальной эволюции верхнепалеолитические комплексы на территории Среднего Востока в Центральной Азии уже рассматриваются в контексте миграции.

В качестве причин миграций обычно рассматриваются палеоэкологические факторы – изменение/ухудшение климатических условий, в результате чего человеческие коллективы были вынуждены искать новые места для проживания. Накопление новых материалов обусловило усложнение общей схемы популяционных взаимодействий, которая в настоящий момент включает и реверсивные миграции. В статье рассматриваются основные методические подходы к определению природы палеолитических каменных индустрий, их сильные и слабые стороны. К сожалению, в русскоязычной исследовательской литературе они практически не опубликованы и пока не находят широкого применения.

Ключевые слова: палеолит, миграции, обмен технологиями, конвергентная эволюция, исследовательский подход

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (проект № 22-18-00649) «Заселение западной части Центральной Азии человеком современного анатомического облика в период среднего–верхнего палеолита: хронология миграционных процессов».

Для цитирования: Колобова К.А. Современные исследовательские подходы к определению природы происхождения каменных индустрий в палеолите // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3 С. 128–145. doi: 10.17223/2312461X/45/6

Original article

doi: 10.17223/2312461X/45/6

Modern Approaches to Determining the Origin of Paleolithic Industries

Kseniya A. Kolobova

*Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, kolobovak@yandex.ru*

Abstract. Questions concerning the origins of stone industries, migration routes and modes of interaction between ancient hominin populations are among the most complex and controversial in archaeological research. There are several variants of the origin of stone industries according to archaeological data, often supplemented by palaeogenetic and anthropological data: migration (cultural transfer), exchange of technologies and ideas (technological transfer), convergent evolution. The justification of each variant is based on comprehensive technological, typological and statistical studies. In recent decades, these studies have been intensified by the groundbreaking work in absolute dating, palaeogenetics and anthropology, which have made it possible to determine migration processes, the species affiliation of anthropological remains and the chronological framework of different Stone Age cultures. As a result of these papers, there has been a significant increase in the number of archaeological studies analyzing lithic industries as the main manifestation of the cultural identity of the hominins that produced them. This revealed new intercontinental migrations of Neanderthals from Europe to the Altai and anatomically modern humans from the Middle East to the Middle East, from the Altai to Mongolia and China. The Upper Paleolithic complexes in the Middle East and Central Asia, previously thought to be the result of local evolution, are now considered in the context of migration.

The reasons for migrations are usually considered to be paleoecological factor – deteriorations in climatic conditions that forced human populations to seek new places to live. The accumulation of new materials has led to an increase in the complexity of the general pattern of population interactions, which now includes reverse migrations. The proposed paper discusses the main methodological approaches to determining the origin of Paleolithic lithic industries, their strengths and weaknesses. Unfortunately, they have not yet been published in the Russian-language research literature and are not yet widely used.

Keywords: Palaeolithic, migrations, technology exchange, convergent evolution, research approach

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00649) “The Population of Western Central Asia by Anatomically Modern Human in the Middle-Upper Paleolithic: a Chronology of Migration Processes”.

For citation: Kolobova, K.A. (2024) Modern Approaches to Determining the Origin of Paleolithic Industries. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 128–145 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/6

Введение

В последние десятилетия значительно возрос научный интерес к определению различных популяционных процессов древнего человека, которые приводили к колонизации новых территорий, ассимиляции и замещению местных популяций пришлыми.

Материалы среднего палеолита в рамках нескольких фаций или индустриальных вариантов в XX – начале XXI в. традиционно рассматривались исследователями в контексте определения их вариабельности, принадлежности различным социальным группам внутри-региональной мобильности и утилизации каменного сырья (Рыбин, Колобова 2009; Derevianko et al. 2015; Nielsen et al. 2017; Romagnoli, Rivals, Benazzi 2022a; Romagnoli et al. 2022b). Вопросы развития индустрий, их возможного замещения, миграции на значительные расстояния или смены разных популяций обычно не рассматривались.

В области начального верхнего палеолита исследования изначально определялись как технологические, когда выделялись и характеризовались каменные индустрии с инновационными решениями и определялся характер их происхождения. Концепция «верхнепалеолитической революции» определялась как результат постепенного развития местных среднепалеолитических комплексов в верхнепалеолитические (Marks, Ferring 1988). Эта концепция (или «переход от среднего к верхнему палеолиту») быстро завоевала популярность среди исследователей, которые начали выделять переходные комплексы в разных частях континента и обосновывать их местное происхождение (Larichev, Khol'ushkin, Laricheva 1992; Olszewski, Dibble 1994; Вишняцкий 2000; Derevianko, Petrin, Rybin 2000; Bar-Yosef 2007; Teyssandier 2008).

Местное происхождение новых технокомплексов начального верхнего палеолита значительно усложнялось проблемой взаимодействия между популяциями неандертальцев, носителей среднепалеолитических традиций, и людей современного анатомического облика, которые производили верхнепалеолитические комплексы на различных территориях. Основной исследовательский вопрос заключался в самой возможности производства неандертальцами верхнепалеолитических комплексов с самым ярким примером Шательперрона, на стоянках которого

были обнаружены антропологические материалы, первоначально атрибутированные как неандертальские (Soressi, Roussel 2014).

Фактором, интенсифицирующим археологические исследования, послужили быстроразвивающиеся методы абсолютного датирования (Mellars 2006), которые продемонстрировали новую, уточненную, хронологию взаимодействия человека современного анатомического облика и других подвидов древнего человека (Higham, Douka, Wood 2014; Higham et al. 2020). Развитие компьютерных методов в антропологии, включающие метод компьютерной томографии, позволило на качественно новом уровне проводить верифицируемые анализы и определять человеческие подвиды (Hui, Balzeau 2023). Одним из самых значительных научных результатов было обоснование первого выхода анатомически современного человека из Африки и его возможная миграция в Европу (Hershkovitz et al. 2018; Harvati, Röding, Bosman 2019). Также было поставлено под сомнение неандертальское происхождение Шатльперрона (Gicqueau, Schuh, Henrion 2023).

Несомненно, важнейшим толчком для активизации исследований популяционных процессов послужили палеогенетические исследования, которые доказали гибридизацию и активные миграционные процессы в древности (Sokal, Oden, Wilson 1991; Krause et al. 2007; Lazaridis et al. 2016; Sikora 2019; Vernot et al. 2021 и др.).

Перечисленные факторы спровоцировали появление значительного количества археологических работ, в которых реконструируются сложные процессы, включающие как последовательные, так и обратные миграции, технологические трансферы и вопросы конвергентного развития комплексов (Tsanova et al. 2013; Zwyns et al. 2019; Picin et al. 2020; Slimak 2023; Doronicheva et al. 2023; Рыбин, Хаценович 2023).

Сейчас общепринятой является модель, реконструирующая несколько волн неандертальского заселения Европы с проникновением в Среднюю Азию и на Алтай. Также определяется несколько волн миграции человека современного анатомического облика из Африки в Европу, который замещал местное неандертальское население после недолгого периода взаимодействий (Hublin et al. 2020; Vernot et al. 2021; Saltré, Chadœuf, Higham 2024). Все эти процессы были доказаны как антропологически и палеогенетически, так и с применением археологических данных (Zwyns et al. 2019; Kolobova et al. 2020; Рыбин, Хаценович 2023).

В предлагаемой статье рассматриваются основные исследовательские подходы к определению природы палеолитических каменных индустрий. Миграции, технологический трансфер и конвергентная эволюция на основе археологических данных могут определяться посредством нескольких подходов. К сожалению, в русскоязычной литературе эти подходы не развиты и пока не находят широкого применения.

Варианты происхождения каменных индустрий по археологическим данным

Миграции или культурный трансфер (трансмиссия) фиксируют проникновение экзогенного населения на новые территории и проявляются в виде радикальных отличий основных компонентов каменных индустрий от хронологически более ранних или синхронных автохтонных комплексов. Новая индустрия появляется в развитом состоянии как одномоментное событие. Разница между пришлой и местной индустриями обуславливается совокупностью типов технологий и/или типов артефактов, которые определяются как маркеры (Dinnis 2011; Tsanova et al. 2013; Rybin 2014; Zwyns et al. 2019). В исключительных случаях коллекции отличаются по всем технологическим или типологическим маркерам (Kolobova et al. 2020), но вероятность уловить такую разницу вряд ли высока, особенно в случае верхнепалеолитических миграций (Tostevin 2003; Rybin 2014; Dinnis et al. 2019). Модель миграции может осложняться, когда географически перемещенная материальная культура изменяется при адаптации к новым условиям, либо при появлении инноваций в мигрировавшей популяции. Второй вариант может происходить при передаче знаний или традиций внутри семейных групп, а также при контактах с другими популяциями (Zwyns 2021). Существует высокий риск ошибочного определения миграции в случае технологического трансфера. Особенно этот риск возрастает, если исследуется доминирующая технология в индустрии без оценки остальных методов расщепления.

Технологический трансфер, или обмен технологиями и идеями (Richter et al. 2011; O'Brien, Buchanan, Ehren 2018), обычно описывают импортированные компоненты (технологии или типы артефактов) в индустриях, источник происхождения которых возможно установить (Kolobova et al. 2011; Olszewski 2012). Если технология (тип) артефакта была импортирована, она появляется в индустрии без изменения структуры комплекса (соотношение разных категорий артефактов). Поэтому необходимо сравнивать коллекции, в которых был обнаружен импортированный компонент, с местными хронологически синхронными или более ранними комплексами. В случаях технологического трансфера комплексы будут отличаться только импортированными компонентами. Вариант технологического трансфера усложняется, когда заимствуется или копируется не одна технология/тип артефакта, а целый набор маркеров, например охотничье вооружение или престижные технологии (Yeh, Fogarty, Kandler 2019).

Конвергентная эволюция, или конвергенция развития, фиксируется, когда по меньшей мере в двух популяциях, независимо друг от друга, развивается одна технология (O'Brien et al. 2018). Основополагающие навыки, такие как обработка каменного сырья, не требуют технологического трансфера или обучения, поэтому являются первыми примерами конвергентной эволюции (Snyder, Reeves, Tennie 2022).

Известные случаи конвергентной эволюции, такие как изобретение керамики или одомашнивание животных и растений, рассматриваются в контексте «эволюционного ландшафта» или определенных палеоэкологических обстановок, которые благоприятствуют конкретному технологическому изобретению (Kolodny, Creanza, Feldman 2015)

В случае конвергентной эволюции определяются этапы возникновения, развития и распространения новых технологий в каменных индустриях исследуемого региона, т.е. существует возможность определения динамики развития технологии. Эти процессы можно наблюдать на разных территориях и на разных хронологических этапах. Например, появление в верхнем палеолите Алтая ориньякоидных кареноидных нуклеусов как результат технологической конвергенции с европейским ориньяком (Derevianko 2009). Впоследствии это заключение было подтверждено технологическими исследованиями (Zwyns 2012).

Практические исследовательские подходы к определению природы происхождения каменных индустрий

Вопросам культурной таксономии, вариабельности, миграциям (или культурной трансмиссии) и обучению в популяциях посвящено множество теоретических исследований, количественно превышающих практические. Развитие методов, а именно включение в рутинную практику археологических исследований атрибутивного анализа, когда в процессе изучения для каждого артефакта фиксируются технологически и типологически значимые признаки, дало начало первым исследованиям для доказательства природы каменных индустрий.

Разработки Г. Тостевина (2003) на основе атрибутивного анализа стали одними из наиболее цитируемых методов в палеолитоведении. Его подход на принципах атрибутивного анализа заключается в комплексном сравнении каменных индустрий внутри одного региона и между регионами на основе списка технологических и типологических атрибутов, включая метрические параметры (тип расщепления, характеристики и размеры целевых сколов заготовок, орудий). При этом фиксировалась разница между комплексами по каждому параметру (ок. 30) внутри пяти основных подразделений первичного расщепления, которая оценивалась как значимая или нет. В результате подсчитывался индекс различия между комплексами от 0 с полной идентичностью до 5 с абсолютной разницей. В этой схеме используются только основные статистические тесты для сравнения двух комплексов по одной переменной. В результате делается заключение о происхождении каменных индустрий на разных территориях.

Похожий подход без атрибутивного анализа и без статистических методов, но с определением наличия или отсутствия средне- и верхнепалеолитических признаков в индустриях и подсчетом индексов применялся Л.Е. Вишняцким (2000).

Недостатки такого подхода заключаются в его методике: анализируется большое количество признаков индустрий, и в результате исследователь получает только один индекс. Исследователь не может оперировать таким большим количеством переменных, особенно в контексте памятников различных территорий. Кроме того, каждая характеристика индустрии имеет только один доминирующий признак, например, преобладающее леваллуазское или радиальное расщепление. Как известно из практики археологических исследований, такие индустрии достаточно редки и в одной индустрии может быть несколько доминирующих технологий, например пластинчатая и леваллуазская. При этом отсутствует иерархия признаков, и в результате у исследователя не создается общей картины варибельности комплексов.

Другой подход, который можно назвать технологическим, является наиболее распространённым, и заключается в фиксации маркирующих технологий/методов расщепления в индустриях различных территорий. При этом он связан с детальными технологическими исследованиями, когда различают, например, несколько вариантов леваллуазской конвергентной технологии или кареноидных изделий. Дополняются эти построения анализом и сравнением типичных для индустрий орудий, нуклеусов и украшений в качестве маркеров, нередко сопровождающимися таблицами с указанием наличия/отсутствия определенных маркеров (Teyssandier 2008; Dinnis 2011; Rybin 2014; Slimak 2023). В рамках этого подхода Т. Тсанова (2013) преодолела проблему некачественно выполненных раскопок на Варвази путем применения анализа сырьевых единиц между несколькими слоями памятника путем реконструкции апплицирующихся артефактов из разных слоев.

Только в рамках технологического подхода можно зафиксировать стадию развития определенной технологии (появление, развитие, стабильная фаза полностью сложившейся технологии) и определить возможную конвергентную эволюцию. Когда фиксируются различные независимые друг от друга этапы технологического развития на разных территориях, то определяется конвергенция. Если технология появляется в сложившемся виде, то нужно искать источники ее происхождения. (Dinnis 2011; Rybin 2014; Slimak 2023).

Следующим этапом развития технологического подхода является попытка объединения технологических корреляций и количественной оценки анализируемых индустрий по степени сложности, т.е. предпринимается попытка представить иерархию комплексов от простых к комплексным. Индустрии выстраиваются в иерархическом порядке в зависимости от их сложности, напрямую связываемой с когнитивными способностями, включая навыки планирования их производителей. Сложность технологии определяется по количеству этапов в операционных

цепочках. Чем больше этапов, тем сложнее и иерархически выше индустрия. В рамках этого подхода радиальная техника оценивается как простая, а леваллуазская рекуррентная технология – как самая сложная, поскольку включает наибольшее количество этапов расщепления. Чем сложнее индустрия, то тем меньше шансов на ее конвергентное возникновение (Muller, Clarkson, Shipton 2017; Zwyns 2021). На основе этого анализа предполагается восточный путь распространения индустрий начального верхнего палеолита из Алтая в Монголию и Китай (Zwyns 2021), в результате чего подтвердились и более ранние исследования (Rybin 2014; Zwyns et al. 2019; Рыбин, Хаценович 2023).

Недостатком этого подхода является возможность учета только нескольких технологических схем, при этом вся проявляемая исследуемыми памятниками вариабельность рассматривается как основной «фон». Кроме того, сравнения проводятся только в рамках одного культурного варианта, сравнения с хронологически более ранними или поздними комплексами носят формальный характер. В рамках этого подхода также не определяется вариабельность исследуемых комплексов.

Третьим подходом является статистический, когда учитываются несколько технологически/типологически важных характеристик (или технологий, артефактов) комплексов одного региона и сравниваются с синхронными и более ранними комплексами региона и сопредельных (либо отдаленных) территорий. При классификации каменных индустрий используются различные методы мультивариантной статистики: метод главных компонент, неметрическое мультивариантное шкалирование, факторный анализ и другие выбираются в зависимости от количества и структуры выборок (Ghasidian, Heydari-guran, Mirazon Lahr 2019; Kolobova et al. 2020; Shoae et al. 2024). В результате исследователь получает набор статистических графиков, отражающих сходство и отличие индустрий по набору выбранных переменных. Кроме визуального подобия на графиках в рамках этого подхода есть возможность доказать принадлежность определенной индустрии к группе памятников с помощью мультивариантных тестов (Anova или Permanova), что, несомненно, делает результаты этого подхода более верифицируемыми, чем остальных. Также здесь исследователь получает подробную визуальную картину вариабельности исследуемых комплексов. Применение данного подхода невозможно без технологического анализа для корректного сравнения разных методов расщепления и их продуктов.

В рамках статистического подхода была решена проблема возможного ошибочного определения миграции вместо технологического трансфера и наоборот. В этом случае проводится анализ структуры индустрии с учетом «новых» и «фоновых» типов орудий либо нуклеусов среди хронологически ранних и поздних комплексов региона. Например, если мигранты колонизировали уже заселенную территорию, оба комплекса, местный и пришлый, могут содержать одни и те же «фоновые»

типы нуклеусов и орудий, такие как простые скребла, плоскостные параллельные и подпризматические нуклеусы, концевые скребки, сколы с ретушью различной интенсивности. Если при миграции меняется вся структура индустрии (т.е. соотношение различных категорий артефактов), то в случае технологического трансфера структура индустрии остается такой же, как в синхронных или хронологически более ранних местных комплексах (Kolobova et al. 2024).

Таким образом, проводится два анализа, в первом из которых участвуют и «новые», и «фоновые» нуклеусы либо орудия. При получении двух различных кластеров – хронологически позднего и раннего, существуют два варианта появления хронологически раннего кластера – миграция и технологический трансфер. При проведении второго анализа извлекаются «новые» артефакты, и в случае если полученные в результате первого анализа кластеры сохраняются, то фиксируется миграция, поскольку даже после извлечения одного элемента структура хронологически поздних индустрий отличается от ранних. Если кластеры объединяются, то фиксируется технологический трансфер, поскольку привнесение новой технологии или орудий не изменило изначальную структуру ассамбляжей.

Недостатками статистического подхода являются недостатки статистических методов как таковых: не устанавливается иерархия признаков, количество признаков индустрий ограничено количеством анализируемых индустрий, влияние субъективного фактора при использовании опубликованных данных.

Дискуссия и выводы

Наиболее комплексные и визуализированные исследования популяционных взаимодействий, различных способов передачи культурной и технологической информации, а также выявление культурных маркеров возможны при изучении этнографических комплексов, где доступны для исследований не только органические материалы, способы их обработки, а также интервью с их производителями (Jordan 2015). Только по сравнению с такими исследованиями мы понимаем, насколько ограничены данные по палеолитическому периоду.

Для определения природы происхождения каменных индустрий необходимыми базовыми условиями являются контроль качества раскопок памятников, отсутствие интерстратификации (Tsanova 2013), а также высокое качество исследований, например сочетание технологического и атрибутивного анализов. Только при соблюдении этих условий можно рассуждать о непотревоженном характере комплексов и, в результате корреляций, определять стадии развития исследуемых технологий (возникновение, развитие, затухание).

В настоящее время существует проблема, которая пока не решена: влияние функционального типа памятника на состав и структуру его индустрии. Пока функциональные исследования и исследования по определению природы индустрий проводятся отдельно (Рыбин, Колобова 2004; Machado, Mallol, Hernández 2015).

Общим в процессе определения природы происхождения каменных индустрий является выделение маркирующих для индустрий наборов технологий, артефактов или персональных украшений (Rubin 2014). Так, для среднепалеолитических микокских комплексов это бифасиальные асимметричные ножи типа Кайльмессер в сочетании с конвергентными скреблами и ретушированными остроконечниками различных форм (Kolobova et al. 2020); для комплексов начального верхнего палеолита – сочетание пластинчатой и леваллусской технологий со специфичным мелкопластинчатым расщеплением орудий на пластинах и остроконечниках (Zwyns et al. 2019; Рыбин, Хаценович 2023; Shoaee et al. 2024); для ориньякских комплексов раннего верхнего палеолита – наборы кареноидных нуклеусов и резцов в сочетании с орудиями на пластинках и микроостриями (Tsanova 2013; Kolobova et al. 2024). Наборы маркирующих признаков часто образуются в результате эмпирического опыта разных исследователей, поэтому обычно по их составу ведутся дискуссии, при этом «вряд ли кто знает, что они (наборы маркеров) означают» (Zwyns 2021).

Зачастую археологические доказательства миграционных процессов строятся на субъективной фиксации наличия или определенных маркеров на разных территориях и далее на произвольном сравнении с комплексами отдаленных территорий. Общая структура каменных комплексов, определение степени сходства или отличия индустрий, а также проблемы доказательства зафиксированного сходства каменных комплексов и их верификация обычно находятся за рамками таких исследований и в результате закономерно критикуются (Zwyns et al. 2012).

Каждый из перечисленных подходов имеет свои достоинства и недостатки, однако ни один невозможен без основных или предварительных технологических исследований. Технологические исследования необходимы для определения степени развитости технологии: фиксируется ли ее развитие или она представлена полностью сформированной (Tostevin 2003). Здесь мы не рассматриваем возможную ассимиляцию экзогенных популяций, поскольку такое обстоятельство можно легко спутать с палимпсестом.

В настоящий момент оптимальным исследовательским подходом к определению природы происхождения палеолитических индустрий видится комбинация из технологического и статистического подходов, однако она требует коллаборации между исследователями и значительных временных затрат, что, однако, должно компенсироваться значимыми научными результатами.

Список источников

- Вишняцкий Л.Б. «Верхнепалеолитическая революция»: география, хронология, причины // *Stratum Plus*. 2000. № 1. С. 245–271.
- Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // *Stratum Plus*. Археология и культурная антропология. 2009. № 1. С. 33–78.
- Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4(20). С. 20–34.
- Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Начальный верхний палеолит Южной Сибири и Центральной Азии: концепции, хронология и пути распространения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2023. Т. 68, вып. 4. С. 1039–1071. doi: 10.21638/spbu02.2023.413
- Bar-Yosef O. The dispersal of modern humans in Eurasia: a cultural interpretation // *Rethinking the human revolution: new behavioural and biological perspectives on the origin and dispersal of modern humans* / eds P. Mellars, K. Boyle, O. Bar-Yosef, C. Stringer. Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2007. P. 207–217.
- Derevianko A. The Middle to Upper Paleolithic Transition and Formation of *Homo sapiens sapiens* in Eastern, Central and Northern Asia. Novosibirsk: IAET SB, 2009.
- Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic raw material exploitation in the Sibiriyachikha facies, the Middle Paleolithic of Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2015. № 43 (3). P. 3–16.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P. The Kara-Bom site and the characteristics of the Middle-Upper Paleolithic transition in the Altai // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2000. № 2. P. 33–52.
- Dinnis R. The Paviland burin, the burin busqué and Aurignacian occupation of Britain // *Anthropological Prehistorica*. 2011. Vol. 122. P. 5–17.
- Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Devière T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia) // *Journal of Human Evolution*. 2019. Vol. 127. P. 21–40.
- Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kurbanov R.N. Archaeological evidence for two culture diverse Neanderthal populations in the North Caucasus and contacts between them // *PLoS One*. 2023. Vol. 18(4). P. e0284093.
- Ghasidian E., Heydari-guran S., Mirazon Lahr M. Upper Paleolithic cultural diversity in the Iranian Zagros Mountains and the expansion of modern humans into Eurasia // *Journal of Human Evolution*. 2019. Vol. 132. P. 101–118.
- Gicqueau A., Schuh A., Henrion J. Anatomically modern human in the Châtelperronian hominin collection from the Grotte du Renne (Arcy-sur-Cure, Northeast France) // *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13. P. 12682. doi: 10.1038/s41598-023-39767-2
- Jordan P. *Technology as Human Social Tradition: Cultural Transmission among Hunter-Gatherers*. Berkeley: University Berkeley, 2015.
- Harvati K., Rösing C., Bosman A.M. Apidima Cave fossils provide earliest evidence of *Homo sapiens* in Eurasia // *Nature*. 2019. Vol. 571. P. 500–504. doi: 10.1038/s41586-019-1376-z
- Hershkovitz G.W., Weber M., Quam M., Duval R., Grün L., Kinsley A., Ayalon M., Bar-Matthews H., Valladas N., Mercier J.L., Arsuaga M., Martínón-Torres J.M., Bermúdez de Castro C., Fornai L., Martín-Francés R., Sarig H., May V.A., Krenn V., Slon L., Rodríguez R., García C., Lorenzo J.M., Carretero A., Frumkin R., Shahack-Gross D.E., Bar-Yosef O., Mayer Y., Cui X., Wu N., Peled I., Groman-Yaroslavski L., Weissbrod R., Yeshurun A., Tsatskin Y., Zaidner Y., Weinstein-Evron M. The earliest modern humans outside Africa // *Science*. 2018. Vol. 359. P. 456–459.
- Higham T., Douka K., Wood R. The timing and spatiotemporal patterning of Neanderthal disappearance // *Nature*. 2014. Vol. 512. P. 306–309. doi: 10.1038/nature13621

- Hublin J.J., Sirakov N., Aldeias V. Initial Upper Palaeolithic Homo sapiens from Bacho Kiro Cave, Bulgaria // *Nature*. 2020. Vol. 581. P. 299–302. doi: 10.1038/s41586-020-2259-z
- Hui J., Balzeau A. The diploic venous system in Homo neanderthalensis and fossil Homo sapiens: A study using high-resolution computed tomography // *American Journal of Biological Anthropology*. 2023. Vol. 182 (3). P. 412–427. doi: 10.1002/ajpa.24843
- Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krivoschapkin A.I., Markin S.V., Rudaya N.A., Jacobs Z., Li B., Morley M.W., O’Gorman K., Krajcarz M.T., Uthmeier T., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2020. № 117 (6). doi: 10.1073/pnas.1918047117
- Kolodny O., Creanza N., Feldman M.W. Evolution in leaps: The punctuated accumulation and loss of cultural innovations // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2015. Vol. 112 (49). P. E6762–E6769.
- Kolobova K., Kharevich A., Bocharova E., Pavlenok G., Muhtorov G., Khudzhageldiev T., Zhdanov R., Olsen J., Krivoschapkin A. Migration tracking from archaeological data: the case of carinated technology in western Central Asia // *Archaeological and Anthropological Science*. 2024 (in press).
- Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Derevianko A.P., Islamov U.I. The Upper Paleolithic Site of Dodekatym-2 in Uzbekistan // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2011. № 39 (4). P. 2–21.
- Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in central Asia and Siberia // *Nature*. 2007. № 449. P. 902–904. doi: 10.1038/nature06193
- Larichev V., Khol’ushkin U., Laricheva I. The Upper Paleolithic of Northern Asia: Achievements, problems, and perspectives. III. Northeastern Siberia and the Russian Far East // *Journal of World Prehistory*. 1992. № 6. P. 441–476. doi: 10.1007/BF00975634
- Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G., Merrett D.C., Rohland N., Mallick S., Fernandes D., Novak M., Gamarra B., Sirak K., Connell S., Stewardson K., Harney E., Fu Q., Gonzalez-Fortes G., Jones E.R., Roodenberg S.A., Lengyel G., Bocquentin F., Gasparian B., Monge J.M., Gregg M., Eshed V., Mizrahi A.S., Meiklejohn C., Gerritsen F., Bejenaru L., Blüher M., Campbell A., Cavalleri G., Comas D., Froguel P., Gilbert E., Kerr S.M., Kovacs P., Krause J., McGettigan D., Merrigan M., Merriwether D.A., O’Reilly S., Richards M.B., Semino O., Shamoony-Pour M., Stefanescu G., Stumvoll M., Tönjes A., Torroni A., Wilson J.F., Yengo L., Hovhannisyan N.A., Patterson N., Pinhasi R., Reich D. Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East // *Nature*. 2016. Vol. 536 (7617). P. 419–424. doi: 10.1038/nature19310
- Machado G., Mallol C., Hernández C.M. Insights into Eurasian Middle Paleolithic Settlement Dynamics: The Palimpsest Problem // *Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age* / eds by N. Conard, A. Delagnes. Tübingen: Kerns Verlag, 2015. P. 383–410.
- Marks A.E., Ferring C.R. The Early Upper Palaeolithic of the Levant, The Early Upper Palaeolithic: Evidence from Europe and the Near East // *British Archaeological Reports* / eds by J.E. Hoffecker, C.A. Wolf. Series 437. Oxford, 1988. P. 43–72.
- Muller A., Clarkson C., Shipton C. Measuring behavioural and cognitive complexity in lithic technology throughout human evolution // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2017. Vol. 48. doi: 10.1016/j.jaa.2017.07.006
- Mellars A. A new radiocarbon revolution and the dispersal of modern humans in Eurasia // *Nature*. 2006. Vol. 439. P. 931–935.
- Nielsen T.K., Benito B.M., Svenning J.C., Sandel B., McKerracher L., Riede, Kjærsgaard F.P.C. Investigating Neanderthal dispersal above 55°N in Europe during the Last Interglacial Complex // *Quaternary International*. 2017. Vol. 431. P. 88–103.
- O’Brien M.J., Buchanan B., Ehren. M. Convergent evolution in stone-tool technology. London: The MIT Press, 2018.

- Olszewski D.* The Zarzian in the Context of the Epipaleolithic Middle East // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2012. Vol. 19. P. 1–20.
- Olszewski D.I., Dibble H.L.* The Zagros Aurignacian // *Current Anthropology*. 1994. № 35. P. 68–75.
- Picin A., Hajdinjak M., Nowaczewska W. et al.* New perspectives on Neanderthal dispersal and turnover from Stajnia Cave (Poland) // *Scientific Reports*. 2020. Vol. 10. P. 14778.
- Richter T., Garrard A.N., Allock S., Maher L.A.* Interaction before Agriculture: Exchanging Material and Sharing Knowledge in the Final Pleistocene Levant // *Archaeological Journal*. 2011. Vol. 21. P. 95–114. doi: 10.1017/S0959774311000060
- Romagnoli F., Chabai V., Gravina B., Hérisson D., Hovers E., Moncel M.H., Peresani M., Uthmeier T., Bourguignon L., Chacón M.G., Modica K., Faivre J.P., Kolobova K., Malinski-Buller A., Neruda P., Rios Garaizar J., Weiss M., Wiśniewski A., Wragg Sykes R.* Neanderthal technological variability: a wide-ranging geographical perspective of the final Middle Palaeolithic // *Updating Neanderthals*. Editors: Romagnoli F., Rivals F., Benazzi S. Elsevier monographies. 2022b. P. 163–204. doi: 10.1016/B978-0-12-821428-2.00012-3
- Romagnoli F., Rivals F., Benazzi S.* Updating Neanderthals: Taking stock of more than 160 years of studies // *Updating Neanderthals / eds by F. Romagnoli, F. Rivals, S. Benazzi*. Elsevier monographies, 2022a. P. 1–15.
- Rybin E.* Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // *Quaternary International*. 2014. Vol. 347. P. 39–52.
- Saltré F., Chadœuf J., Higham T.* Environmental conditions associated with initial northern expansion of anatomically modern humans // *Nature Communication*. 2024. Vol. 15. P. 4364. doi: 10.1038/s41467-024-48762-8
- Shoae M.J., Vahdati Nasab H., Storozum M., Frenzel P., Akhavan Kharazian M., Fernandes R., Hashemi S.M., Jayez M., Amano N., Marzban Abbasabadi B., Aalipoor M., Lucas M., Marzo S., Ilgner J., Patalano R., Roberts P., Boivin N., Petraglia M.* Initial Upper Paleolithic in the Zagros Mountains // *Frontiers in Earth Science*. 2024. Vol. 12. P. 1352099.
- Sikora M., Pitulko V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giam-poudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Y., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Excoffier L., Willerslev E.* The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // *Nature*. 2019. № 570. P. 182–188. doi: 10.1038/s41586-019-1279-z
- Slimak L.* The three waves: Rethinking the structure of the first Upper Paleolithic in Western Eurasia // *PLoS One*. 2023. Vol. 18. P. 1–20.
- Snyder W.D., Reeves J.S., Tennie C.* Early knapping techniques do not necessitate cultural transmission // *Science Advances*. 2022. Vol. 2894. P. 1–14.
- Sokal R.R., Oden N.L., Wilson C.* Genetic evidence for the spread of agriculture in Europe by demic diffusion // *Nature*. 1991. Vol. 6322. P. 143–145.
- Soressi M., Roussel M.* European Middle to Upper Paleolithic Transitional Industries: Châtelperronian // *Encyclopedia of Global Archaeology / ed. by C. Smith*. New York: Springer, NY, 2014. P. 2679–2692. doi: 10.1007/978-1-4419-0465-2_1852
- Teyssandier N.* Revolution or evolution: the emergence of the Upper Paleolithic in Europe // *World Archaeology*. 2008. № 40 (4). P. 493–519.
- Tostevin G.B.* A quest for antecedents: A comparison of the Terminal Middle Palaeolithic and Early Upper Palaeolithic of the Levant // *More than meets the eye: Studies on Upper Palaeolithic diversity in the Near East / ed by A.N. Go*. Oxford: Oxbow Books, 2003. P. 54–67.

- Tsanova T. The beginning of the Upper Paleolithic in the Iranian Zagros. A taphonomic approach and techno-economic comparison of Early Baradostian assemblages from Warwasi and Yafteh (Iran) // *Journal of Human Evolution*. 2013. Vol. 65. P. 39–64.
- Vernot B., Zavala E.I., Gómez-Olivencia A., Jacobs Z., Slon V., Mafessoni F., Romagné F., Pearson A., Petr M., Sala N., Pablos A., Aranburu A., de Castro J.M.B., Carbonell E., Li B., Krajcarz M.T., Krivoschapkin A.I., Kolobova K.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V. Derevianko A.P., Viola B., Grote S., Essel E., Herráez D.L., Nagel S., Nickel B., Richter J., Schmidt A., Peter B., Kelso J., Roberts R.G., Arsuaga J.-L., Meyer M. Unearthing Neanderthal population history using nuclear and mitochondrial DNA from cave sediments // *Science*. 2021. Vol. 372.
- Yeh D.J., Fogarty L., Kandler A. Cultural linkage: The influence of package transmission on cultural dynamics // *Proceedings of the Royal Society*. 2019. Vol. 286 (1916). P. 20191951.
- Zwyns N. The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersal // *Journal of Paleolithic Archaeology*. 2021. Vol. 4. Art. no. 19. doi: 10.1007/s41982-021-00085-6
- Zwyns N. Laminar technology and the onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia. Leiden: Leiden University Press, 2012.
- Zwyns N., Paine C.H., Tsedendorj B., Talamo S., Fitzsimmons K.E., Gantumur A. The northern route for human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia // *Scientific Reports*. 2019. Vol. 9 (1).
- Zwyns N., Roebroeks W., McPherron S.P., Jagich A., Hublin J.-J. Comment on “Late Mousterian Persistence near the Arctic Circle” // *Science*. 2012. Vol. 335. P. 167. doi: 10.1126/science.1209908

References

- Bar-Yosef O. (2007) The dispersal of modern humans in Eurasia: a cultural interpretation. In: *Rethinking the human revolution: new behavioural and biological perspectives on the origin and dispersal of modern humans* / Editors P. Mellars, K. Boyle, O. Bar-Yosef, C. Stringer. Cambridge: McDonald Institute Monographs, pp. 207–217.
- Derevianko A. (2009) *The Middle to Upper Paleolithic Transition and Formation of Homo sapiens sapiens in Eastern, Central and Northern Asia*. Novosibirsk: IAET SB.
- Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. (2015) Lithic raw material exploitation in the Sibiryachikha facies, the Middle Paleolithic of Altai, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 43(3), pp. 3–16.
- Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P. (2000) The Kara-Bom site and the characteristics of the Middle-Upper Paleolithic transition in the Altai, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 2, pp. 33–52.
- Dinnis R. (2011) The Paviland burin, the burin busqué and Aurignacian occupation of Britain, *Anthropological Præhistorica*, Vol. 122, pp. 5–17.
- Dinnis R., Bessudnov A., Reynolds N., Deviesè T., Pate A., Sablin M., Sinitsyn A., Higham T. (2019) New data for the Early Upper Paleolithic of Kostenki (Russia), *Journal of Human Evolution*, Vol. 127, pp. 21–40.
- Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kurbanov R.N. (2023) Archaeological evidence for two culture diverse Neanderthal populations in the North Caucasus and contacts between them, *PLoS One*, Vol. 18(4), P.e0284093.
- Ghasidian E, Heydari-guran S, Mirazon Lahr M. (2019) Upper Paleolithic cultural diversity in the Iranian Zagros Mountains and the expansion of modern humans into Eurasia, *Journal of Human Evolution*, Vol. 132, pp. 101–118.
- Gicqueau A., Schuh A., Henrion J. (2023) Anatomically modern human in the Châtelperronian hominin collection from the Grotte du Renne (Arcy-sur-Cure, Northeast France), *Scientific Reports*, Vol. 13, pp. 12682. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-39767-2>

- Harvati K., Röding C., Bosman A.M. (2019) Apidima Cave fossils provide earliest evidence of *Homo sapiens* in Eurasia, *Nature*, Vol. 571, pp. 500–504. <https://doi.org/10.1038/s41586-019-1376-z>
- Hershkovitz G.W., Weber R., Quam M., Duval R., Grün L., Kinsley A., Ayalon M., Bar-Matthews H., Valladas N., Mercier J.L., Arsuaga M., Martínón-Torres J.M., Bermúdez de Castro C., Fornai L., Martín-Francés R., Sarig H., May V.A., Krenn V., Slon L., Rodríguez R., García C., Lorenzo J.M., Carretero A., Frumkin R., Shahack-Gross D.E., Bar-Yosef O., Mayer Y., Cui X., Wu N., Peled I., Groman-Yaroslavski L., Weissbrod R., Yeshurun A., Tsatskin Y., Zaidner Y., Weinstein-Evron M. (2018) The earliest modern humans outside Africa, *Science*, Vol. 359, pp. 456–459.
- Higham T., Douka K., Wood R. (2014) The timing and spatiotemporal patterning of Neanderthal disappearance, *Nature*, Vol. 512, pp. 306–309. <https://doi.org/10.1038/nature13621>
- Hublin J.J., Sirakov N., Aldeias V. (2020) Initial Upper Palaeolithic *Homo sapiens* from Bacho Kiro Cave, Bulgaria, *Nature*, Vol. 581, pp. 299–302. <https://doi.org/10.1038/s41586-020-2259-z>
- Hui J., Balzeau A. (2023) The diploic venous system in *Homo neanderthalensis* and fossil *Homo sapiens*: A study using high-resolution computed tomography, *American Journal of Biological Anthropology*, Vol. 182(3), pp. 412–427. <https://doi.org/10.1002/ajpa.24843>
- Jordan P. (2015) *Technology as Human Social Tradition: Cultural Transmission among Hunter-Gatherers*. Berkeley: University Berkeley.
- Kolobova K., Kharevich A., Bocharova E., Pavlenok G., Muhtorov G., Khudzhageldiev T., Zhdanov R., Olsen J., Krivoschapkin A. (2024) Migration tracking from archaeological data: the case of carinated technology in western Central Asia, *Archaeological and Anthropological Science*. (in press).
- Kolobova K.A., Krivoschapkin A.I., Derevianko A.P., Islamov U.I. (2011). The Upper Paleolithic Site of Dodekatym-2 in Uzbekistan, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. no. 39(4). pp. 2–21.
- Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Shalagina A.V., Krivoschapkin A.I., Markin S.V., Rudaya N.A., Jacobs Z., Li B., Morley M.W., O’Gorman K., Krajcarz M.T., Uthmeier T., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. (2020). Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 117(6). <https://doi.org/10.1073/pnas.1918047117>.
- Kolodny O., Creanza N., Feldman M.W. (2015) Evolution in leaps: The punctuated accumulation and loss of cultural innovations, *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, Vol. 112(49), pp. E6762–E6769.
- Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. (2007) Neanderthals in central Asia and Siberia, *Nature*, no. 449, pp. 902–904. <https://doi.org/10.1038/nature06193>
- Larichev V., Khol’ushkin U., Laricheva I. (1992) The Upper Paleolithic of Northern Asia: Achievements, problems, and perspectives. III. Northeastern Siberia and the Russian Far East, *Journal of World Prehistory*, no. 6, pp. 441–476. <https://doi.org/10.1007/BF00975634>
- Lazaridis I., Nadel D., Rollefson G., Merrett D.C., Rohland N., Mallick S., Fernandes D., Novak M., Gamarra B., Sirak K., Connell S., Stewardson K., Harney E., Fu Q., Gonzalez-Fortes G., Jones E.R., Roodenberg S.A., Lengyel G., Bocquentin F., Gasparian B., Monge J.M., Gregg M., Eshed V., Mizrahi A.S., Meiklejohn C., Gerritsen F., Bejbaru L., Blüher M., Campbell A., Cavalleri G., Comas D., Froguel P., Gilbert E., Kerr S.M., Kovacs P., Krause J., McGettigan D., Merrigan M., Merriwether D.A., O’Reilly S., Richards M.B., Semino O., Shamoony-Pour M., Stefanescu G., Stumvoll M., Tönjes A., Torroni A., Wilson J.F., Yengo L., Hovhannisyann N.A., Patterson N., Pinhasi R., Reich D. (2016) Genomic insights into the origin of farming in the ancient Near East, *Nature*, Vol. 536(7617), pp. 419–424. doi: 10.1038/nature19310.
- Machado G., Mallol C., Hernández C.M. (2015) Insights into Eurasian Middle Paleolithic Settlement Dynamics: The Palimpsest Problem. In: *Settlement Dynamics of the Middle*

- Paleolithic and Middle Stone Age* / Editors: Conard N., Delagnes A., Tübingen: Kerns Verlag, pp. 383–410.
- Marks A.E., Ferring C.R. (1988) The Early Upper Palaeolithic of the Levant, The Early Upper Palaeolithic: Evidence from Europe and the Near East, *British Archaeological Reports*. Editors J.E. Hoffecker, C.A. Wolf. Series 437, Oxford, pp. 43–72.
- Mellars A. (2006) A new radiocarbon revolution and the dispersal of modern humans in Eurasia, *Nature*, Vol. 439, pp. 931–935.
- Muller A., Clarkson C., Shipton C. (2017) Measuring behavioural and cognitive complexity in lithic technology throughout human evolution, *Journal of Anthropological Archaeology*, Vol. 48. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2017.07.006>.
- Nielsen T.K., Benito B.M., Svenning J.C., Sandel B., McKerracher L., Riede, Kjærgaard F.P.C. (2017) Investigating Neanderthal dispersal above 55°N in Europe during the Last Interglacial Complex, *Quaternary International*, Vol. 431, pp. 88–103.
- O'Brien M.J., Buchanan B., Ehren. M. (2018) *Convergent evolution in stone-tool technology*. London: The MIT Press.
- Olszewski D. (2012) The Zarzian in the Context of the Epipaleolithic Middle East, *International Journal of Humanities and Social Science*, Vol. 19, pp. 1–20.
- Olszewski D.I., Dibble H.L. (1994) The Zagros Aurignacian, *Current Anthropology*, no. 35, pp. 68–75.
- Picin A., Hajdinjak M., Nowaczewska W. et al. (2020) New perspectives on Neanderthal dispersal and turnover from Stajnia Cave (Poland), *Scientific Reports*, Vol. 10, 14778.
- Richter T., Garrard A.N., Allock S., Maher L.A. (2011) Interaction before Agriculture: Exchanging Material and Sharing Knowledge in the Final Pleistocene Levant, *Archaeological Journal*, Vol. 21, pp. 95–114. <https://doi.org/10.1017/S0959774311000060>
- Romagnoli F., Chabai V., Gravina B., Hérissou D., Hovers E., Moncel M.H., Peresani M., Uthmeier T., Bourguignon L., Chacón M.G., Modica K., Faivre J.P., Kolobova K., Malinski-Buller A., Neruda P., Rios Garaizar J., Weiss M., Wiśniewski A., Wragg Sykes R. (2022b) Neanderthal technological variability: a wide-ranging geographical perspective of the final Middle Palaeolithic. In: *Updating Neanderthals*. Editors: Romagnoli F., Rivals F., Benazzi S. Elsevier monographies, pp. 163–204. DOI: 10.1016/B978-0-12-821428-2.00012-3
- Romagnoli F., Rivals F., Benazzi S. (2022a) Updating Neanderthals: Taking stock of more than 160 years of studies. In: *Updating Neanderthals*. Editors: Romagnoli F., Rivals F., Benazzi S. Elsevier monographies, pp. 1–15.
- Rybin E. (2014) Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia, *Quaternary International*, Vol. 347, pp. 39–52.
- Rybin E.P., Khatsenovich A.M. (2023) The Concepts, Chronology and Dispersal Routes of the Initial Upper Paleolithic of South Siberia and Central Asia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 68, Is. 4, pp. 1039–1071. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.413> (in Russian)
- Rybin E.P., Kolobova K.A. (2004) Структура каменныkh индустрии и функциональ'nye osobennosti paleoliticheskikh pamiatnikov Gornogo Altaia [The structure of stone industries and functional features of Paleolithic monuments of Gorny Altai], *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, no. 4 (20), pp. 20–34.
- Rybin E.P., Kolobova K.A. (2009) Srednii paleolit Altaia: variabel'nost' i evoliutsiia [The Middle Paleolithic of Altai: Variability and Evolution], *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya*, no. 1, pp. 33–78.
- Saltré F., Chadœuf J., Higham T. (2024) Environmental conditions associated with initial northern expansion of anatomically modern humans, *Nature Communication*, Vol. 15, P. 4364. <https://doi.org/10.1038/s41467-024-48762-8>
- Shoae M.J., Vahdati Nasab H., Storozum M., Frenzel P., Akhavan Kharazian M., Fernandes R., Hashemi S.M., Jayez M., Amano N., Marzban Abbasabadi B., Aalipoor M., Lucas M., Marzo S., Ilgner J., Patalano R., Roberts P., Boivin N., Petraglia M. (2024) Initial Upper Paleolithic in the Zagros Mountains, *Frontiers in Earth Science*, Vol. 12, P. 1352099.

- Sikora M., Pitulko V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyrot M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Y., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Excoffier L., Willerslev E. (2019) The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene, *Nature*, no. 570, pp. 182–188. <https://doi.org/10.1038/s41586-019-1279-z>.
- Slimak L. (2023) The three waves: Rethinking the structure of the first Upper Paleolithic in Western Eurasia, *PLoS One*, Vol. 18, pp. 1–20.
- Snyder W.D., Reeves J.S., Tennie C. (2022) Early knapping techniques do not necessitate cultural transmission, *Science Advances*, Vol. 2894, pp. 1–14.
- Sokal R.R., Oden N.L., Wilson C. (1991) Genetic evidence for the spread of agriculture in Europe by demic diffusion, *Nature*, Vol. 6322, pp. 143–145.
- Soressi M., Roussel M. (2014) European Middle to Upper Paleolithic Transitional Industries: Châtelperronian. In: *Encyclopedia of Global Archaeology*. Editor Smith C. New York: Springer, NY, pp. 2679–2692. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-0465-2_1852
- Teysandier N. (2008) Revolution or evolution: the emergence of the Upper Paleolithic in Europe, *World Archaeology*, № 40(4), pp. 493–519.
- Tostevin G.B. (2003) A quest for antecedents: A comparison of the Terminal Middle Palaeolithic and Early Upper Palaeolithic of the Levant. In: *More than meets the eye: Studies on Upper Palaeolithic diversity in the Near East*. Editors: A.N. Go. Oxford: Oxbow Books, pp. 54–67.
- Tsanova T. (2013) The beginning of the Upper Paleolithic in the Iranian Zagros. A taphonomic approach and techno-economic comparison of Early Baradostian assemblages from Warwasi and Yafteh (Iran), *Journal of Human Evolution*, Vol. 65, pp. 39–64.
- Vernot B., Zavala E.I., Gómez-Olivencia A., Jacobs Z., Slon V., Mafessoni F., Romagné F., Pearson A., Petr M., Sala N., Pablos A., Aranburu A., de Castro J.M.B., Carbonell E., Li B., Krajcarz M.T., Krivoshepa A.I., Kolobova K.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Viola B., Grote S., Essel E., Herráez D.L., Nagel S., Nickel B., Richter J., Schmidt A., Peter B., Kelso J., Roberts R.G., Arsuaga J.-L., Meyer M. (2021) Unearthing Neanderthal population history using nuclear and mitochondrial DNA from cave sediments, *Science*, Vol. 372.
- Vishniatskii L.B. (2000) “Verkhnepaleoliticheskaia revoliutsiia”: geografiia, khronologiia, prichiny [“Upper Paleolithic Revolution”: Geography, Chronology, Causes], *Stratum Plus*, no. 1, pp. 245–271.
- Yeh D.J., Fogarty L., Kandler A. (2019) Cultural linkage: The influence of package transmission on cultural dynamics, *Proceedings of the Royal Society*, Vol. 286(1916), pp. 20191951.
- Zwyns N. (2012) *Laminar technology and the onset of the Upper Paleolithic in the Altai, Siberia*. Leiden: Leiden University Press.
- Zwyns N. (2021) The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersals, *Journal of Paleolithic Archaeology*. Vol. 4. 19. <https://doi.org/10.1007/s41982-021-00085-6>
- Zwyns N., Paine C.H., Tsendorj B., Talamo S., Fitzsimmons K.E., Gantumur A. (2019) The northern route for human dispersal in Central and Northeast Asia: New evidence from the site of Tolbor-16, Mongolia, *Scientific Reports*, Vol. 9(1).
- Zwyns N., Roebroeks W., McPherron S.P., Jagich A., Hublin J.-J. (2012) Comment on “Late Mousterian Persistence near the Arctic Circle”, *Science*, Vol. 335, P. 167. <https://doi.org/10.1126/science.1209908>.

Информация об авторах:

КОЛОБОВА Ксения Анатольевна – доктор исторических наук, профессор РАН, заведующая лабораторией «ЦифрА», Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: kolobovak@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kseniya A. Kolobova, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kolobovak@yandex.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 18 июня 2024;
принята к публикации 06 сентября 2024.*

*The article was submitted 18.06.2024;
accepted for publication 06.09.2024.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/2312461X/45/7

Специфика раннего верхнего палеолита Енисея: стоянка Сабаниха 3

Алена Владимировна Харевич¹,
Владимир Михайлович Харевич²,
Иван Дмитриевич Зольников³,
Алексей Михайлович Клементьев⁴,
Лидия Викторовна Зоткина⁵,
Антон Александрович Анойкин⁶,
Елена Васильевна Акимова⁷

^{1, 2, 5, 6, 7} *Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

³ *Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН,
Новосибирск, Россия*

⁴ *Институт земной коры СО РАН, Иркутск, Россия*
² *mihalich84@mail.ru*

Аннотация. Анализируется каменная индустрия стоянки Сабаниха 3, расположенной в среднем течении р. Енисей, в контексте ранних верхнепалеолитических комплексов Приенисейской Сибири, а также сопредельных регионов Южной Сибири и Центральной Азии. Стоянка представляет собой уникальный для долины Енисея комплекс с инситу культурным слоем, в котором было зафиксировано множество каменных артефактов, палеофаунистические остатки, а также костяные орудия и украшения. Калиброванный возраст стоянки на основании AMS дат был определен в интервале 30,000–31,000 тыс. л. Базируясь на новых данных со стоянки Сабаниха 3 и критически анализируя материалы из других РВП комплексов, была предпринята попытка систематизации данных о специфике и хронологии РВП Приенисейской Сибири. Сопоставление основных характеристик РВП комплексов с наиболее четкой стратиграфической позицией показало, что они характеризуются высоким уровнем однородности. Это проявляется, как в технологии первичного расщепления, так и в орудийном наборе. Для них характерно получение средних пластин в рамках однонаправленного объемного раскалывания, преобладание в орудийном наборе концевых скребков и остроконечников на ретушированных пластинах, интенсивно ретушированных пластин и наличие ряда специфических типов, таких как скребки-остроконечники, проколки и выемчатые орудия на пластинах. Мелкопластинчатое производство в данных комплексах очень ограничено. Исключение составляет верхний культурный горизонт Куртака 4, ориентированный на производство отщепов. Наиболее ранние пластинчатые индустрии появляются в регионе во второй половине МИС3 и продолжают свое существование до начала МИС2. Учитывая специфику первичного расщепления на фоне НВП-РВП комплексов соседних регионов, ближайшие аналогии Сабанихи 3 и других РВП комплексов Енисея просматриваются в Прибай-

калье, на стоянке Макарово-4, которая в последнее время рассматривается в рамках распространения феномена НВП сибирско-монгольского типа в северные районы на рубеже МИС3-МИС 2.

Ключевые слова: Северная Азия, Средний Енисей, ранний верхний палеолит, Сабаниха 3, каменная индустрия, украшения из камня

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 24-28-00216 «Древнее население Среднего Енисея в период раннего верхнего палеолита: палеотехнологии и особенности организации жилого пространства».

Для цитирования: Харевиц А.В., Харевиц В.М., Зольников И.Д., Клементьев А.М., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Акимова Е.В. Специфика раннего верхнего палеолита Енисея: стоянка Сабаниха 3 // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 146–173. doi: 10.17223/2312461X/45/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/45/7

The Specifics of the Early Upper Paleolithic of the Yenisei: Sabanikha 3 Site

Alena V. Kharevich¹, Vladimir M. Kharevich²,
Ivan D. Zolnikov³, Aleksei M. Klementiev⁴,
Lidiya V. Zotkina⁵, Anton A. Anokin⁶, Elena V. Akimova⁷

^{1, 2, 5, 6, 7} *Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia*

³ *Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the SB RAS, Novosibirsk, Russia*

⁴ *Institute of the Earth's Crust of the SB RAS, Irkutsk, Russia*

² *mihalich84@mail.ru*

Abstract. The article presents an analysis of the lithic assemblage from the Sabanikha 3 site (located in the middle reaches of the Yenisei River) within the context of EUP complexes in Yenisei Siberia, as well as in adjacent regions of Southern Siberia and Central Asia. The site represents a unique complex for the Yenisei Valley, comprising an undisturbed cultural layer. This layer has yielded a considerable number of lithic artefacts, faunal remains, bone tools and personal ornaments. The calibrated age of the site, based on AMS dating, was determined to be in the range of 30,000–31,000 years BP. Based on new data from the Sabanikha 3 site and a critical analysis of materials from other EUP complexes, an attempt was made to create an overview of the specifics and chronology of the EUP in Yenisei Siberia. A comparison of the principal characteristics of EUP complexes with the most distinct stratigraphic position revealed that they are distinguished by a notable degree of homogeneity. This is clearly demonstrated in both the core reduction technology and the toolkit. These complexes are characterised by the production of medium-sized blades from unidirectional volumetric cores. The toolset is dominated by end scrapers and retouched blade points, as well as retouched blades. Additionally, specific types such as end scraper-points, borers, and notched tools on blades are present. Bladelet production in these complexes is very limited, with the exception of the upper cultural horizon of Kurtak 4, which is focused on flake production. The earliest blade complexes appear in the region in the second half of MIS 3 and continue to exist into the early MIS 2. Considering the specifics of core reduction compared to IUP-EUP complexes of neighboring regions, the closest analogies to Sabanikha 3 and other EUP complexes of the Yenisei can be found in the

Baikal region, at the Makarovo-4 site, which has recently been considered within the framework of the spread of the EUP phenomenon of the Siberian-Mongolian type to northern regions at the MIS 3–MIS 2 boundary.

Keywords: North Asia, Middle Yenisei, Early Upper Palaeolithic, Sabanikha 3, lithic assemblage, lithic ornaments

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No. 24-28-00216 “Ancient population of the Middle Yenisei during the Early Upper Paleolithic period: paleotechnology and features of the organization of living space”.

For citation: Kharevich, A.V., Kharevich, V.M., Zolnikov, I.D., Klementiev, A.M., Zotkina, L.V., Anoikin, A.A. & Akimova, E.V. (2024) The Specifics of the Early Upper Paleolithic of the Yenisei: Sabanikha 3 Site. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp.146–173 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/7

Введение

Территория Средней Сибири, включающая бассейн Енисея, играет важную роль в изучении процессов освоения человеком Северной Евразии (Graf 2009; Васильев 2023; Rybin et al. 2023). Судя по большому количеству известных стоянок и местонахождений, этот регион активно заселялся человеком на протяжении всего верхнего палеолита (Абрамова и др. 1991; Васильев 1996). Появление на этой территории первых людей современного типа связывается с распространением на север индустрий НВП сибирско-монгольского типа (Rybin 2014; Rybin et al. 2023), хорошо известной по материалам Южной Сибири и восточной части Центральной Азии (Derevianko et al. 2007; Anoikin et al. 2019; Zwyns, Lbova 2019; Zwyns 2021). Более широкое распространение верхнепалеолитическая культура в бассейне Енисея получает в раннем верхнем палеолите (РВП) (Акимова, Харевич, Стасюк 2018а).

Важной проблемой изучения РВП Енисея является то, что все существующие культурно-хронологические схемы базируются в основном на материалах нестратифицированных или переотложенных памятников, что значительно снижает их исследовательский потенциал (Лисицын 2000; Лбова и др. 2013; Акимова и др. 2018б). На этом фоне уникальным для региона памятником культурным слоем, залегающим *in situ*, является стоянка Сабаниха, расположенная на левом берегу р. Енисей (сейчас Красноярское водохранилище). Стоянка была изучена на ограниченной площади (23 м²) Н.Ф. Лисицыным в 1991 г. По характеристике археологического материала и возрасту отложений она была отнесена к ранним этапам верхнего палеолита региона (Лисицын 1995). Однако материалы стоянки были опубликованы частично, и в основном представляют собой типологическое описание каменного материала (Лисицын 2000). Возраст комплекса был определен началом МИС 2.

За 30 лет, прошедших после прекращения раскопок Н.Ф. Лисицына, береговая линия непрерывно разрушалась вследствие волноприбойной активности водохранилища и отодвинулась более чем на 15 м (Мокринец 2013). В ходе недавних разведочных работ в районе расположения стоянки удалось выявить участки с сохранившимся культурным слоем (Харевич и др. 2020а). Из-за изменения береговой линии и несовершенства способов фиксации позиции стоянок в конце прошлого века точно определить место расположения раскопа Н.Ф. Лисицына затруднительно. Согласно полевым отчетам и опубликованным данным раскоп 1991 г. располагался не менее чем в 100 м к юго-востоку от шурфа 2020 г. и отделен от него древним логом (Лисицын 1992). В связи с этим была выделена новая стоянка, которая получила название Сабаниха 3.

В данной статье предлагается характеристика каменной индустрии нового стратифицированного памятника РВП Енисея – стоянки Сабаниха 3, и ее интерпретация в контексте РВП Приенисейской Сибири и сопредельных регионов.

Материалы и методы

Стоянка Сабаниха 3 расположена на высоком левом берегу р. Енисей и приурочена к вершине древнего лога Сабаниха, видимо, служившего естественным спуском к воде (рис. 1, 2, 1). Памятник демонстрирует хорошую сохранность культурного слоя (к.с.1), многочисленный археологический материал, непогреженные объекты (кострище) (Харевич и др. 2022).

В рамках данной статьи анализируется археологическая коллекция, полученная из в ходе раскопок 2022 г. (18 м²), общим количеством 5 392 экз. Для изучения коллекции каменного инвентаря был применен технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода, который подразумевает описание каждого отдельного изделия как совокупности выявленных признаков. Описание материала производилось по стандартному набору атрибутов, используемых для пластинчатых индустрий начального и раннего верхнего палеолита региона (Рыбин, Хацевич, Марченко 2019; Anokin et al. 2019). К отходам производства помимо обломков и чешуек были отнесены мелкие отщепы до 3 см, поскольку орудий на мелких сколах в коллекции не обнаружено. Все характеристики каменных артефактов фиксировались с использованием базы данных E4-MS-Access. Для измерений использовались цифровые штангенциркули. Для проведения статистических тестов использовалась программа PAST (Hammer, Harper, Ryan 2001).

При сопоставлении коллекции Сабаниха с синхронными комплексами Южной Сибири и Центральной Азии в первую очередь использовались признаки, выделяемые для систематизации памятников НВП и РВП Монголии, Забайкалья и Алтая (Рыбин и др. 2022: табл. 1–4; Рыбин, Хацевич 2023: табл. 1–3).

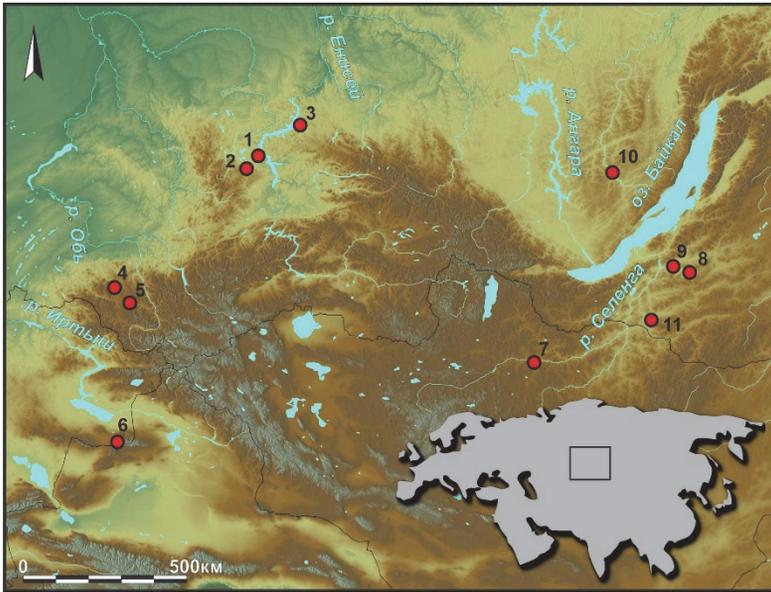

Рис. 1. Карта с расположением Сабанихи 3 и основных стоянок НВП/РВП Сибири и Центральной Азии, обозначенных в тексте: 1 – Сабаниха, Сабаниха 3; 2 – Малая Сяя; 3 – Дербина IV, V, Усть-Малтат II, Покровка II; 4 – Денисова пещера, Усть-каракол 1; 5 – Кара-Бом; 6 – Ушбулак; 7 – Толбор 4, 21; 8 – Толбага; 9 – Варварина гора, Каменка; 10 – Макарово 4; 11 – Подзвонкая

Стратиграфия

Представления о стратиграфии и условиях залегания культурного слоя были сформированы на основе изучения стратиграфического профиля раскопа и зачистки берегового обнажения, расположенной в 20 м к юго-востоку от раскопа. Оба разреза продемонстрировали схожее строение. Мощность вскрытых отложений составила 10 м. Было выделено 26 литологических слоев (Зольников и др. 2022), к одному из которых (слой 11) приурочен культурный слой, залегающий на глубине 5,5 м (рис. 2, 2).

Верхняя часть разреза (слои 2–10), залегающая над культурным слоем, сложена алевропесками. Граница МИС2–МИС3 соответствует слоям 6–7. Артефакты залегают в слое светло-серого неслоистого алевропеска с вкраплением углей и золы. Культурный слой подстилает слой неслоистого светло-серого алевропеска (солифлюксий) – слой 12, а под ним переслаивание серого мелкозернистого алевритового песка и коричневого алевропеска – слой 13 (Зольников и др. 2022). Эти отложения Н.Ф. Лисицын интерпретировал как палеопочву (слой 10 по: Лисицын 1995). Согласно нашему геологическому описанию в зачистке берегового обнажения, в 5 м от раскопа, палеопочва фиксируется ниже, на глубине 7 м (слой 11 по: Лисицын 1995), а отложения слоя 13 палеопочвой

не являются. Несмотря на разницу в интерпретации разреза (Зольников и др. 2022), стратиграфическая позиция культурного слоя Сабанихи 3 соответствует культурному слою стоянки Сабаниха раскопок 1991 г. (Лисицын 1995; 2000).

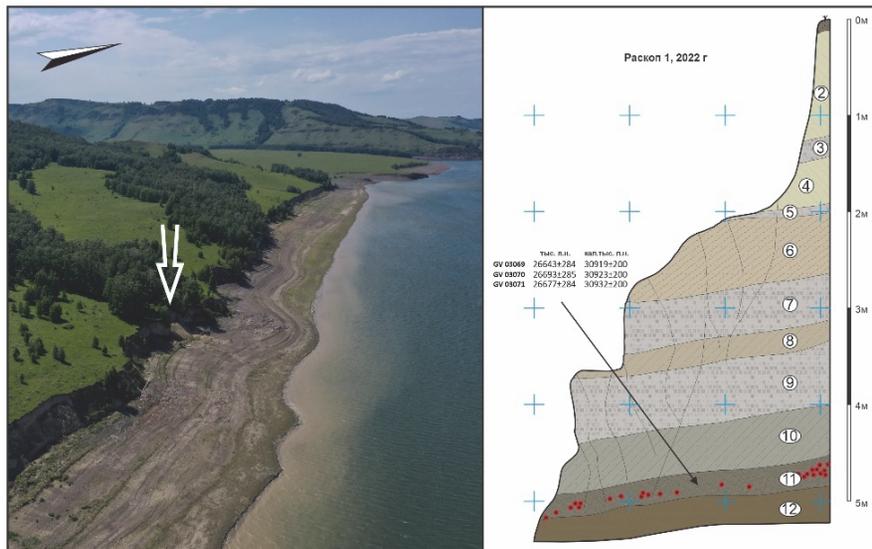

Рис. 2. Сабаниха 3: 1 – вид на стоянку; 2 – стратиграфия

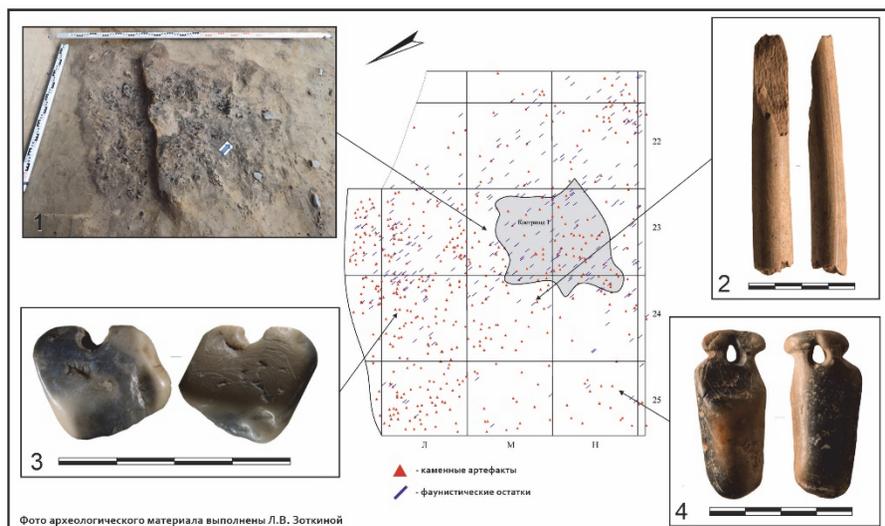

Рис. 3. Сабаниха 3: план раскопа 2022 г. и наиболее яркие находки:
 1 – фотография кострища; 2 – фрагментированный стерженек из рога;
 3–4 – каменные подвески

Мощность культурного слоя составляет 25 см. По всей его поверхности фиксируются угольки. Многочисленные артефакты залегают субгоризонтально и распределены относительно равномерно. В нижней части культурного слоя обнаружено кострище размером 1,5 на 1,1 м (рис. 3, 1).

Под слоем древесного угля было зафиксировано пятно прокала округлой формы (D: 80 см) мощностью до 17 см. При разборе прокала найдены несколько отщепов и фрагментов орудий. Выше кострища в юго-восточном углу раскопа было обнаружено скопление галечных орудий, крупных кортикальных сколов, фрагментов трубчатых костей и крупных обломков диабаз без следов искусственной обработки. Характер залегания артефактов и сохранность кострища указывают на непо тревоженный характер культурного слоя.

Палеонтологические данные и радиоуглеродный возраст

Количество определимых фаунистических остатков из раскопа 2022 г. составило 68 экз. Среди них преобладают остатки копытных: тонконогой лошади (*Hemionus* aut *Sussemionus*), массивной кабаллоидной лошади (*Equus ferus*) и сибирского горного козла (*Capra sibirica*), видимо, представлявших собой основные объекты охоты. Также найдены остатки северного (*Rangifer tarandus*) и благородного (*Cervus sp.*) оленей, сайги (*Saiga sp.*) и барана (*Ovis ammon*). В большинстве своем костные остатки относятся к конечностям или краниальному скелету. Все виды копытных являются преимущественно стадными, обитающими в открытых равнинных или горных ландшафтах. Также были найдены кости лисицы (*Vulpes vulpes*), видимо, принадлежавшие одной особи, и кости птицы.

По фрагментам костей из верхней, средней и нижней частей культурного слоя из шурфа 2020 г. были получены AMS даты 30 919±200 (GV 3069), 30 923±200 (GV 3070), 30 932±200 (GV 3071)¹.

Каменная индустрия

Общий состав коллекции, включая отходы производства (чешуйки, обломки, осколки, мелкие отщепы от 1 до 3 см), насчитывает 5 392 каменных изделия (табл. 1).

Нуклеусы (12 экз.) составляют 0,2% от общего числа артефактов (3% от коллекции без учета отходов производства). Большинство представлено подпризматическими однонаправленными ядрищами для пластин с овальным или трапециевидным поперечным сечением (рис. 4, 17–19, 21).

---

¹ Здесь и далее в статье указываются калиброванные значения возраста.

Таблица 1

Сабаниха 3, раскоп 2022 г. Типологический состав каменной индустрии

Показатель	N	%	%*
Нуклеусы	12	0,2	3,0
Микропластинки	6	0,1	1,5
Пластинки	23	0,4	5,7
Пластины	173	3,2	42,7
Пластинчатые отщепы	3	0,1	0,7
Отщепы > 3 см	164	3,0	40,5
Из них орудий	57	1,1	14,1
Отщепы 1–3 см	1619	30,0	—
Обломки/осколки	966	17,9	—
Чешуйки	2401	44,5	—
Колотые гальки	14	0,3	3,5
Галечные орудия	6	0,1	1,5
Отбойники/ретушеры	5	0,1	1,2
Всего	5392	100,0	

* – без учета отходов производства.

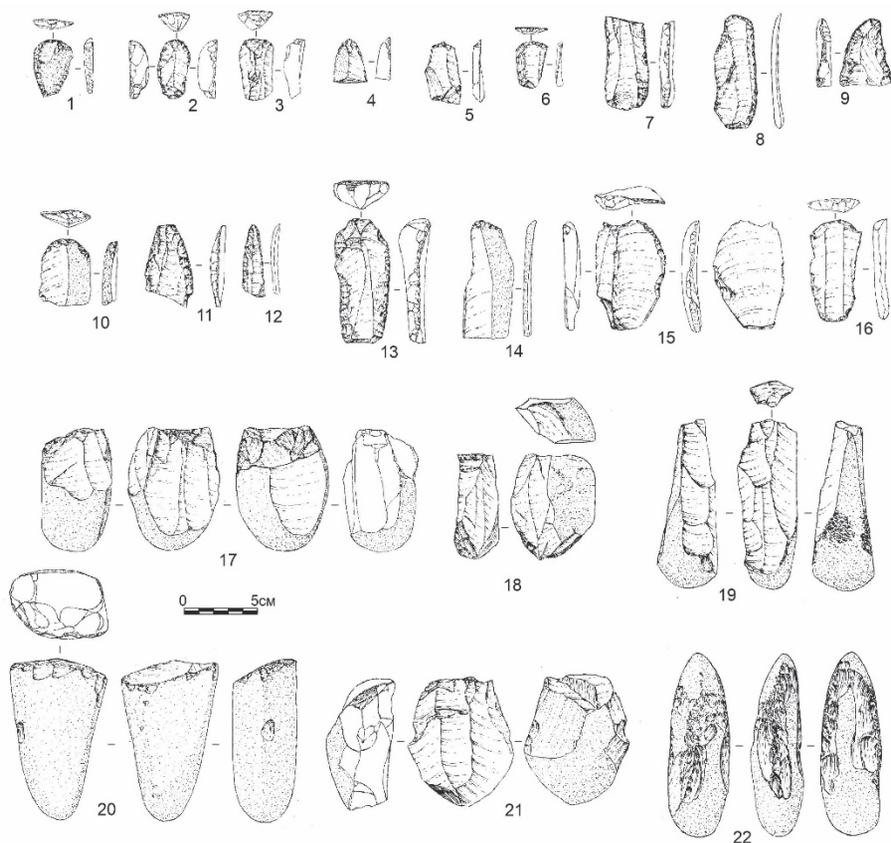

Рис. 4. Сабаниха 3. Каменные артефакты: 1–16 – орудия на пластинах; 17–19, 21 – нуклеусы; 20, 22 – галечные орудия

В единичных экземплярах представлен двухплощадочный монофронтальный нуклеус встречного скалывания для мелких пластин и торцовый одноплощадочный монофронтальный нуклеус, переоформленный из обломка широкофронтального нуклеуса. Также в коллекции присутствует один нуклеидный обломок, выбракованный на начальных стадиях редукции. Все нуклеусы выполнены на гальках и мелких валунах из аллювия реки Енисей. Инструменты расщепления представлены каменными отбойниками и ретушерами – 5 экз.

Индустрия сколов, включая заготовки орудий, составляет 369 экз. Высока доля пластин – 47% от индустрии сколов. Пластинки (22 экз.) и микропластины (6 экз.) составляют 8%, отщепы – 44%. Технические сколы (127 экз.) представлены в основном краевыми снятиями, первичными отщепами и пластинами, заметно меньше доля полуреберчатых пластин и сколов подправки ударных площадок.

Абсолютное большинство пластин фрагментировано, доля целых пластин составляет 7%, 45% демонстрируют наличие проксимальной части 45% пластин. Большинство сохранившихся ударных площадок многогранные/двугранные (47%) либо гладкие (43%). Большое значение (84%) имела дополнительная подправка площадки: редукция, обратная редукция, снятие карниза, часто фиксируется сочетание двух способов подправки. Также в коллекции было отмечено использование такого специфического приема, как пикетаж, который ранее фиксировался только в НВП сибирско-монгольского типа (Славинский и др. 2017; Харевич и др. 2020б). Предварительный анализ признаков, характеризующих технику скола, указывает на использование мягкого минерального отбойника.

Огранка дорсальной поверхности пластинчатых сколов характеризуется как однонаправленная (50%), однонаправленная естественная (28%) и однонаправленная полуреберчатая (8%). Доля пластин с бипродольной огранкой составляет 9%. Распределение пластинчатых сколов (в том числе фрагментированных) по ширине показывает, что в коллекции преобладают (84%) средние пластины со значением ширины 15–40 мм. Мелкопластинчатый компонент (ширина ≤ 15 мм) составляет 14%, пластины с шириной > 40 мм представлены двумя предметами. Длина большей части целых пластин превышает 50 мм, максимальная длина составляет 94 мм.

Судя по значительной доле пластин и морфологии нуклеусов, первичное расщепление на стоянке было направлено на получение средних пластин длиной до 10 см в рамках параллельного однонаправленного расщепления подпризматических нуклеусов мягким, предположительно минеральным, отбойником. Мелкопластинчатый компонент коллекции маловыразителен. Получение отщепов скорее носило вспомогательный характер.

Орудийный набор индустрии Сабанихи-3 (57 экз.) характеризуется преобладанием орудий на пластинах – 70%. Наиболее яркую часть орудийного набора составляют скребки (18 экз.) (рис. 4, 1–4, 6, 10, 13, 16). Абсолютно преобладают концевые скребки на пластинах, зачастую ретушированных по одному или двум продольным краям, два концевых скребка выполнены на отщепках. Единичны угловые скребки на пластинах, угловые и боковой скребки на отщепках, скребок-остроконечник. В нескольких экземплярах найдены остроконечники на пластинах, угловые проколки на пластинах и отщепе (рис. 4, 15), одинарное и двойное скребла, тронкированные пластины. Заметна доля галечных орудий (7 экз.), представленных чопперами и стругами (рис. 4, 20, 22). Остальную часть орудийного набора составляют пластины (18 экз.) и отщепы (3 экз.) с ретушью, обломки неопределимых орудий (9 экз.).

Костяные орудия и украшения

Отличительной особенностью комплекса Сабанихи 3 является наличие развитой костяной индустрии. Среди законченных предметов выделяется два костяных ретушера, а также два стерженька, выполненных из рога (см. рис. 3, 2). Предположительно они представляют собой обломки наконечников метательных орудий. Также в коллекции были найдены фрагменты расколотого рога и множество колотых трубчатых костей. Наличие негативов сколов не только на внутренней, но и на внешней поверхности кости указывает на их преднамеренное формообразование с целью создания заготовок (Селецкий и др. 2019).

Кроме того, найдены две подвески из камня. Первое изделие (рис. 3, 4) имеет подцилиндрическую форму и выраженный, оформленный подвес. Отверстие выполнено биконическим сверлением, а по большей части поверхности предмета фиксируются многочисленные следы скобления, подпиливания, а также полировки, которая, возможно, связана с ношением подвески. Второй предмет незакончен (см. рис. 3, 3) отверстие на нем, изначально намеченное слишком близко к краю, сломано, очевидно, в результате несовпадения направлений биконического сверления. На плоскости есть участок со следами повторной попытки сверления. На противоположной плоскости фиксируются выраженные следы скобления, аналогичные первому предмету

Дискуссия

К ранним этапам верхнего палеолита Приенисейской Сибири относят стоянки Усть-Малтат I, II, Дербина IV, V, VII, Покровка I, II, Каштанк IA (Акимова и др. 2018a), Сабаниха, Куртак 4, 5 (Лисицын 2000), Малая

Сыя (Холюшкин 2009; Лбова и др. 2013). Хронологические рамки существования данных комплексов по имеющимся абсолютным и относительным датировкам определяются серединой МИС3 – началом МИС2 (Акимова и др. 2018б). Все они, по мнению исследователей региона, принадлежат к единой культурной традиции, которая характеризуется первичным расщеплением, направленным на производство пластин преимущественно в рамках однонаправленного объемного расщепления; преобладанием в орудийном наборе скребков и остроконечников на ретушированных пластинах, пластин с интенсивной ретушью продольных краев и практически полным отсутствием резцов. В качестве характерной особенности ряда комплексов (Усть-Малтат II, Дербина V) часто указывается развитая традиция изготовления овальных и остроконечных бифасов (Акимова и др. 2018а). Однако она выделяется не везде. Также не во всех ранних верхнепалеолитических комплексах фиксируется развитая костяная индустрия и традиция изготовления украшений из камня, хорошо представленная в Сабанихе, Куртаке 4 и Малой Сые (Лисицын 2000; Барков, Лбова 2017).

На фоне общей технологической однородности индустрий отмечаются различия, связанные с преобладанием отщеповых или пластинчатых сколов-заготовок в орудийном наборе. В связи с этим выделяются два варианта комплексов в рамках группы памятников РВП: «дербинский» пластинчатый (Усть-Малтат II, Дербина V, ранний комплекс, Покровка I, Покровка II, Дербина IV, Дербина VII) и отщеповый «усть-малтатский» (Усть-Малтат I, поздний комплекс Дербина V). Для второго, в дополнение к общим признакам, характерно большое количество кареноидных скребков и остроконечников на отщепах. Возможно, с ним же связано наличие миниатюрных, тщательно оформленных листовидных бифасов. Предполагается, что эти варианты могут являться этапами последовательного развития РВП Енисея: от пластинчатой индустрии к отщеповой с сохранением основных приемов технологии первичного расщепления, ведущих форм орудий и бифасиальной обработки (Акимова и др. 2018б). Отдельно на этом фоне выделяется полностью отщеповая индустрия Куртака 4 (Лисицын 2000).

В качестве основного источника происхождения данных культурных традиций рассматривается РВП Горного Алтая (Лисицын 2000; Акимова и др. 2018б). Некоторые ранние комплексы бассейна Енисея (Усть-Малтат II) в силу наличия единичных орудий-маркеров и ассоциированной с ними ранней хронологии рассматриваются в рамках распространения в северные районы технокомплекса НВП сибирско-монгольского типа (Rybin 2014; Rybin et al. 2023).

Важной проблемой изучения РВП комплексов Приенисейской Сибири является то, что большинство из них не имеет четких хронострати-

графических позиций. Основные выводы об облике индустрий Дербинского залива базируются на коллекции подъемных материалов, при этом на ряде памятников помимо непосредственно ранних верхнепалеолитических индустрий фиксируются комплексы более позднего периода (Акимова и др. 2018б). Соответственно, материал из этих комплексов мог попасть в подъемные сборы, ассоциированные с РВП. Условия осадконакопления в месте обнаружения стоянок таковы, что даже материал из культурного слоя часто залегает в переотложенных палеопочвах (Там же). В том числе это касается стоянки Малая Сья, расположенной на небольшом отдалении к западу от русла Енисея, на р. Белый Июс – притоке р. Чулым (Холюшкин 2009). Последние рекогносцировочные работы показали сложный характер формирования отложений и вероятное залегание культурного слоя в переотложенной палеопочве (Лбова и др. 2013).

В данном контексте культурная интерпретация материалов стоянки Сабаниха 3 приобретает дополнительное значение. В отличие от большинства памятников региона она имеет четкую хроностратиграфию и исключает возможность примеси технико-типологических элементов из более поздних или ранних комплексов. Соответственно, это способствует упорядочиванию представлений о РВП Енисея.

Для понимания места Сабанихи 3 в контексте РВП региона мы постарались выделить комплексы и характеристики местного РВП, которые имеют наиболее четкий культурно-хронологический контекст. Учитывая наличие стратифицированной коллекции, степень переотложенности склоновых отложений, с которыми ассоциирован археологический материал, а также присутствие более поздних комплексов выше по разрезу или по соседству в разрушающейся береговой линии, мы выделили для сопоставления наиболее «чистые» комплексы. К ним относится коллекция из к.с. стоянки Дербина IV – 2 445 экз., которая практически не испытывала перемещений; объединенные экспонированные и стратифицированные коллекции местонахождений Усть-Малтат II – 1 202 экз., Дербина VII – 443 экз., Покровка II – 2 208 экз., которые ассоциируются с едиными культурными горизонтами, происходящими из минимально потревоженных отложений (Акимова и др. 2018б). Также данный анализ был дополнен коллекцией Сабанихи 1991 г. раскопок (Лисицын 2000), Малой Сьи (Холюшкин 2009), где, по последним данным, присутствует один культурный слой (Лбова и др. 2013), и Куртака 4 (Лисицын 2000). Многочисленные и выразительные коллекции стоянок Дербина V и Усть-Малтат I, которые часто выступают опорными при описании РВП Енисея, в рамках данного исследования не привлекались, поскольку там присутствует несколько разновременных археологических комплексов, которые сложно вычлениить из экспонированного материала.

Показатель	Усть-Мал- тат II		Дер- бина IV		Дербина VII		Покровка II		Куртак 4, верх к.г.	Малая Сыя	Сабан- ниха	Сабаниха 3 (2022 г.)
	К.С.	П.М.	К.С.	П.М.	К.С.	П.М.	К.С.	П.М.	К.С.	К.С.	К.С.	К.С.
Проколки	+		+		+		+		+		+	+
Симметричные острия на пластинах	+		+		-		-		-		+	+
Скребла на крупных пластинах	+		-		+		+		-		-	-
Выемчатые орудия	+		+		-		+		+		+	+
Долотовидные орудия	+		+		+		-		-		+	+
Резцы	-		-		-		-		-		+	+
Галечные орудия (струги, чопперы)	+		+		+		+		-		+	+

* – от индустрии сколов; ** – от пластинчатых сколов.

Источники: Усть-Малгат II, Дербина IV, Дербина VII, Покровка II, по: (Акимова и др. 2018б; Харевич, Стасюк 2016); Куртак 4, Малая Сыя, Сабаниха, по: (Лисицын 2000; настоящая статья); Сабаниха 3 (настоящая статья).

В целом, такая выборка наиболее достоверных для сопоставления комплексов демонстрирует общие тенденции, обозначенные ранее в исследованиях, но наряду с этим позволяет выявить более устойчивые закономерности. В частности, при таком подходе РВП комплексы Енисея выглядят более однородно (табл. 2), чем это отмечалось ранее (Акимова и др. 2018б). Это проявляется как в технологии первичного расщепления, так и в орудийном наборе. Исключение составляет коллекция верхнего культурного горизонта Куртака 4, базирующаяся на производстве отщепов. Все остальные индустрии ориентированы на производство средних и крупных пластин преимущественно в рамках параллельного однонаправленного скалывания.

Это же касается и индустрии Усть-Малтата II, который часто рассматривается в рамках технокомплекса НВП (Rybin et al. 2023). Доля бипродольных монофронтальных нуклеусов в индустриях составляет от 7 (Дербина IV) до 25% (Малая Сья). Незначительная роль бипродольного расщепления подтверждается долей пластин с бипродольной параллельной огранкой, которая составляет в енисейских комплексах всего 7–8%. Также малозначительна доля торцовых нуклеусов, варьирующая от 6 до 14%. В единичных экземплярах представлены подпризматические асимметричные нуклеусы, характерные для НВП сибирско-монгольского типа. Специализированные нуклеусы для пластинок и микропластин присутствуют не во всех комплексах и чаще носят ситуационный характер. Доля мелкопластинчатых сколов в коллекциях варьирует от 3 до 10%, но все они, как правило, нерегулярной формы. Ретушированные пластинки встречены в единичных экземплярах на Покровке II и Сабанихе. Максимальная доля специализированных микронуклеусов представлена на Дербине IV (21%), однако доля мелкопластинчатых сколов там такая же, как и на других памятниках выборки (см. табл. 2).

В рамках анализа продуктов первичного расщепления единственным комплексом, который как-то выделяется на фоне других пластинчатых индустрий, является стоянка Усть-Малтат II. Здесь фиксируется самая большая доля крупных пластин (ширина > 40 мм) – 18% (табл. 2, рис. 5, 2), и наиболее высокие средние показатели длины целых пластин (рис. 5, 1). В остальных комплексах показатели длины основной массы пластин варьируют от 47 до 86 мм, хотя максимальная длина может превышать 120 мм. Самые низкие показатели фиксируются на Сабанихе (рис. 5).

В орудийном наборе мы также отметили некоторые отличия по сравнению с предыдущим подходом. В нашей выборке такая яркая характеристика енисейских комплексов, как выраженные серии листовидных и овальных бифасов, фиксируется только на Усть-Малтате II – 20 экз. Все они тщательно обработаны, но представлены довольно крупными удлиненными формами с низкими показателями уплощенности. Бифасы та-

кой морфологии широко распространены в комплексах НВП сибирского – монгольского типа (Рыбин, Глушенок 2014; Белоусова и др. 2019; Шалагина и др. 2019). На остальных стоянках Дербинского залива с четкой хроностратиграфической позицией бифасы представлены только единичными экземплярами, как правило, массивными и грубо оформленными. За пределами Дербинского залива бифасы не фиксируются, но бифасиально обработанные скребла, как и использование вентральной ретуши, представлены во всех пластинчатых комплексах (табл. 2). Еще одно наблюдение заключается в том, что каменные и костяные украшения, а также костяные инструменты, так широко представленные на стоянках Сабаниха, Малая Сья, Куртак 4, фиксируются только за пределами Дербинского залива – на тех стоянках, где отсутствуют листовидные и овальные бифасы.

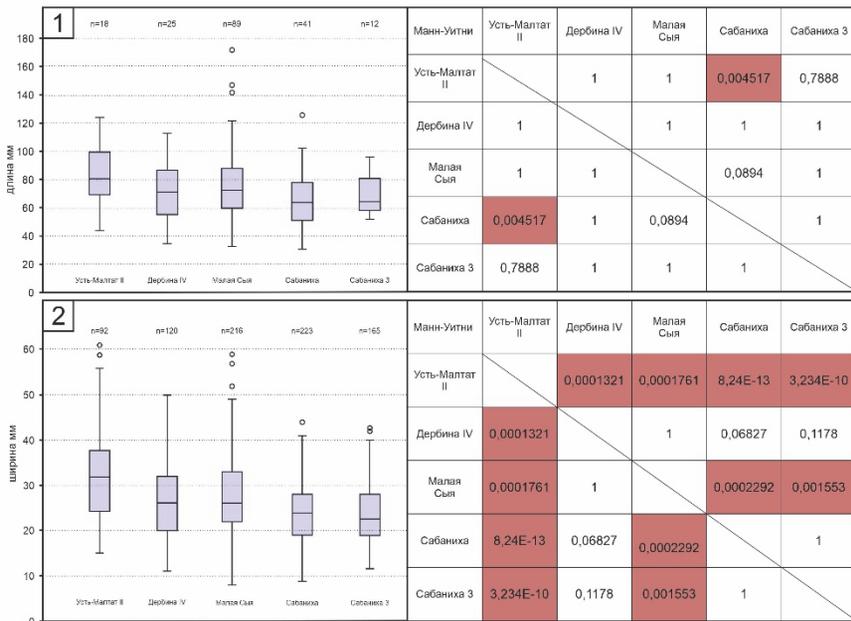

Рис. 5. Метрические параметры пластин в енисейских комплексах: 1 – значение длины; 2 – значение толщины. Для сопоставления значений выборок использовался попарный тест Манна–Уитни

Однозначно объяснить этот факт только условиями осадконакопления сложно, потому что в культурном слое Усть-Малтата II, а также Дербины IV было обнаружено много фаунистических остатков, в том числе мелких млекопитающих, но никаких украшений или костяных орудий найдено не было. Наряду с этим проколки присутствуют на всех стоянках Енисея, в отличие от резцов, зафиксированных только на Сабанихе

и Малой Сые. Интересна категория скребков-остроконечников с ретушью по всему периметру. Они отсутствуют на Усть-Малтате II и на других комплексах Дербинского залива, кроме Покровки II и подъемного комплекса Дербины IV, но при этом хорошо представлены на остальных стоянках (Сабаниха, Малая Сыя, Куртак 4).

Таким образом, анализ, из которого были исключены наименее однородные по составу археологического материала местонахождения (Усть-Малтат I, Дербина V) показывает, что оставшиеся памятники соответствуют выделенному «дербинскому» варианту. Наиболее ранним комплексом как по относительной хронологии, так и по технико-типологическим характеристикам выглядит комплекс Усть-Малтата II. Для него характерно получение крупных и средних пластин в совокупности с тремя орудиями-маркерами НВП (листовидные бифасы, остря с подтеской основания, усеченные остря) (Рыбин, Глушенко 2014; Rybin 2014). Признаки систематического микрорасщепления отсутствуют. Все остальные комплексы так или иначе демонстрируют общие характеристики. Для них характерно получение средних пластин в рамках однопавленного объемного раскалывания, преобладание в орудийном наборе концевых скребков и остроконечников на ретушированных пластинах, интенсивно ретушированных пластин и наличие ряда специфических типов, таких как скребки-остроконечники, проколки и выемчатые орудия на пластинах. Исключение составляет развитая технология изготовления каменных и костяных украшений, которые полностью отсутствуют в Дербинском заливе. Примечательно, что наиболее поздняя по имеющейся дате Дербина IV по параметрам пластинчатых заготовок и орудийному набору ничем не отличается от других РВП комплексов.

Помимо пластинчатой индустрии, которая демонстрирует довольно устойчивые признаки на протяжении всего существования, на рубеже МИС3-МИС2 имеется отличная от нее традиция, полностью ориентированная на изготовление орудий из отщепов, которая фиксируется на Куртаке 4. Помимо отщепового характера первичного расщепления она характеризуется богатой костяной индустрией и украшениями из зубов животных и бивня мамонта (Лисицын 2000), которые отличаются от тех, что имеются в Малой Сые и Сабанихе (Лбова, Барков 2017).

Рассматривая индустрию стоянки Сабаниха 3 в контексте других РВП комплексов Енисея, можно отметить, что она полностью соответствует индустрии Сабанихи 1991 г. раскопок и, в целом, вариативности ранних пластинчатых индустрий региона. Единственным специфическим признаком первичного расщепления Сабанихи 3 является использование приема пикетажа, который раньше в палеолите Енисея не фиксировался, и, в целом, рассматривался исключительно как присущий НВП комплексам региона (Славинский и др. 2017; Zwyns, Lbova 2019; Харевич и др. 2020б).

По наличию каменных украшений и костяных орудий Сабаниха и Сабаниха 3 соответствуют Малой Сые и выделяются на фоне остальных пластинчатых индустрий. Основные типы орудий Сабанихи 3, так или иначе, характерны для всех ранних пластинчатых комплексов Енисея, в том числе и для Усть-Малтата II: скребки на интенсивно ретушированных пластинах (рис. 6, 22–24, 26–27, 30), угловые/концевые скребки с носиком (рис. 6, 31–35), симметричные ретушированные острия на пластинах (рис. 6, 12, 14, 18–20), проколки (рис. 6, 2–4, 6, 9), выразительные серии долотовидных орудий; использование вентральной ретуши и активное оформление ретушированных выемок. По морфологии отдельных категорий орудий очень близкими к Сабанихе и Сабанихе 3 выглядят Дербина IV, Покровка II и Малая Сые (рис. 6). Это проявляется в особой морфологии пластин с большими ретушированными выемками в медиальной части (рис. 6, 1, 5, 7–8, 10), скребок-остроконечников (рис. 6, 11, 13, 15, 17), двойных проколов с выраженными жальцами на фрагментированных пластинах (рис. 6, 2–4).

Также стоит сказать несколько слов о соответствии Сабанихи 3 индустриям среднего верхнего палеолита (СВП) Енисея, поскольку Сабаниха неоднократно рассматривалась как раннее проявление СВП (Graf 2009, 2010). Эта интерпретация представляется нам необоснованной. СВП Енисея (Афанасьева гора, Лиственка сл. 19, Тарачиха, Шленка, Ачинская стоянка) характеризуется производством мелких пластин и пластинок с субпризматических широкофронтальных однонаправленных нуклеусов с гладкой ударной площадкой. Ретушированные мелкие пластины и пластинки являются основной категорией орудейного набора (Лисицын 2000; Акимова 2014). Стоянки Сабаниха и Сабаниха 3 по составу индустрии и по методам расщепления (Харевич, Стасюк 2016) резко отличаются от комплексов СВП (Харевич и др. 2015). Кроме того, возраст Сабанихи и Сабанихи 3 древнее, чем у стоянок СВП (Лисицын 2000; Graf 2009).

Если рассматривать стоянку Сабаниха 3 и другие ранние пластинчатые индустрии Енисея в широком контексте Южной Сибири и Центральной Азии, то по хронологии комплексы ранних этапов верхнего палеолита Енисея соответствуют РВП Центральной Азии и Южной Сибири – 39–29 тыс. л. (Хаценович 2014; Rybin et al. 2016; Khatsenovich et al. 2021; Рыбин и др. 2022). Однако, несмотря на сходство общего облика индустрий, выделяется ряд различий в технологии расщепления с РВП комплексами, которые раньше специально не озвучивались.

Важным признаком РВП Алтая и Монголии является развитое мелкопластинчатое расщепление и значительная доля мелкопластинчатых сколов среди сколов-заготовок ($\geq 50\%$), а также широкие серии специализированных мелкопластинчатых нуклеусов, доля которых может достигать 70% (Белоусова, Рыбин 2016). При этом доля крупных и средних

пластин значительно сокращается (Рыбин и др. 2019; Рыбин и др. 2022). На енисейских комплексах мы видим совсем иную картину, по крайней мере, в выборке памятников с наиболее четкой хроностратиграфической позицией. В Усть-Малтате II доля крупных пластин (ширина > 40 мм) достигает максимальных значений НВП Монголии и Забайкалья, а во всех остальных комплексах укладывается в минимальные значения их вариабельности (Рыбин и др. 2022: табл. 4). То же самое касается и доли средних пластин (ширина 15–40 мм). Их доля в енисейских комплексах составляет 80–90%. Такие показатели можно встретить только в НВП комплексах, в РВП, как правило, они не превышают 40% (Рыбин и др. 2019; Рыбин и др. 2022).

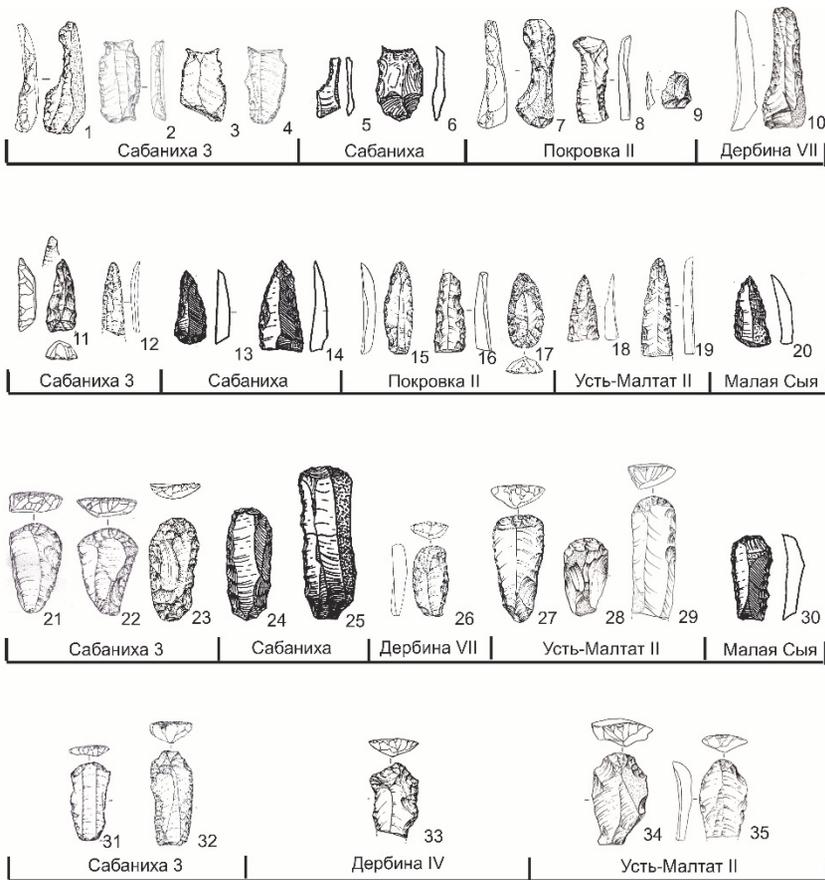

Рис. 6. Каменные артефакты со стоянок РВП Приенисейкой Сибири:
 1, 5, 7, 8, 10 – ретушированные пластины с выемками; 2–4, 6, 9 – проколки;
 11, 13, 15, 17 – скребки-остроконечники; 12, 14, 18–20 – симметричные
 ретушированные острия; 21–30 – концевые скребки;
 31–35 – концевые скребки с носиком

Также сложно сопоставлять ранние пластинчатые комплексы Енисея с НВП Алтая и Монголии. Помимо леваллуазского компонента, который не обязательно должен присутствовать во всех комплексах НВП (Kharevich et al. 2022), принципиальной составляющей является преобладание бипродольного расщепления, где доля пластин с бипродольной огранкой может достигать 60%. На Енисее этот показатель минимален, как на Усть-Малтате II, так и на всех остальных комплексах, он не превышает 8–9%, что укладывается в вариабельность комплексов РВП (Рыбин и др. 2022: табл. 4). В том числе мало сходств фиксируется с наиболее северными проявлениями НВП технокомплекса в бассейне реки Ангары – Колпаков Ручей, которые предполагают менее яркое проявление характерных признаков НВП (Rybin et al. 2023).

Наиболее близким к индустрии Сабанихи 3 по морфологии нуклеусов, метрическим параметрам сколов-заготовок и общему облику орудийного набора выглядит индустрия Макарово-4 в верхнем течении р. Лены (Аксенов 2009; Рыбин, Хаценович 2020). Первичное расщепление стоянки ориентировано на получение средних пластин преимущественно с одноплощадочных монофронтальных нуклеусов с плоским и слабовыпуклым фронтом. Мелкопластинчатое расщепление на стоянке присутствует, но не столь выражено, как в РВП комплексах. Единичными формами представлены характерные для НВП асимметричные нуклеусы с переходом на торец, которые представлены и в ранних пластинчатых комплексах Енисея. В орудийном наборе присутствуют практически все основные типы орудий, которые фиксируются в енисейских комплексах, включая скребки на интенсивно ретушированных пластинах; угловые и концевые скребки с носиком; симметричные острия; струги и чопперы; долотовидные изделия, а также резцы. Орудия-маркеры НВП в Макарово-4 немногочисленны и в том числе представлены остриями с подтеской основания, которые есть на Усть-Малтате II. Предполагается, что такой особый облик индустрии Макарово-4 по сравнению с остальными НВП комплексами обусловлен размерами и формой местного галечного сырья, и данная индустрия рассматривается как редуцированная форма поздних НВП индустрий Забайкалья и Монголии, которые продолжали свое расселение на север в раннекаргинский период (Рыбин, Хаценович 2020).

Выводы

Сравнительный анализ материалов стоянки Сабаниха 3 с комплексами РВП Енисея, имеющими наиболее четкий культурно-хронологический контекст (Усть-Малтат II, Дербина IV, к.с., Покровка II, Сабаниха, Малая Сяя) позволяет говорить о существовании в регионе устойчивой

культурной традиции. По своим базовым характеристикам эти индустрии соответствуют финальному НВП – раннему РВП соседних регионов. Имеющиеся определения абсолютного возраста стоянки Сабаниха 3 укладываются в интервал 30–31 тыс. л. н., что соответствует большинству имеющихся дат по Сабанихе (Лисицын 2000; Graf 2009). Дата по черепу человека современного типа с Покровки II демонстрирует примерно тот же возраст $-31\ 645 \pm 180$ (Акимова и др. 2018б). Последние данные о хронологии Малой Сьи – 38–33 тыс. л. н. (Лбова и др. 2015), а также определение возраста Усть-Малтата II второй половиной МИС3 (43–33 тыс. л. н.), по всей видимости, свидетельствует о времени появления данных пластинчатых индустрий в регионе. В этом контексте слишком молодой выглядит дата с Дербины IV – $26\ 164 \pm 204$ (Акимова и др. 2018б), которая по характеру индустрии полностью соответствует Сабанихе 3 и другим пластинчатым комплексам Енисея.

Архаичный облик каменного инвентаря Усть-Малтата II сближает его с индустриями финального НВП и больше всего с индустрией Макарово-4, расположенной на северной периферии распространения технокомплекса НВП (Rybin et al. 2023). По аналогии с Макарово-4 можно предположить, что специфика ранних пластинчатых индустрий Енисея обусловлена адаптацией НВП традиции к особенностям и размерам местного галечного сырья. Впервые эта традиция фиксируется на Усть-Малтате II и продолжает свое существование в регионе без существенных изменений до начала МИС2. Одно из финальных проявлений такой традиции мы видим на Сабанихе 3.

Список источников

- Абрамова З.А., Астахов С.Н., Васильев С.А., Ермолова Н.М., Лисицын Н.Ф. Палеолит Енисея. Л.: Наука, 1991.
- Акимова Е.В. Пластины с ретушью в памятниках «мелких пластинчатых индустрий» среднего Енисея // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. Замятинский сборник / отв. ред. Г.А. Хлопачев, С.А. Васильев. СПб., 2014. С. 386–401.
- Акимова Е.В., Стасюк И.В., Харевич В.М., Лаухин С.А., Мотузко А.Н., Санько А.Ф. Палеолит Дербинского залива. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018б.
- Акимова Е.В., Харевич В.М., Стасюк И.В. Каменные индустрии позднекаргинских-раннекартинских местонахождений Дербинского залива (Красноярское водохранилище) // Stratum plus. 2018a. № 1. С. 353–367.
- Аксенов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск: ИрГТУ, 2009.
- Барков А.В., Лбова Л.В. Обработка кости и рога (по материалам верхнепалеолитического местонахождения Малая Сья, Южная Сибирь) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2017. Т. 16, № 7. С. 74–83.
- Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Технология первичного расщепления каменного сырья в индустрии раннего верхнего палеолита культурного горизонта ВП1 стоянки Кара-Бом (Горный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 4 (16). С. 7–22.
- Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-бом: технология, функция, контекст // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 36–43.

- Васильев С.А.* Верхний палеолит Енисея: новые открытия, старые споры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51, № 1. С. 33–41.
- Васильев С.А.* Поздний палеолит Верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1996.
- Зольников И.Д., Харевич В.М., Левицкая П.С., Анойкин А.А.* Особенности геолого-геоморфологического строения четвертичных отложений в береговых обрывах левобережья Красноярского водохранилища в окрестностях стоянок Сабаниха-3 и Сидориха // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 110–115.
- Лбова Л.В., Барков А.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Кукса Е.Н.* Позднепалеолитическое местонахождение Малая Сыя: итоги полевых исследований в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2013. Т. 19. С. 104–108.
- Лбова Л.В., Панов В.С., Зенин В.Н., Барков А.В.* Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сыя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. 21. С. 103–106.
- Лисицын Н.Ф.* К вопросу о начальном этапе позднего палеолита Сибири // Российская Археология. 1995. № 1. С. 5–13.
- Лисицын Н.Ф.* Палеолитическая стоянка на Енисее (Вести из экспедиций) // Природа. 1992. № 5. С. 33.
- Лисицын Н.Ф.* Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Мокринец К.С.* Определение отступления склонов береговой линии Красноярского водохранилища (Северо-Минусинская впадина) на основе данных дистанционного зондирования за период 1989–2012 гг. // Геоморфология и картография: материалы XXXIII Пленума Геоморфологической комиссии РАН. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. С. 323–326.
- Рыбин Е.П., Антонова Ю.Е., Ташак В.И., Кобылкин Д.В., Хаценович А.М., Гунчинсүрэн Б.* Ранние стадии верхнего палеолита бассейна Селенги: вариативность каменной технологии, жизнеобеспечение и поселенческие системы // Stratum Plus. 2022. № 1. С. 285–328.
- Рыбин Е.П., Глушенко М.А.* Специфический тип орудий начальной стадии верхнего палеолита в Южной Сибири // Верхний палеолит северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции / отв. ред. С.А. Васильев. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 238–255.
- Рыбин Е.П., Хаценович А.М.* Макаровская загадка: самый ранний верхний палеолит Евразии или прибайкальский вариант технокомплекса начального верхнего палеолита периода MIS-3? // Stratum Plus. 2020. № 1. С. 279–303.
- Рыбин Е.П., Хаценович А.М.* Начальный верхний палеолит Южной Сибири и Центральной Азии: концепции, хронология и пути распространения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2023. Т. 68, № 4. С. 1039–1071.
- Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Марченко Д.В.* Модель технологического развития в индустриях ранних стадий верхнего палеолита Северной Монголии: по результатам новых раскопок стоянки Толбор-4 // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 164–179.
- Селецкий М.В., Колясникова А.С., Харевич В.М., Колобова К.А.* Экспериментальное моделирование расщепления кости по материалам сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 238–244.
- Славинский В.С., Рыбин Е.П., Белоусова Н.Е., Федорченко А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А.* Специфический способ подготовки зоны расщепления нуклеусов в начальном верхнем палеолите Южной Сибири и Центральной Азии // Stratum plus. 2017. № 1. С. 221–244.

- Харевич В.М., Акимова Е.В., Стасюк И.В., Томилова Е.А. Технология производства пластин в каменной индустрии культурного слоя 19 стоянки Лиственка // *Stratum Plus*. 2015. № 1. С. 321–331.
- Харевич В.М., Бочарова Е.Н., Зольников И.Д., Харевич А.В., Левицкая П.С., Гришин А.А., Аноikin А.А. Археологические работы на стоянке раннего верхнего палеолита Сабаниха-3 (Средний Енисей) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2022. Т. 28. С. 365–372.
- Харевич В.М., Зоткина Л.В., Аноikin А.А., Таймагамбетов Ж.К. Вспомогательные инструменты расщепления в каменных индустриях начальной поры верхнего палеолита (по материалам стоянки Ушбулак) // *Stratum plus*. 2020б. № 1. С. 239–256.
- Харевич В.М., Стасюк И.В. Индустрии крупных пластин в верхнем палеолите Среднего Енисея. Технологический аспект // *Stratum plus*. 2016. № 1. С. 211–222.
- Харевич В.М., Харевич А.В., Аноikin А.А., Акимова Е.В. Возобновление археологических работ на верхнепалеолитической стоянке Сабаниха (Средний Енисей) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2020а. Т. 26. С. 271–278.
- Хаценович А.М. Периодизация раннего верхнего палеолита Северной Монголии по материалам памятников Толборской группы // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2014. Т. 13, вып. 5. С. 80–90.
- Холюшкин Ю.П. Поселение Малая Сья – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур *Homo sapiens* в Северной Азии) // *Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религиозий жречества древних культур Хакасии* / отв. ред. В.Е. Ларичев. Красноярск: Город, 2009. С. 137–145.
- Шалагина А.В., Зоткина Л.В., Аноikin А.А., Кулик Н.А. Листовидные бифасы в комплексах начального верхнего палеолита Южной Сибири и севера Центральной Азии // *Теория и практика археологических исследований*. 2019. № 2 (26). С. 47–60.
- Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Taimagambetov Z.K., Shalagina A.V., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Ushbulak – A new stratified upper paleolithic site in northeastern Kazakhstan // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2019. № 47. P. 16–29.
- Derevianko A.P., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Tsybankov A.A., Olsen J.W. The technology of early Upper Paleolithic lithic reduction in Northern Mongolia: The Tolbor-4 site // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2007. № 29. P. 16–38.
- Graf K. Hunter-gatherer dispersals in the mammoth-steppe: technological provisioning and land-use in the Enisei River valley, south-central Siberia // *Journal of Archaeological Science*. 2010. № 37. P. 210–223.
- Graf K.E. Modern Human Colonization of the Siberian Mammoth Steppe: A View from South-Central Siberia // *Sourcebook of Paleolithic Transitions*. Springer New York, 2009. P. 479–501.
- Hammer Ø., Harper D., Ryan P. Past: paleontological statistics software package for education and data analysis // *Palaeontologia Electronica*. 2001. № 4. P. 1–9.
- Kharevich V.M., Kharevich A.V., Pavlenok G.D., Bocharova E.N., Taimagambetov Zh.K., Anoikin A.A. Ten millennia without the levallois technique: primary knapping methods in Initial Upper Paleolithic industries at the Ushbulak site, Eastern Kazakhstan // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2022. Vol. 14, № 10. P. 1–17.
- Khatsenovich A.M., Vishnevskaya I.A., Klementiev A.M., Zhilich S.V., Marchenko D.V., Kogai S.A., Rybin E.P., Olsen J.W., Derevianko A.P., Bazargur D., Gunchinsuren B., Volkikh A.O., Ge J., Okuneva T.G. Late Pleistocene paleoenvironments and episodic human occupations in the Orkhon valley of Central Mongolia // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2021. Vol. 49, № 2. P. 3–22.
- Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // *Quaternary International*. 2014. № 347. P. 39–52.

- Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 425. P. 69–87.
- Rybin E.P., Mescherin M.N., Klementiev A.M., Khatsenovich A.M. Beyond 55° north latitude: expanding the northern boundary of Initial Upper Paleolithic dispersal // *Archaeological Research in Asia*. 2023. Vol. 36. P. 100481.
- Zwyns N., Lbova L.V. The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology // *Archaeological Research in Asia*. 2019. № 17. P. 24–49.
- Zwyns N. The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersals // *Journal of Paleolithic Archaeology*. 2021. № 4. P. 19.

References

- Abramova Z.A., Astakhov S.N., Vasil'ev S.A., Ermolova N.M., Lisitsyn N.F. (1991) *Paleolit Eniseia* [The Paleolithic of the Yenisei]. Leningrad: Nauka.
- Akimova E.V. (2014) Plastiny s retush'iu v pamiatnikakh "melkikh plastinchatykh industrii" srednego eniseia [Retouched blades from sites of "small blade industries" of the Middle Enisey]. In: *Kamennyi vek: ot Atlantiki do Patsifiki. Zamiatninskii sbornik* [Stone Age: from the Atlantic to the Pacific. Zamyatnin collection] / Khlopachev G.A., Vasil'ev S.A. (eds.) St. Petersburg, pp. 386–401.
- Akimova E.V., Kharevich V.M., Stasiuk I.V. (2018a) Kamennye industrii pozdnekarginiskikh-rannesartanskikh mestonakhozhdenii Derbinskogo zaliva (Krasnoyarskoe vodokhranilishche) [Late Karginian-Early Sartanian Stone Industries In Derbina Bay (Krasnoyarsk Reservoir)], *Stratum plus*, no. 1, pp. 353–367.
- Akimova E.V., Stasiuk I.V., Kharevich V.M., Laukhin S.A., Motuzko A.N., San'ko A.F. (2018b) *Paleolit Derbinskogo zaliva* [Paleolithic of the Derbina Bay]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
- Aksenov M.P. (2009) *Paleolit i mezolit Verkhnei Leny* [Paleolithic and Mesolithic of Upper Lena]. Irkutsk: IrGTU.
- Anoikin, A.A. Pavlenok, G. D. Kharevich, V.M., Taimagambetov, Z.K., Shalagina, A.V., Gladyshev, S.A., Ulyanov V.A., Duvanbekov, R.S., Shunkov, M.V. (2019) Ushbulak – A new stratified upper paleolithic site in northeastern Kazakhstan, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 47, pp. 16–29.
- Barkov A.V., Lbova L.V. (2017) Obrabotka kosti i roga (po materialam verkhnepaleoliticheskogo mestonakhozhdeniia Malaia Syia, Iuzhnaia Sibir') [Bone And Antler Processing (On Upper-Paleolithic Site Malaya Syiya, Southern Siberia)], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 16, no. 7, pp. 74–83.
- Belousova N.E., Rybin E.P. (2016) Tekhnologiya pervichnogo rasshchepleniia kamennogo syr'ia v industrii rannego verkhnego paleolita kul'turnogo gorizonta VP1 stoianki Kara-Bom (Gornyi Altai) [The Technology Of Primary Stone Splitting Of The Early Upper Paleolithic Industry Of The UP1 Cultural Layer At The Kara-Bom Site (Russian Altai)], *Teoriia i praktika arkhelogicheskikh issledovaniï*, no. 4 (16), pp. 7–22.
- Belousova N.E., Rybin E.P., Fedorchenko A.Iu., Kulik N.A. (2019) Listovidnyi bifas nachala verkhnego paleolita so stoianki Kara-bom: tekhnologiya, funktsiia, kontekst [Initial Upper Paleolithic Leaf-Shaped Biface From The Kara-Bom Site: Technology, Function, And Context], *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*. Vol. 25, pp. 36–43.
- Derevianko A.P., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Gunchinsuren B., Tsybankov A.A., Olsen J.W. (2007) The technology of early Upper Paleolithic lithic reduction in Northern Mongolia: The Tolbor-4 site, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, no. 29, pp. 16–38.

- Graf K. (2010) Hunter–gatherer dispersals in the mammoth-steppe: technological provisioning and land-use in the Enisei River valley, south-central Siberia, *Journal of Archaeological Science*, no. 37, pp. 210–223.
- Graf K.E. (2009) Modern Human Colonization of the Siberian Mammoth Steppe: A View from South-Central Siberia. In: *Sourcebook of Paleolithic Transitions* / Camps, M., Chauhan, P. (eds) Springer New York, pp. 479–501.
- Hammer Ø., Harper D., Ryan P. (2001) Past: paleontological statistics software package for education and data analysis, *Palaeontologia Electronica*, no. 4, pp. 1–9.
- Kharevich V.M., Akimova E.V., Stasiuk I.V., Tomilova E.A. (2015) Tekhnologiya proizvodstva plastin v kamennoi industrii kul'turnogo sloia 19 stoianki Listvenka [Blade Production Technology In The Industry Of Layer 19 Of The Listvenka Site], *Stratum Plus*, no. 1, pp. 321–331.
- Kharevich V.M., Bocharova E.N., Zol'nikov I.D., Kharevich A.V., Levitskaia P.S., Grishin A.A., Anoikin A.A. (2022) Arkheologicheskie raboty na stoianke rannego verkhnego paleolita Sabanikha-3 (Srednii Enisei) [Archaeological Work At The Early Upper Paleolithic Site Of Sabanikha 3 (Middle Yenisei)], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Vol. 28, pp. 365–372.
- Kharevich V.M., Kharevich A.V., Anoikin A.A., Akimova E.V. (2020a) Vozobnovlenie arkheologicheskikh rabot na verkhnepaleoliticheskoi stoianke Sabanikha (Srednii Enisei) [Resuming Archaeological Research At The Sabanikha Upper Paleolithic Site (Middle Yenisei)], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Vol. 26, pp. 271–278.
- Kharevich V.M., Kharevich A.V., Pavlenok G.D., Bocharova E.N., Taimagambetov Zh.K., Anoikin A.A. (2022) Ten millennia without the levallois technique: primary knapping methods in Initial Upper Paleolithic industries at the Ushbulak site, Eastern Kazakhstan, *Archaeological and Anthropological Sciences*, Vol. 14, no. 10, pp. 1–17.
- Kharevich V.M., Stasiuk I.V. (2016) Industrii krupnykh plastin v verkhnem paleolite Srednego Eniseia. Tekhnologicheskii aspekt [Big Blade Industries In The Upper Palaeolithic Of The Middle Yenisei Basin. Technological Aspect], *Stratum plus*, no. 1, pp. 211–222.
- Kharevich V.M., Zotkina L.V., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K. (2020b) Vspomogatel'nye instrumenty rasshchepleniia v kamennykh industriiakh nachal'noi pory verkhnego paleolita (po materialam stoianki Ushbulak) [Auxiliary Knapping Tools In The Initial Upper Palaeolithic Stone Assemblages (With Particular Reference To The Materials Of The Ushbulak Site)], *Stratum plus*, no. 1, pp. 239–256.
- Khatsenovich A.M. (2014) Periodizatsiia rannego verkhnego paleolita Severnoi Mongolii po materialam pamiatnikov Tolborskoii gruppy [Early Upper Paleolithic Periodization Based Materials From Tolborian Group Of Sites In Northern Mongolia], *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta*. Vol. 13. no. 5, pp. 80–90.
- Khatsenovich A.M., Vishnevskaya I.A., Klementiev A.M., Zhilich S.V., Marchenko D.V., Kogai S.A., Rybin E.P., Olsen J.W., Derevianko A.P., Bazargur D., Gunchinsuren B., Volvakh A.O., Ge J., Okuneva T.G. (2021) Late Pleistocene paleoenvironments and episodic human occupations in the Orkhon valley of Central Mongolia, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, Vol. 49, no. 2, pp. 3–22.
- Kholiushkin Iu.P. (2009) Poseleniia Malaia Syia – rannii etap verkhnego paleolita Sibiri (k probleme nachala stanovleniia kul'tur Homo sapiens v Severnoi Azii) [The settlement of Malaya Syia – the early stage of the Upper Paleolithic of Siberia (to the problem of the beginning of the formation of Homo sapiens cultures in Northern Asia)]. In: *Astroarkheologiya – estestvenno-nauchnyi instrument poznaniia protonauk i astral'nykh religii zhrechestva drevnykh kul'tur Khakasii* [Astroarchaeology as a natural scientific tool for understanding protosciences and astral religions of the priesthood of ancient cultures of Khakassia] / ed. by V.E. Larichev. Krasnoyarsk: Gorod, pp. 137–145.
- Lbova L.V., Barkov A.V., Kharevich V.M., Stasiuk I.V., Tomilova E.A., Kuksa E.N. (2013) Pozdnepleoliticheskoe mestonakhozhdenie Malaia Syia: itogi polevykh issledovaniy v

- 2013 godu [Late Paleolithic site Malaya Syya: results of field research in 2013], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Vol. 19, pp. 104–108.
- Lbova L.V., Panov V.S., Zenin V.N., Barkov A.V. (2015) Novye dannye o radiouglerodnom vozraste mestonakhozhdeniia Malaia Syia [The New Data For The Radiocarbon Age Of The Malaya Syya Site], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Vol. 21, pp. 103–106.
- Lisitsyn N.F. (1992) Paleoliticheskaia stoianka na Enisee (Vesti iz ekspeditsii) [Paleolithic site on the Yenisei (News from expeditions)], *Priroda*, no. 5, P. 33.
- Lisitsyn N.F. (1995) K voprosu o nachal'nom etape pozdnego paleolita Sibiri [On the Initial Stage of the Late Paleolithic in Siberia], *Rossiiskaia Arkheologiya*, no. 1, pp. 5–13.
- Lisitsyn N.F. (2000) *Pozdnii paleolit Chulymo-Eniseiskogo mezhdurech'ia* [Late Paleolithic of the Chulym-Yenisei interfluve]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Mokrinets K.S. (2013) Opredelenie otstupaniia sklonov beregovoii linii Krasnoiar'skogo vodokhranilishcha (Severo-Minusinskaia vpadina) na osnove dannykh distantsionnogo zondirovaniia za period 1989–2012 gg. [Determination of the retreat of the slopes of the shoreline of the Krasnoyarsk Reservoir (North Minusinsk Depression) based on remote sensing data for the period 1989–2012.]. In: *Geomorfologiya i kartografiia: materialy XXXIII Plenuma Geomorfologicheskoi komissii RAN* [Geomorphology and cartography: Proceedings of the XXXIII Plenum of the Geomorphological Commission of the Russian Academy of Sciences]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, pp. 323–326.
- Rybin E.P. (2014) Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia, *Quaternary International*, no. 347, pp. 39–52.
- Rybin E.P., Antonova Iu.E., Tashak V.I., Kobylkin D.V., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B. (2022) Rannie stadii verkhnego paleolita basseina Selengi: variabel'nost' kamЕННОI tekhnologii, zhizneobespechenie i poselencheskie sistemy [Early Stages Of The Upper Paleolithic In The Selenga River Basin: Technological Variability, Subsistence, Settlement Systems], *Stratum Plus*, no. 1, pp. 285–328.
- Rybin E.P., Glushenko M.A. (2014) Spetsificheskii tip orudii nachal'noi stadii verkhnego paleolita v Iuzhnoi Sibiri [A specific type of tool from the initial stage of the Upper Paleolithic in Southern Siberia]. In: *Verkhonii paleolit severnoi Evrazii i Ameriki: pamiatniki, kul'tury, traditsii* [Upper Paleolithic of Northern Eurasia and America: Monuments, Cultures, Traditions] / Ed. by Vasil'ev S.A. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 238–255.
- Rybin E.P., Khatsenovich A.M. (2020) Makarovskaia zagadka: sami rannii verkhonii paleolit Evrazii ili pribaikal'skii variant tekhnokompleksa nachal'nogo verkhnego paleolita perioda MIS-3? [The Mystery Of Makarovo Stratum: The Earliest Upper Palaeolithic In Eurasia Or A Cis-Baikalian Type Of The Initial Upper Palaeolithic Technocomplex Of Mis-3 Time?], *Stratum Plus*, no. 1, pp. 279–303.
- Rybin E.P., Khatsenovich A.M. (2023) Nachal'nyi verkhonii paleolit Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii: kontseptsii, khronologiya i puti rasprostraneniia [The Concepts, Chronology And Dispersal Routes Of The Initial Upper Paleolithic Of South Siberia And Central Asia], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Vol. 68, no. 4, pp. 1039–1071.
- Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. (2016) The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia, *Quaternary International*, Vol. 425, pp. 69–87.
- Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Marchenko D.V. (2019) Model' tekhnologicheskogo razvitiia v industriiakh rannikh stadii verkhnego paleolita Severnoi Mongolii: po rezul'tatam novykh raskopok stoiarki Tolbor-4 [Model Of Technological Development In The Industries Of Early Stages Of The Upper Paleolithic In Northern Mongolia: According To The Results Of New Excavations Of The Tolbor-4 Site], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia*, no. 4 (28), pp. 164–179.

- Rybin E.P., Mescherin M.N., Klementiev A.M., Khatsenovich A.M. (2023) Beyond 55° north latitude: expanding the northern boundary of Initial Upper Paleolithic dispersal, *Archaeological Research in Asia*, Vol. 36, P. 100481.
- Seletskii M.V., Koliashnikova A.S., Kharevich V.M., Kolobova K.A. (2019) Eksperimental'noe modelirovanie rasshchepleniia kosti po materialam sibirichikhinskogo varianta srednego paleolita Altaia [Experimental Modelling Of Bone Splitting Based On The Evidence Of The Sibirychikha Variant Of The Altai Middle Paleolithic], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Vol. 25, pp. 238–244.
- Shalagina A.V., Zotkina L.V., Anoikin A.A., Kulik N.A. (2019) Listovidnye bifasy v kompleksakh nachal'nogo verkhnego paleolita Iuzhnoi Sibiri i severa Tsentral'noi Azii [Leaf-Shaped Bifaces In The Initial Upper Paleolithic Of Southern Siberia And Central Asia], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï*, no. 2 (26), pp. 47–60.
- Slavinskii V.S., Rybin E.P., Belousova N.E., Fedorchenko A.Iu., Khatsenovich A.M., Anoikin A.A. (2017) Spetsificheskii sposob podgotovki zony rasshchepleniia nukleusov v nachal'nom verkhnem paleolite Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Specific Technique Of Core Platform Preparation In The Initial Upper Palaeolithic Of South Siberia And Central Asia], *Stratum plus*, no. 1, pp. 221–244.
- Vasil'ev S.A. (1996) *Pozdnii paleolit Verkhnego Eniseia (po materialam mnogoslainnykh stoianok raiona Mainy)* [Late Paleolithic of the Upper Yenisei (based on materials from multilayered sites in the Maina region)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Vasil'ev S.A. (2023) Verkhniï paleolit Eniseia: novye otkrytiia, starye spory [Upper Paleolithic Of The Yenisey: New Discoveries, Old Debates], *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, Vol. 51, no. 1, pp. 33–41.
- Zol'nikov I.D., Kharevich V.M., Levitskaia P.S., Anoikin A.A. (2022) Osobennosti geologo-geomorfologicheskogo stroeniia chetvertichnykh otlozhenii v beregovykh obryvakh levoberezh'ia Krasnoïarskogo vodokhranilishcha v okrestnostiakh stoianok Sabanikha-3 i Sidorikha [Specific Features Of Geological And Geomorphological Structure Of Quaternary Deposits In The Coastal Bluffs Of The Left Bank Of The Krasnoyarsk Reservoir Near The Sabanikha-3 And Sidorikha Sites], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, Vol. 28, pp. 110–115.
- Zwyns N., Lbova L.V. (2019) The Initial Upper Paleolithic of Kamenka site, Zabaikal region (Siberia): A closer look at the blade technology, *Archaeological Research in Asia*, no. 17, pp. 24–49.
- Zwyns N. (2021) The Initial Upper Paleolithic in Central and East Asia: Blade Technology, Cultural Transmission, and Implications for Human Dispersals, *Journal of Paleolithic Archaeology*, no. 4, P. 19.

Сведения об авторах:

ХАРЕВИЧ Алена Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

ХАРЕВИЧ Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: mihalich84@mail.ru

ЗОЛЬНИКОВ Иван Дмитриевич – доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: zol@igm.nsc.ru

КЛЕМЕНТЬЕВ Алексей Михайлович – кандидат географических наук, научный сотрудник Института земной коры СО РАН (Иркутск, Россия). E-mail: klem-al@bk.ru

ЗОТКИНА Лидия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: lidiazotkina@gmail.com

АНОЙКИН Антон Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: anui1@yandex.ru

АКИМОВА Елена Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия). E-mail: elaki2008@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Alena V. Kharevich, Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Vladimir M. Kharevich, Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mihalich84@mail.ru

Ivan D. Zolnikov, Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zol@igm.nsc.ru

Aleksei M. Klementiev, Institute of the Earth's Crust of the SB RAS (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: klem-al@bk.ru

Lidiya V. Zotkina, Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: lidiazotkina@gmail.com

Anton A. Anokin, Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: anui1@yandex.ru

Elena V. Akimova, Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: elaki2008@yandex.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 29 мая 2024 г.;
принята к публикации 16 сентября 2024 г.*

*The article was submitted 29.05.2024;
accepted for publication 16.09.2024.*

MISCELLANEA

Научная статья

УДК 572

doi: 10.17223/2312461X/45/8

Комплексное краниологическое и одонтологическое исследование коренного населения Аргентины: предварительные результаты

Ольга Алексеевна Федорчук¹,
Александра Андреа Кастро Степанова²,
Алина Харисовна Чиркова³,
Наталья Александровна Лейбова⁴

^{1, 2, 3} *Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

⁴ *Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия*

¹ *fedorchukoa@my.msu.ru*

² *aacas06@gmail.com*

³ *chirkovaah@my.msu.ru*

⁴ *leibova.natalia@iea.ras.ru*

Аннотация. Вопросы антропологической изменчивости коренного населения Америки до сих пор являются актуальными. Статья посвящена комплексному исследованию морфологии черепа и зубной системы представителей индейских племен с территории Аргентины. Материалом послужили краниологические серии, которые происходят из 42 местонахождений в восьми регионах Аргентины, датирующиеся серединой IV в. до н. э. – серединой XVIII в. н. э. Использовались методы, принятые в отечественной антропологии: измерены 226 индивидов, по краниофенетической программе обследованы 258 индивидов, по одонтологической – 138.

Серии характеризуются средними, большими или очень большими линейными размерами черепа в мировом масштабе (наименьшие размеры у арауканов). Внутригрупповая изменчивость высокая. Выборки из Рио-Негро и Чубута неоднородны и отличаются друг от друга. Первые долихокранные, с высоким, узким, выступающим лицом, вторые – мезокранные, со средневысоким уплощенным лицом.

Полученные значения частот краниофенетических признаков оценивались на фоне размаха изменчивости в пределах Америки и Северной Азии. Почти все рассмотренные краниологические серии (за исключением Рио-Негро) характеризуются повышенными частотами умноженных подглазничных отверстий. В серии черепов из Рио-Негро наблюдается высокая встречаемость незамкнутых остистых отверстий. Все исследованные краниологические серии характеризуются пониженными значениями частот лобного отростка височной чешуи. Полученные частоты дискретно-варьирующих признаков черепа больше вписываются в размах изменчивости, известный для современных популяций Северной Азии. Однако по изучаемой системе признаков пока нет данных, характеризующих краниофенетическое разнообразие популяций Южной Америки, и представленные результаты являются предварительными.

Одонтологические комплексы всех изученных серий характеризуются выраженной матуризацией как верхних, так и нижних моляров. Признаки восточного одонтологического ствола отмечены во всех сериях, однако частоты их существенно ниже, нежели у большинства представителей азиатско-американской большой расы на территории Евразии. Результатом исследования является получение оригинальных краниологических и одонтологических данных, позволяющих проанализировать территориальную изменчивость популяций коренного населения Аргентины.

Ключевые слова: биологическая антропология, дискретно-варьирующие признаки, краниометрия, одонтология, патагонцы, огнеземельцы, арауканы, Аргентина

Благодарности: Авторы выражают глубокую благодарность руководству Центра палеоэтнологических исследований за предоставленную возможность принять участие в Южно-Американской антропологической экспедиции ЦПИ. Особую благодарность выражаем С.Е. Донскому за финансовую поддержку и помощь в организации экспедиции и Д.В. Пежемскому за ценные советы и консультации в подготовке научно-методической части работы.

Также авторы выражают огромную благодарность коллегам из Этнографического музея Хуана Амбросетти: директору музея доктору Монике Берон, а также студентам, отвечающим за кураторство коллекции; и музея Ла-Платы: директору музея доктору Густаву Баррьентосу и куратору коллекции доктору Мариано дель Папа за предоставленные материалы.

О.А. Федорчук работа выполнена в рамках исследовательской темы «Формирование некоторых морфо-функциональных особенностей человека в фило- и онтогенезе» кафедры антропологии биологического факультета МГУ.

А.А. Кастро Степановой и А.Х. Чирковой исследование выполнено в рамках НИР НИИ и Музея антропологии МГУ «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты)» (АААА-А19-119013090163-2).

Н.А. Лейбовой работа выполнена в рамках государственного задания Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (тема «Закономерности популяционной дифференциации человечества в пространстве и времени»).

Для цитирования: Федорчук О.А., Кастро Степанова А.А., Чиркова А.Х., Лейбова Н.А. Комплексное краниологическое и одонтологическое исследование коренного населения Аргентины: предварительные результаты // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 174–205. doi: 10.17223/2312461X/45/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/8

Comprehensive Craniological and Odontological Study of the Indigenous Population of Argentina: Preliminary Results

Olga A. Fedorchuk¹, Alexandra A. Castro Stepanova²,
Alina Kh. Chirkova³, Natalia A. Leibova⁴

^{1, 2, 3} *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

⁴ *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

¹ *fedorchukoa@my.msu.ru*

² *aacas06@gmail.com*

³ *chirkovaah@my.msu.ru*
⁴ *leibova.natalia@iea.ras.ru*

Abstract. The issues of anthropological variability of American indigenous populations remain relevant. The article is devoted to a comprehensive study of the morphology of skulls and dental system of aboriginal representatives from the territory of Argentina. The material were craniological series, from 42 sites in 8 regions of Argentina, dating from mid-4th century BC to mid-18th century AD. Traditional methods of Russian anthropology were used: 226 individuals were measured, 258 skulls were examined according to the craniophenetic program, and 138 skulls according to the odontological program.

The series are characterized by medium, large or very large linear sizes on a global scale (the smallest size in Araucanians). Intragroup variability is high. Samples from Rio Negro and Chubut are heterogeneous and distinct. The former are dolichocranial, with a tall, narrow, protruding face, while the latter are mesocranial, with a moderately tall, flattened face.

The craniophenetic originality of the studied groups was revealed, which consisted in some relatively high and low values of the frequencies of non-metric traits of the skull against the background of the scope of variability within North Asia and America. Almost all craniological series examined (with the exception of Rio Negro) are characterized by increased frequencies of multiplied infraorbital foramina. In the Rio Negro skulls series, there is a high incidence of open spinous foramina. All studied craniological series are characterized by reduced frequency values of the frontal process of the temporal squama. The obtained frequencies of cranial non-metric traits fit closer to the range of variability known for modern populations of North Asia. However, no data characterizing the craniophenetic diversity of South American populations are available yet for the trait system under study, and the results presented are preliminary.

Dental complexes of all studied series are characterized by pronounced maturation of both upper and lower molars. Traits of the eastern odontological trunk are noted in all series, but their frequencies are significantly lower than in most representatives of the Mongoloid in Eurasia. The outcome is the production of original craniological and odontological data that allow us to analyze the territorial variability of indigenous populations in Argentina.

Keywords: Biological anthropology, non-metric traits, craniometry, dental anthropology, Patagonians, Fuegians, Araucanians, Argentina

Acknowledgements: The authors express their deep gratitude to the head of the Paleoethnology Research Center for the opportunity to take part in the South American anthropological expedition of the PRC. They are specially grateful to S.E. Donskoy for the financial support and assistance in organizing the expedition and to D.V. Pezhemsky for valuable advice and consultations in preparing the scientific and methodological part of the work.

The authors also express their sincere appreciation to their colleagues from the Juan Ambrosetti Ethnographic Museum: the director of the museum, Dr. Monica Beron, as well as the students responsible for curating the collection; and from the La Plata Museum: the director of the museum, Dr. Gustavo Barrientos, and the curator of the collection, Dr. Mariano del Papa, for the provided materials.

O.A. Fedorchuk's work was carried out within the framework of the research topic "Formation of Some Morphological and Functional Features of Humans in Phylo- and Ontogenesis" of the Department of Anthropology, Faculty of Biology, Moscow State University.

A.A. Castro Stepanova's and A.Kh. Chirkova's research was carried out within the framework of the research work of the Research Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University "Anthropology of Eurasian Populations (Biological Aspects)" (AAAA-A19-119013090163-2).

N.A. Leibova's work was carried out within the framework of the state assignment of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (topic "Patterns of Population Differentiation of Humanity in Space and Time").

For citation: Fedorchuk, O.A., Castro Stepanova, A.A., Chirkova, A.Kh. & Leibova, N.A. (2024) Comprehensive Craniological and Odontological Study of the Indigenous Population of Argentina: Preliminary Results. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 174–205. doi: 10.17223/2312461X/45/8

Введение

На протяжении многих десятилетий антропологов интересуют вопросы происхождения и популяционной изменчивости коренного населения Америки. Важнейшим источником для изучения этих процессов являются кости и мумифицированные останки. Однако палеоантропологические исследования на американском континенте осложняются целым рядом обстоятельств. В первую очередь, это проблемы, обусловленные историей сбора и хранения краниологических коллекций. Большая их часть была сформирована еще в конце XIX – начале XX в. Практика международного обмена и приобретения музейных экспонатов, широко распространившаяся начиная с первых десятилетий XX в., привела к тому, что черепа из одной коллекции оказывались рассредоточены между крупнейшими собраниями музеев Америки и Европы, в том числе и в России (Алексеева, Ефимова, Эренбург 1986; Дмитренко, Зубова 2020). Сопровождающая документация может изначально отсутствовать в случае, если часть образцов в коллекциях была передана любителями во время первых колонизаторских волн в XVIII в. Бурные события политической жизни Аргентины второй половины XX в. также негативно отразились на состоянии многих антропологических фондов.

К числу трудностей, с которыми сталкиваются исследователи при анализе палеоантропологического материала из Америки, относятся: 1) отсутствие точных или иногда даже приблизительных датировок; 2) отсутствие системности в сборе материала; 3) широкое распространение практики искусственной деформации черепа в большинстве популяций, что усложняет анализ естественной морфологии черепа.

В настоящее время используются все доступные современные методы для датирования нового остеологического материала, включая радиоуглеродный анализ. Однако лишь небольшая часть музейных коллекций имеет точные датировки, что связано с ограниченным финансированием, которое выделяется на подобные работы.

Важным этапом датирования палеоантропологических коллекций музеев Аргентины стали работы Марсело Бормида, посвященные исследованию относительной хронологии разных вариантов искусственной

деформации черепа на территории Патагонии. Согласно его исследованию, черепа с псевдокруговой деформацией (здесь и далее – по классификации Х. Имбеллони (Dembo, Imbelloni 1938)), являются более древними, чем те, что имеют табулярную косую деформацию (где наибольшая деформация приходится на лобную кость), и они, в свою очередь, имеют более ранние датировки, чем черепа с табулярной прямой деформацией (с максимальной деформацией затылочной кости в точке лямбда). Впоследствии эта теория была подтверждена на разных краниологических сериях Аргентины (не только Патагонии) с помощью радиоуглеродного датирования (Sanguinetti de Bórmida 1999; Madrid, Barrientos 2000; Berón, Baffi 2003; Bernal et al. 2008; Berón, Luna 2009), но на разных территориях типы деформации могут иметь различные датировки, и не всегда получается датировать материалы основываясь только на типе деформации.

Изучение антропологических особенностей древнего населения Аргентины является важной научной задачей в контексте исследования вопроса заселения Америки. Кроме того, обитатели южной части этого региона – архипелага Огненная Земля, являются объектом для изучения признаков адаптации к низким температурам, так как территории их проживания характеризуются довольно суровыми климатическими условиями (Hernández, Fox, García-Moro 1997; Bernal, Perez, Gonzalez 2006; Bernal et al. 2014). Наконец, популяции, населявшие территорию Аргентины, чрезвычайно разнообразны, и исследование локальных групп приближает к решению вопроса о миграциях и происхождении населения всего региона.

Череп с территории Патагонии имеют высокую степень полиморфизма, которая неоднократно отмечалась исследователями. В мировом масштабе она занимает третье место после Полинезии и Северной Америки. Таким образом, патагонские серии демонстрируют большую вариативность, чем серии более крупных географических регионов (Sardi et al. 2005; Bernal et al. 2006). Южные патагонские группы сходны по морфологии с огнеземельцами, вероятно, в связи с общим происхождением и ограниченным миграционным потоком на данную территорию (González-José 2003). При этом группы из центральной части Патагонии имеют иную морфологию, что предположительно связано с миграцией на данную территорию населения из других регионов Южной Америки, в первую очередь с так называемой «арауканизацией» – экспансией народов мапуче (арауканов), существенно отразившейся на краниологической изменчивости людей данного региона (González-José 2003; del Papa 2013).

По результатам исследования серии с территории Центральных Сьерр Аргентины (провинции Кордоба, Сан Луис) было выявлено их морфологическое сходство с патагонскими популяциями, а также с популяциями с территории Огненной Земли. Авторами предполагается,

что заселение Центральной Сьерры, скорее всего, происходило из Северо-Восточной Аргентины. Миграция населения продолжалась на юг до Патагонии и Огненной Земли (Fabra, Laguens, Demarchi 2007). Сопоставление данных геометрической морфометрии и генетики палеопопуляций с территории Аргентины, относящихся к разным периодам, показало, что изменение морфологии черепа во времени не сопровождается генетическими изменениями. По мнению авторов исследования, этот факт свидетельствует в пользу одной волны заселения юга Южной Америки (Perez et al. 2009).

В подавляющем большинстве работ для анализа краниологических серий с территории Аргентины использовалась лишь краниометрическая методика. Однако некоторые серии черепов из Патагонии, Пампы и Огненной Земли исследовались и по краниофенетической программе. На сегодняшний день опубликованы данные по частотам дискретно-варьирующих признаков (ДВП), зафиксированным на черепах огнеземельцев ягана (De Stefano, Macchiarelli 1979, 1981) и серии черепов индейцев Патагонии и Пампы (González-José, Dahinten, Hernández 2001; González-José 2003). Больше сведений по ДВП черепа патагонцев, араукан и населения Пампы представлено в работах Мариано дель Папы (del Papa 2008, 2013). Изучение черепов патагонцев по краниофенетической программе в отечественной антропологической науке ранее не проводилось. Из всех американских серий ДВП исследовались только на черепах древних эскимосов Аляски (Дебец 1986), индейцев Перу и индейцев пуэбло (юго-запад США, Кетчипауан) (Мовсесян 2005).

Очевидно, что изучение популяций данного региона проводилось неоднократно. Цель настоящей работы заключалась в исследовании краниологических серий с территории Пампы, Патагонии и Огненной Земли по нескольким методикам, принятым в современной отечественной антропологии. Это позволит в дальнейшем проводить межгрупповые сравнения исследованных популяций с большим количеством групп, особенно с территории Северной Азии, для детализации вопроса о заселении Америки. В задачи этой работы не входило межгрупповое сравнение, а лишь анализ внутригрупповой изменчивости изученных групп по краниометрическим, краниофенетическим и одонтологическим признакам.

Актуальность этого этапа обусловлена интересом отечественных антропологов к вопросу о заселении Америки. Дискурс о принадлежности американских индейцев к монголоидной расе возник довольно давно и продолжается до сих пор. По разным системам признаков большинство исследователей приходят к выводу о том, что американскую ветвь стоит включать в большую азиатско-американскую расу (Чебоксаров 1947; Козинцев 1991, 2015). При этом отмечают архаичные признаки, связывающие индейцев с австралийцами и южными монголоидами (Козинцев

1991, 2004, 2015). Часть исследователей предполагали, что краниологические признаки американских индейцев характерны для ранних стадий формирования монголоидной расы (Рогинский 1937; Дебец 1951).

Материалы и методы

Краниологические серии изучены в хранениях Этнографического музея им. Хуана Амбросетти (при Школе философии и литературы Университета Буэнос-Айреса, Аргентина) и Музея Ла-Платы (Музей естествознания при Национальном университете Ла-Платы, Аргентина). Эти коллекции собраны в конце XIX – начале XX в. Краниологические выборки сформированы, главным образом, по географическому принципу (рис. 1). Исключение составляет серия араукан.

Количество черепов, исследованных по разным методикам, сильно варьирует в некоторых группах (табл. 1). Черепа с выраженной деформацией, а также детские черепа были исключены из краниометрического исследования, но анализировались по краниофенетической и одонтологической программам.

Арауканы. Серия арауканов включает в себя две выборки. Первая из них представлена коллекцией черепов, которые описываются как «черепа, принадлежащие индейцам, которые жили на территории аргентинской пампы в течение XVIII в., которых, по мнению доктора Франсиско П. Морено, следует называть арауканами...» (цит. по: (del Papa 2013: 80)). Эта коллекция частично состоит из черепов людей, которые жили незадолго до составления самой коллекции, и некоторые из них даже именны. Вторая выборка из региона Пампа представлена популяциями мапуче (арауканов), которые поселились в этом регионе в XVII–XVIII вв., придя из Андского региона во время так называемой «арауканизации» (Sardi et al. 2005).

Сан-Блас. Полуостров Сан-Блас расположен в зоне между реками Колорадо и Негро, на юге провинции Буэнос-Айрес на морском побережье. По мнению ряда авторов, серии с полуострова Сан-Блас можно объединить с серией о. Гама, находящегося на расстоянии 3 км. Индивиды из памятников этих территорий были отнесены к позднему голоцену (середина V – середина XVI вв. н. э.) на основании типа искусственной деформации их черепов (табулярной прямой), типа вторичного захоронения и археологического контекста (Outes 1907; Torres 1922; Vignati 1931). В последующем радиоуглеродное датирование позволило отнести эти материалы ко времени между серединой и концом позднего голоцена (Bernal et al. 2008).

Чубут. Материалы были получены в результате раскопок, проведенных Сантьяго Поцци в нижней долине р. Чубут (вблизи от г. Трелью) в конце XIX в. (Lehmann-Nitsche 1910). Они были отнесены к началу (середина VI в. до н. э. – середина V в. н. э.) и концу (середина V – середина

XVI вв. н. э.) позднего голоцена на основании типа искусственной деформации черепа (табулярной косой и табулярной прямой соответственно) (Perez 2006; del Papa 2013: 82).

Рио-Негро. Черепа из этой области соответствуют нескольким археологическим памятникам, расположенным на берегах Лагуны эль Хункаль параллельно южному берегу р. Рио-Негро в районе современного города Вьедма. Памятники были раскопаны Ф.П. Морено в 1873 г. (Moreno 1874; Lehmann-Nitsche 1910). Хронологическая привязка была сделана с помощью радиоуглеродного датирования и установила возраст между началом и концом позднего голоцена (середина IV в. до н. э. – середина VII вв. н. э.) (Bernal et al. 2008).

Серия черепов с **Огненной Земли** была представлена сборной коллекцией черепов, происходящих из разных мест. В некоторых случаях не было известно точной географической привязки нахождения этих черепов, в других случаях они происходили из Баия-Инутил и Рио-Гранде. На некоторых черепах было написано название племен (*она, яган, алакалуфе*) без уточнения места находки.

Кроме того, по одонтологической программе были исследованы несколько групп, относящихся к западной, северо-западной и центральной зоне Аргентины – Пампа (рис. 1), но в рамках настоящей статьи эти материалы не представлены.

Таблица 1

Численность и географическая локализация исследованных серий

Регионы	Группы	Краниометрия (m)	Краниометрия (f)	Краниофенетика	Одонтология	Фото
Пампа	Арауканы (ЛП)	11	4	29	31	30
Буэнос Айрес	Арауканы, Баия-Бланка (ЛП)	5	2	7	1	7
Сан-Блас	Материковые (ЛП)	16	1	23	–	12
	Остров Гама (ЛП)	8	3	14	5	20
Чубут	Колуэ-Уапи (ЛП)	10	3	6	1	8
	Колуэ-Уапи (БА)	11	3	8	1	8
	Другие 13 групп (БА)	28	10	39	17	39
Рио-Негро	Лагуна эль Хункаль (ЛП)	40	16	55	17	55
	Лагуна эль Хункаль (БА)	20	9	39	13	40
	Другие 5 групп (БА)	16	4	25	11	25
Огненная Земля	Огнеземельцы (5 групп, БА)	5	4	12	6	12
Только одонтология						
Сан-Хуан (ЛП)		–	–	1	3	–

Регионы	Группы	Краниометрия (m)	Краниометрия (f)	Краниофенетика	Одонтология	Фото
Сан-Хуан (БА, 3 группы)		–	–	–	9	–
Мендоса (БА, 5 групп)		–	–	–	8	–
Буэнос Айрес (БА, 4 группы)		–	–	–	5	–
Ла-пома, Сальта (ЛП)		–	–	–	2	–
Пампа Гранде, Лас Куентас (ЛП)		–	–	–	8	–
ВСЕГО		165	55	258	138	256
		220				

Примечание. ЛП – серии, изученные в Музее Ла-Платы; БА – в Музее этнографии «Хуан Б. Амбросетти» в Буэнос-Айресе.

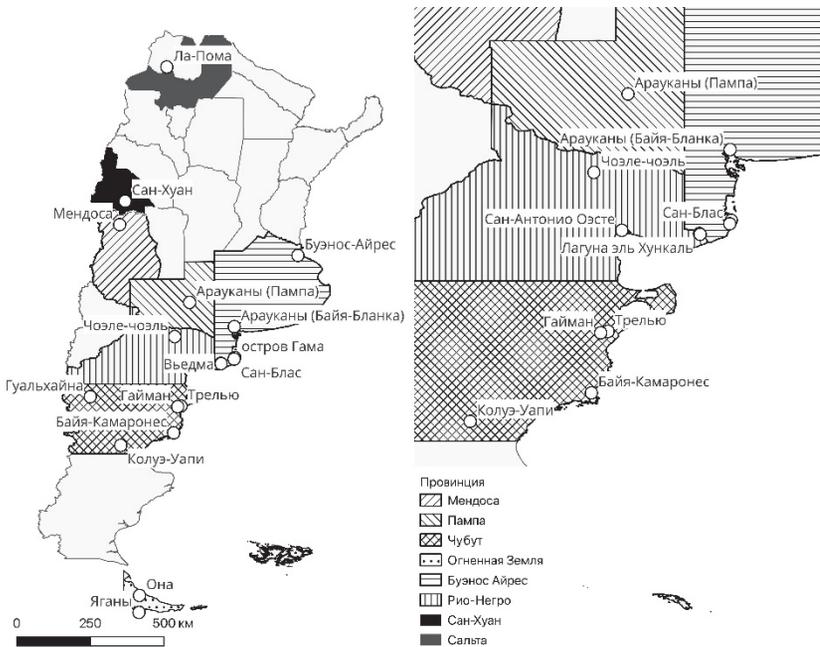

Рис. 1. Географическое расположение исследуемых серий

Краниометрическая методика

Краниометрическая методика включала как стандартные признаки (Martin 1928; Алексеев, Дебеч 1964), так и дополнительные (всего 75 линейных размеров; Федорчук 2022). Всего измерено 226 индивидов. Однако в данной работе анализировались лишь мужские черепа, без следов искусственной деформации, поэтому общее число исследуемых черепов было 127.

В качестве дополнительных признаков были выбраны следующие размеры: угол поперечного изгиба лба УПИЛ (Гохман 1961); хорда *n-l* (М.3а), хорда *b-o*; наименьшая ширина основания черепа (М.11b); базило-постериорная ширина *Dbp* (Беневоленская 1991); верхняя высота лица до *prosthion* NPH (Howells 1973); длина основания лица до *subspinale* (Бунак 1960); длина основания лица от точки *hormion*; наибольшая высота скуловой кости (*fmt-zm*); ширина скуловой кости Март. 41с (Хауэллс. XML). Из угловых размеров в настоящей работе используются лишь назомаллярный (Март. 77) и зиго-максиллярный ($\angle zm'$) углы. Часть углов планируется измерить по 3D-моделям и опубликовать в последующих работах. Также характеристику женских черепов планируется дать в работе, посвященной только краниометрической изменчивости.

Краниофенетическая методика

Полная программа дискретно-варьирующих признаков черепа включала в себя 113 признаков и их морф. Фиксация ДВП черепа производилась по авторской программе, сформированной на основе опубликованных методических работ (Berry, Berry, 1967; Shapiro, Robinson 1967; Мовсесян, Мамонова, Рычков 1975; Козинцев 1984, 1988; Choudhry, Choudhry, Anand 1988; Hauser, De Stefano 1989; Томашевич 1990; Мовсесян 2005, 2022) и авторских признаков, введенных Д.В. Пежемским. По программе ДВП были изучены как черепа взрослых индивидов обоих полов, так и детские черепа. Учитывая флуктуирующий характер полового диморфизма ДВП, деление материала по полу не производилось (Мовсесян 2005). Всего по краниофенетической программе было исследовано 258 черепов.

Обработка материала включала в себя проведение эмпирического анализа, который заключался в подсчете частот каждого признака. При анализе частот билатеральных ДВП счет производился «на индивида». Полученный результат был оценен на фоне размаха изменчивости ДВП в пределах современных групп Америки и Северной Азии (Мовсесян 2005). В данной работе мы ограничиваемся описанием набора признаков, принятых в московской школе краниофенетики (Мовсесян и др. 1975; Мовсесян 2005, 2022). Всего на фоне американского и североазиатского размаха изменчивости оценивались частоты 33 признаков ДВП черепа¹ (табл. 3).

---

¹ В данной статье опубликован только краткий список краниофенетических частот. Планируется, что перечень всех исследованных ДВП черепа будет представлен в отдельных публикациях по каждой из рассмотренных серий черепов.

Таблица 2

**Средние значения краниометрических признаков исследованных групп
патагонцев, араукан и огнеземельцев**

При- знак	Ста- ти- стиче- ский пока- затель	Ара- уканы	Огненная Земля	Рио- Негро	Сан- Блас	Сан-Блас (о-в Гама)	Чу- бут
n		11	6	57	12	3	38
M.1	M	179,6	187,3	186,4	181,3	179,0	181,6
	SD	8,18	5,89	7,67	9,50	1,32	7,08
M.8	M	141,3	143,5	138,8	144,8	155,8	143,9
	SD	6,47	3,44	6,32	5,35	6,53	5,62
M.17	M	133,4	136,0	139,8	140,1	140,2	137,9
	SD	3,50	3,70	5,97	4,95	3,62	5,56
M.8:1	M	78,8	76,7	74,6	80,1	87,1	79,4
	SD	5,44	3,06	4,78	4,92	4,26	4,01
M.17:8	M	93,9	94,8	101,0	96,58	90,0	95,9
	SD	3,64	3,33	5,57	5,57	2,03	4,84
M.17:1	M	75,4	72,6	74,9	77,6	78,3	75,9
	SD	3,59	2,30	3,41	4,52	2,57	4,23
M.5	M	100,9	103,3	104,2	105,4	106,8	104,0
	SD	3,45	1,83	4,56	2,05	3,01	3,89
M.9	M	95,2	94,7	93,6	93,8	99,2	95,1
	SD	5,48	2,96	4,67	3,29	6,29	4,13
M.10	M	116,6	114,8	115,0	119,0	125,8	118,9
	SD	5,54	2,48	4,39	4,29	4,19	4,80
M.11	M	130,0	134,5	128,6	135,1	141,0	134,5
	SD	4,35	3,10	6,05	4,46	5,57	5,27
M.10: 11	M	90,5	85,4	89,8	88,1	89,3	88,5
	SD	2,17	1,18	3,38	1,53	1,11	3,95
M.9:43	M	88,4	87,1	87,0	86,1	86,8	86,3
	SD	2,91	2,45	3,30	1,67	4,46	3,08
M.12	M	109,7	110,6	110,0	113,3	118,5	110,9
	SD	5,38	3,07	5,42	4,74	4,92	3,91
M.29	M	109,4	113,3	115,1	110,4	114,7	112,4
	SD	5,33	5,02	5,03	2,79	3,75	5,50
M.30	M	109,6	112,2	113,4	110,7	109,2	109,1
	SD	6,51	7,26	8,37	8,03	5,35	6,40
M.31	M	93,8	99,1	101,3	99,1	99,7	97,8
	SD	4,43	4,87	6,06	6,84	4,37	5,49
x.n-1	M	170,9	178,7	179,8	171,0	172,5	173,0
	SD	9,18	4,63	7,44	6,41	0,50	7,48
x.b-o	M	144,2	147,2	150,7	154,1	156,3	149,8
	SD	7,62	3,66	6,69	6,48	2,89	5,77
M.26	M	122,3	126,5	127,5	121,5	124,3	124,7
	SD	6,50	4,81	5,56	4,23	5,86	7,08
M.27	M	122,5	124,1	127,1	123,9	124,0	121,4
	SD	8,54	8,21	10,58	10,02	7,94	7,56

При- знак	Ста- ти- стиче- ский пока- затель	Ара- уканы	Огненная Земля	Рио- Негро	Сан- Блас	Сан-Блас (о-в Гама)	Чу- бут
M.28	M	114,5	123,5	121,1	120,4	119,2	119,1
	SD	6,26	12,28	10,41	11,76	7,97	8,33
M.45	M	137,6	140,4	138,9	140,6	148,5	142,8
	SD	5,18	3,09	5,86	6,03	4,95	5,69
M.40	M	99,9	103,3	103,5	107,2	104,0	103,3
	SD	4,30	1,72	3,05	4,21	1,80	3,60
M.48	M	73,6	74,8	76,4	73,5	77,5	75,2
	SD	4,48	4,02	4,05	4,15	0,50	4,49
M.48:45	M	53,6	53,2	55,6	52,7	52,2	53,1
	SD	3,75	2,24	2,56	3,52	2,22	3,48
M.43	M	107,8	108,8	107,5	109,0	114,2	110,3
	SD	5,41	3,03	4,17	3,45	2,52	3,73
M.46	M	99,9	100,4	102,8	103,3	106,3	105,1
	SD	4,31	5,37	4,66	5,58	5,30	4,92
M.55	M	53,1	53,4	53,8	52,3	56,0	53,0
	SD	2,54	2,63	2,85	2,04	3,04	3,34
M.60	M	55,6	56,8	57,3	56,5	56,3	56,3
	SD	1,86	2,62	3,68	3,24	1,53	2,67
M.61	M	65,6	63,0	65,0	64,7	67,5	63,9
	SD	2,40	3,69	4,81	3,40	3,12	6,36
M.54	M	26,2	25,4	25,2	25,4	28,4	25,7
	SD	2,68	1,70	1,64	1,73	1,51	1,53
M.51	M	43,9	44,2	43,7	42,7	45,8	43,5
	SD	1,31	1,58	1,74	1,30	2,99	1,69
M.52	M	36,0	35,4	35,9	35,2	38,5	35,5
	SD	2,04	1,51	1,80	3,51	1,23	1,99
fmt- zm	M	49,7	50,9	49,2	49,1	53,0	50,1
	SD	2,46	2,84	2,91	2,09	0,50	2,48
M.41c	M	55,0	58,5	54,5	56,3	54,7	56,1
	SD	3,94	3,00	3,22	2,89	3,62	3,34
M.54: 55	M	49,4	47,7	46,9	48,5	50,7	48,7
	SD	5,13	3,85	3,33	2,47	2,56	3,60
M.52:51	M	82,0	80,3	82,4	82,5	84,5	81,7
	SD	3,55	5,19	4,85	7,55	6,83	4,85
M.60:61	M	118,2	111,0	113,2	114,1	119,9	113,5
	SD	6,2	6,8	8,8	6,3	6,7	11,5
M.77	M	138,9	138,7	139,4	143,8	138,8	143,4
	SD	6,15	9,38	4,42	4,34	4,88	4,32
M.76a	M	122,8	125,6	122,2	127,8	124,2	130,4
	SD	5,20	6,01	5,76	6,87	6,14	5,21

Таблица 3

Частоты дискретно-варьирующих признаков черепа в группах коренного населения Аргентины на фоне размаха изменчивости краниофенетических частот в пределах современных групп Америки и Северной Азии

№	Признак	Огнеземельцы		Чубут		Рио-Негро (Лагуна эль Хункаль)		Рио-Негро		Сан-Блас		Арауканы		Америка (по: (Мовсесян, 2005))	Северная Азия (по: (Мовсесян, 2005))
		N	P	N	P	N	P	N	P	N	P	N	P		
1	<i>Sutura frontalis (metopica)</i>	12	0,000	53	0,060	91	0,022	23	0,000	37	0,081	36	0,000	0,000–0,011	0,000–0,068
2	<i>Foramen supraorbitale</i>	12	0,750	53	0,736	91	0,582	25	0,640	37	0,730	36	0,639	0,514–0,585	0,400–0,777
3	<i>Foramen frontale</i>	12	0,000	50	0,060	92	0,065	25	0,040	37	0,081	36	0,083	0,053–0,057	0,021–0,196
4	<i>Spina trochlearis</i>	12	0,167	52	0,019	86	0,047	24	0,000	37	0,054	35	0,143	0,057–0,094	0,000–0,300
5	<i>Foramen infraorbitale accessorium</i>	11	0,091	50	0,320	72	0,458	22	0,227	33	0,515	33	0,273	0,152–0,171	0,038–0,250
6	<i>Os zygomaticum bipartitum (следы)</i>	6	0,167	30	0,133	33	0,212	13	0,154	20	0,200	30	0,167	0,029–0,086	0,028–0,200
7	<i>Os Wormii suturae coronalis</i>	6	0,167	33	0,061	65	0,031	16	0,000	26	0,000	22	0,045	0,000–0,042	0,000–0,020
8	<i>Foramen parietale</i>	11	0,818	52	0,577	93	0,505	25	0,520	37	0,595	36	0,694	0,343–0,487	0,272–0,750
9	<i>Stenokrotaphia</i>	9	0,111	41	0,000	76	0,013	19	0,105	29	0,034	31	0,000	0,017–0,029	0,010–0,243
10	<i>Processus frontalis ossis temporalis</i>	11	0,000	48	0,000	79	0,000	22	0,000	36	0,000	33	0,000	0,017–0,029	0,010–0,100
11	<i>Os epiptericum</i>	10	0,000	42	0,071	74	0,108	19	0,053	31	0,097	33	0,121	0,059–0,149	0,041–0,192
12	<i>Foramen tympanicum</i>	12	0,667	50	0,440	78	0,218	24	0,375	37	0,324	34	0,059	0,273–0,371	0,011–0,236
13	<i>Os postisquamatum</i>	11	0,000	49	0,163	79	0,165	24	0,292	35	0,114	32	0,188	0,000–0,153	0,000–0,153
14	<i>Os Incae (все формы)</i>	12	0,083	52	0,038	89	0,045	24	0,042	36	0,139	34	0,000	0,000–0,033	0,010–0,150
15	<i>Os triquetrum</i>	12	0,000	52	0,000	90	0,022	24	0,083	35	0,029	32	0,031	0,000–0,042	0,000–0,107
16	<i>Sutura mendosa (следы)</i>	11	0,000	50	0,020	82	0,012	24	0,000	35	0,000	33	0,000	0,000–0,032	0,010–0,125

17	<i>Os apicis lambda</i>	12	0,250	49	0,061	86	0,047	20	0,050	28	0,069	29	0,000	0,029–0,042	0,010–0,070
18	<i>Processus interparietalis squamae occipitalis</i>	12	0,000	51	0,157	90	0,100	23	0,130	32	0,125	31	0,194	0,011–0,029	0,000–0,100
19	<i>Os Wormii suturae lambdae</i>	12	0,167	48	0,458	80	0,325	23	0,435	31	0,387	31	0,226	0,235–0,362	0,050–0,355
20	<i>Os asterii</i>	11	0,000	49	0,102	80	0,063	23	0,217	34	0,206	34	0,088	0,106–0,176	0,011–0,121
21	<i>Os Wormii sutura occipito-mastoideum</i>	12	0,000	46	0,196	70	0,357	22	0,227	32	0,281	28	0,250	0,168–0,176	0,000–0,160
22	<i>Foramen mastoideum extrasuturale</i>	12	0,833	51	0,725	60	0,733	24	0,792	36	0,750	33	0,727	0,323–0,487	0,229–0,550
23	<i>Canalis condylaris</i>	12	1,000	49	0,918	78	0,872	25	0,840	35	0,943	34	0,853	0,867–0,883	0,407–0,787
24	<i>Facies condylaris bipartitum</i>	8	0,250	44	0,068	62	0,113	11	0,091	30	0,000	31	0,032	0,000	0,000–0,143
25	<i>Canalis hypoglossalis bipartitum</i>	12	0,500	49	0,408	79	0,456	20	0,350	35	0,429	33	0,576	0,200–0,309	0,077–0,372
26	<i>Tuberculum preconylare</i>	12	0,083	48	0,063	69	0,000	21	0,095	30	0,200	32	0,094	0,011–0,067	0,000–0,105
27	<i>Foramen spinosum apertum</i>	11	0,273	50	0,140	76	0,421	23	0,435	36	0,250	32	0,313	0,030–0,140	0,030–0,310
28	<i>Foramen spinosum bipartitum</i>	11	0,091	51	0,137	74	0,162	24	0,208	36	0,139	33	0,182	0,000–0,011	0,010–0,150
29	<i>Foramen pterygospinosum</i>	12	0,083	50	0,120	78	0,090	24	0,167	36	0,083	32	0,094	0,121–0,146	0,044–0,280
30	<i>Foramen pterigo-alare</i>	11	0,000	50	0,140	80	0,200	24	0,167	37	0,135	33	0,333	0,032–0,091	0,000–0,100
31	<i>Torus palatinus</i>	11	0,727	42	0,333	69	0,145	20	0,450	36	0,222	33	0,091	0,000–0,061	0,063–0,300
32	<i>Foramen mentale accessorium</i>	3	0,000	26	0,115	10	0,200	7	0,143	27	0,111	24	0,125	0,047–0,095	0,000–0,285
33	<i>Canalis mylohyoideus</i>	3	0,000	23	0,261	11	0,182	6	0,333	24	0,250	24	0,333	0,142–0,250	0,000–0,238

Одонтологическая методика

Единственная одонтологическая выборка с территории Южной Америки, изученная отечественными антропологами, была получена А.А. Зубовым. В 1974 г. он произвел выборочное обследование современного индейского и метисного населения Тихоокеанского побережья Перу и получил серию слепков (Зубов 1978, 1979; Зубов, Халдеева 1989). Одной из задач нашего исследования было получение новых данных, сопоставимых с уже имеющимися данными с обширной территории Южной и Восточной Сибири, Северной Азии. Значительный массив краниологических коллекций этих макрорегионов был изучен отечественными исследователями по одонтологической программе, предложенной А.А. Зубовым еще в 1968 г., уточненной и дополненной в последующие годы (Зубов 1968, 1973; Зубов, Халдеева 1989, 1993). Еще больший по территориальному охвату одонтологический материал в виде восковых оттисков и гипсовых слепков был собран учениками А.А. Зубова среди современных народов Сибири, Дальнего Востока, Центральной и Северной Азии (Этническая одонтология... 1979; Зубов, Золотарева 1980; Дубов 1987; Дубова, Тегако 1983; Халдеева, Томтосова, Жомова 1993; Аксянова 1991, 1992, 2003, 2013а, 2013б; Лейбова, Забияко 2016). Имеется несколько публикаций, представляющих результаты изучения отдельных серий с территории Прибайкалья эпохи неолита, выполненных по программе Аризонского университета (Arizona State University Dental Anthropology System – ASUDAS). Однако работы эти единичны и недостаточны для полноценного сопоставления групп Северной Евразии и Америки в рамках единой методической системы (Haeussler, Turner 1992). В то же время краниологические серии из музеев Аргентины активно изучаются одонтологами по программе ASUDAS. По этой причине мы придерживались протокола, принятого именно в отечественной школе одонтологии.

Результаты

Краниометрия. Внутригрупповой анализ. В мировом масштабе линейные размеры черепов араукан, патагонцев и огнеземельцев средние, большие или очень большие (см. табл. 2). Этот факт говорит об общей массивности черепов коренного населения Пампы и Патагонии. Наибольшие размеры в основном наблюдаются у черепов с о. Гама. Меньшими размерами (относительно остальных) по большинству признаков характеризуются черепа араукан.

Череп араукан имеют среднелонный, среднеширокий и средневисокий мозговой отдел. По форме он мезокранный и высокий по отношению к длине. Основание средней длины и широкое. Лоб среднеширокий,

короткий. Затылочная кость средней длины и ширины. Лицевой отдел широкий, высокий, со среднелинным основанием. Выступление лица в верхней части среднее, в нижней сильное. Нос средних размеров, мезоринный. Орбита большая, по форме мезоконхная. Альвеолярная дуга большая, широкая по форме.

Недеформированных мужских черепов территории о. Гама оказалось крайне мало – всего три. На основе этого количества нельзя говорить о морфологии населения данной территории. Однако для полноты характеристики материала их описание дается. Мозговой отдел черепов с о. Гама среднелинный, очень широкий и высокий, основание длинное и очень широкое. По форме гипербрахикранный, низкий по отношению к ширине (по отношению к длине – высокий). Лобная кость широкая и короткая. Затылочная очень широкая и длинная. Лицевой отдел очень широкий, высокий (по форме мезен), с очень длинным основанием. В верхней части средневыступающий, в нижней выступающий. Нос высокий и широкий, по форме мезоринный. Орбита очень высокая и очень широкая (мезоконхная – средняя). Альвеолярная дуга длинная, широкая по абсолютному размеру и форме.

Черепы, происходящие из континентальной части Сан-Бласа, характеризуются среднелинным, среднешироким и высоким мозговым отделом. По форме мозговой отдел брахикранный, высокий по отношению к длине. Основание мозгового отдела длинное и очень широкое. Лобная кость среднеширокая, короткая. Затылочная кость широкая и длинная. Лицевой отдел черепа широкий, высота средняя (на границе с высокими значениями), основание лица очень длинное. По форме лицо мезен. В верхней части лицо уплощенное, в нижней выступающее. Нос средних размеров, мезоринный. Орбита очень широкая, средней высоты, близко к высоким значениям (мезоконхная). Альвеолярная дуга длинная, по ширине средняя, на границе с широкой, по форме мезуранная.

Черепы из региона Рио-Негро разнородны (т.е. происходят из разных мест этой большой области), однако для данного анализа были объединены. Они имеют длинный, узкий и высокий мозговой отдел. По форме долихокранный, высокий по отношению к ширине. Основание длинное и широкое. Лобная кость средней ширины в надглазничной области, узкая в области венечного шва. Затылочная кость средней ширины, длинная. Лицо широкое, высокое, длинное в основании. По форме лицо высокое и узкое. Выступление лица среднее вверху, а внизу сильное. Нос высокий, средней ширины, по форме узкий. Орбита широкая и высокая, по форме мезоконхная. Альвеолярная дуга большая.

Черепы из региона Чубут происходят из территориально очень различных областей, однако в настоящем описании они соединены в одну выборку. Мозговой отдел черепа среднелинный, средней ширины и вы-

сокий. По форме мезокранный, высокий по отношению к длине. Основание мозгового отдела длинное и очень широкое. Лобная кость среднеширокая и среднедлинная. Затылочная кость среднеширокая и длинная. Очень широкое лицо, высокое (по форме мезен), с длинным основанием. В верхней и нижней части лицо уплощенное. Нос средних размеров, мезоринный. Орбита высокая и широкая. Альвеолярная дуга длинная и среднеширокая (мезуранная).

Мозговой отдел черепов с Огненной Земли длинный, средней ширины и высоты. Мезокранный, высота по отношению к длине средняя. Основание мозгового отдела среднедлинное и очень широкое. Лобная кость средней ширины в области посторбитального сужения, узкая в области венечного шва, среднедлинная. Затылок средней ширины и длинный. Лицевой отдел широкий и высокий (по форме мезен), с длинным основанием, выступает средне в верхней части и сильно в нижней. Нос средневысокий и среднеширокий, по форме мезоринный. Орбита широкая и высокая (по форме – средняя). Альвеолярная дуга длинная и среднеширокая.

Внутригрупповой многомерный анализ. По результатам краниометрического исследования был собран обширный, но при этом достаточно разнородный материал. Исследованные черепа происходят из разных групп, с разных территорий и часто не имеют датировок. В связи с этим разделение материала на группы этнотерриториальные и даже хронологически синхронные трудно выполнимо. Для получения предварительных результатов от этой задачи мы отказались и сосредоточились на исследовании внутригрупповой изменчивости сборной выборки, а также изменчивости выборок отдельных регионов, для которых материал был наиболее многочисленный.

В первую очередь был проведен анализ главных компонент на обобщенной группе с территории Аргентины. В данной работе анализировались лишь мужские черепа.

Первая главная компонента сильнее всего связана с наименьшей шириной лба, лобной хордой и верхней шириной лица (рис. 2). Вторая компонента скоррелирована с продольным диаметром отрицательно, а с поперечным диаметром и шириной основания черепа положительно. В распределении индивидов из разных областей Аргентины можно отметить, что черепа с территории Рио-Негро в основном располагаются в области больших значений первой компоненты и малых значений второй. То есть характеризуются большей шириной надглазничной области, а также более длинным и узким мозговым отделом. Черепа араукан располагаются на противоположной части графика. Огнеземельцы и большая часть индивидов с территории Чубут занимают центральное положение. Черепа Сан-Бласа ближе к области распределения черепов провинции Чубут.

Среди большинства отдельных выборок встречаются индивиды, которые выделяются довольно сильно среди остальных, на графике эти индивиды обозначены своим коллекционным номером. Лишь часть индивидов с подозрением на деформацию сильно отличается от остального распределения, например черепа с территории Сан-Блас. Другие же черепа, имеющие явно отличную морфологию, по-видимому, не несут следов деформации. Исходя из специфики материала можно предположить, что эти черепа могут относиться к другому времени.

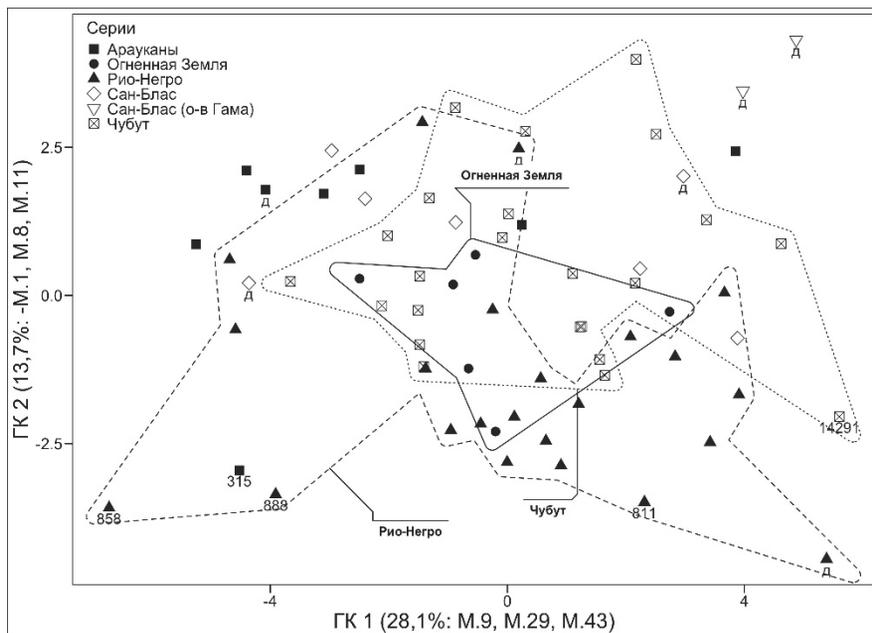

Рис. 2. Распределение индивидов с территории Пампы и Патагонии в пространстве первой и второй главных компонент (по результатам анализа, проведенного на признаках мозгового и лицевого отделов).

Примечание. Здесь и на рис. 3, 4 буквами «д» на графике обозначены индивиды, у которых, возможно, есть искусственная деформация мозгового отдела

Отдельно были получены графики распределения индивидов на основе только признаков мозгового отдела (рис. 3) и лицевого отдела (рис. 4). Это было сделано в связи с тем, что в выборке присутствуют черепа, для которых возможно наличие слабой искусственной деформации. Теоретически эти черепа должны сильнее выделяться в анализе с использованием признаков мозгового отдела, нежели в анализе по признакам лицевого отдела.

Различие в расположении предположительно деформированных черепов в двух вариантах анализа не сильно выражено, хотя некоторые черепа с признаками деформации располагаются ближе к центру распределения при использовании лишь признаков лицевого отдела (рис. 4).

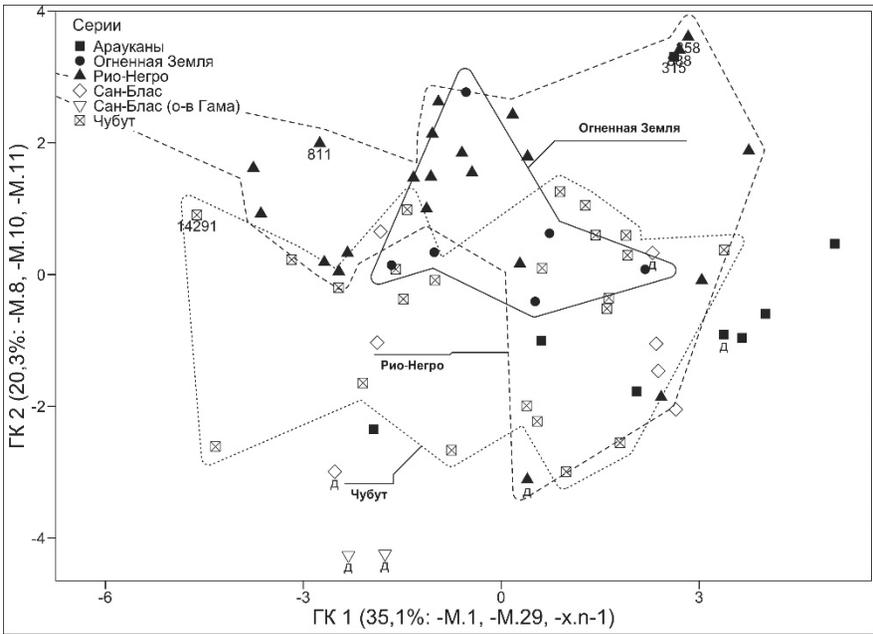

Рис. 3. Распределение индивидов с территории Пампы и Патагонии в пространстве первой и второй главных компонент (по результатам анализа, проведенного на признаках мозгового отдела)

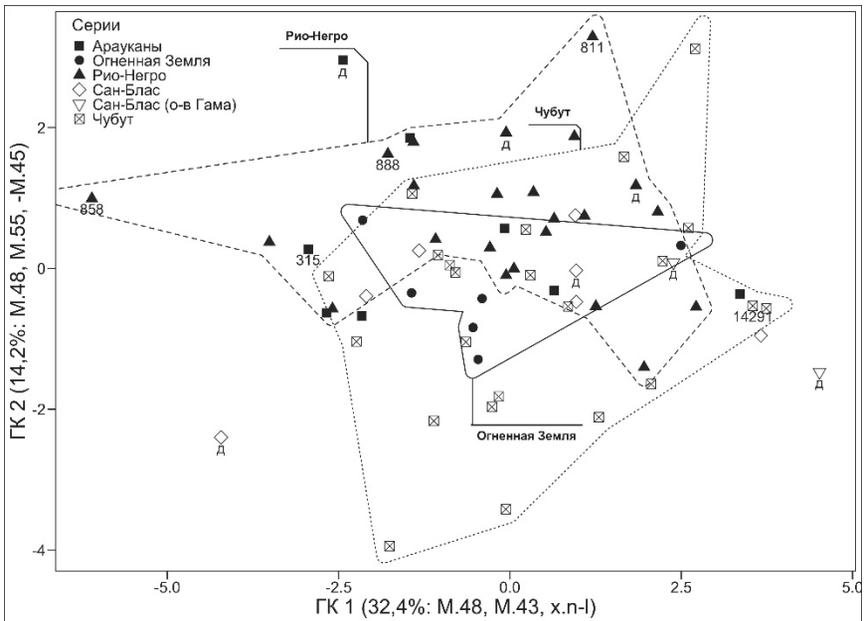

Рис. 4. Распределение индивидов с территории Пампы и Патагонии в пространстве первой и второй главных компонент (по результатам анализа, проведенного на признаках лицевого отдела)

Принципиальных отличий по распределению индивидов из разных областей в двух вариантах анализа нет. При использовании только признаков мозгового отдела изменчивость индивидов из региона Чубут и Рио-Негро получается несколько меньшей, а у араукан и огнеземельцев наоборот.

Краниофенетика. Исследованные краниологические выборки были представлены сборными коллекциями черепов, происходящих из разных регионов Аргентины. Черепа патагонцев, рассмотренные в этой статье, включали в себя серии из провинций Рио-Негро, Чубут и Сан-Блас.

Выборка черепов из провинции Рио-Негро была разделена на две подгруппы. Первая происходит из заповедной зоны Лагуна эль Хункаль, в которой было представлено наибольшее количество черепов (см. табл. 1). Вторая сборная группа включала в себя черепа из разных мест Рио-Негро: г. Сан-Антонио-Оэсте, Вьедма и Чоэле-Чоэль, в некоторых случаях места происхождения черепов были неизвестны.

Серия черепов из Рио-Негро (Лагуна эль Хункаль) характеризуется высокими частотами: разделенных подъязычных каналов (0,456); дополнительных подглазничных (0,435), незамкнутых остистых (0,421) и малых крылоостистых отверстий (0,200); вставочных косточек в затылочно-сосцевидном шве (0,357) (см. табл. 3).

В сборной серии черепов из Рио-Негро повышенные частоты на фоне размаха изменчивости современных групп Америки и Северной Азии (Мовсесян 2005) встречались у группы ДВП, представленных: сосцевидными отверстиями вне шва (0,792), незамкнутыми и разделенными остистыми отверстиями (0,435 и 0,208 соответственно); вставочными косточками в лямбдовидном шве (0,435), в области теменной вырезки (0,292) и в затылочно-сосцевидном шве (0,227); межтеменными выростами затылочной чешуи (0,130).

Обе серии черепов из Рио-Негро имели пониженные значения частот лобного отростка височной чешуи (0,0).

Происхождение черепов из провинции Чубут в большинстве случаев неизвестно, а среди известной информации указаны многочисленные (не менее 12) локации обнаружения, и преобладающее число черепов происходило из места близ озера Колуэ-Уапи.

Черепы из провинции Чубут характеризуются повышенными частотами следующих признаков, не характерных для известного размаха изменчивости Америки и Северной Азии: заднемыщелковыми (0,918) и сосцевидными отверстиями вне шва (0,725), отверстиями на барабанном кольце (0,440), дополнительными подглазничными (0,320) и малыми крылоостистыми отверстиями (0,140); шовными косточками в лямбдовидном шве (0,458).

К признакам с пониженными частотами относились: сужение птериона (0,0) и лобный отросток височной чешуи (0,0).

Краниологическая выборка из провинции Сан-Блас была представлена черепами только взрослых индивидов с о. Гама и материковыми сериями. Высокими частотами, не характерными для известного разнообразия популяций Северной Азии и Америки, отличаются следующие признаки: дополнительные подглазничные отверстия (0,515); разделение подъязычного канала перемычкой (0,429); астериальные косточки (0,206); предмышечковые бугорки (0,200); метопический шов (0,081).

Признаком с пониженной частотой встречаемости на фоне североазиатского и американского размаха изменчивости является лобный отросток височной чешуи (0,0).

По краниофенетической программе было изучено 12 черепов огнеземельцев, принадлежащих только взрослым индивидам. К дискретно-варирующим признакам, отличающимся высокими частотами, не характерными для известного разнообразия популяций Северной Азии и Америки, относились: двухсоставные затылочные мышечки (0,250); вставочные косточки заднего родничка (0,250) и в венечном шве (0,167). Высокие частоты признаков также были зафиксированы для подглазничных (0,750) и незамкнутых остистых отверстий (0,273), но эти признаки вписываются в пределы изменчивости, характерной для популяций Северной Азии.

Также встречались признаки, частоты которых ниже североазиатского и американского размаха изменчивости: астериальные (0,0) и эпиптерные (0,0) кости; лобный отросток височной чешуи (0,0); лобные отверстия (0,0).

Череп араукан происходят из области Пампа и Баия-Бланка. Серия черепов араукан характеризуется высокими частотами краниофенетических признаков, которые не характерны для известного разнообразия популяций Северной Азии и Америки, это: дополнительные подглазничные отверстия (0,273), сосцевидные отверстия вне шва (0,727), малое крылоостистое отверстие (0,333); вставочные косточки в области теменной вырезки (0,188) и в затылочно-сосцевидном шве (0,250); межтеменной вырост затылочной чешуи (0,194); челюстно-подъязычный канал (0,333) и раздвоенный подъязычный канал (0,576).

Признаки, частоты которых ниже североазиатского и американского размаха изменчивости были представлены сужением птериона (0,0), лобными отростками височной чешуи (0,0) и вставочными косточками заднего родничка (0,0).

Одонтология. В рамках настоящей работы наша задача – дать общую характеристику особенностей морфологии зубной системы коренных обитателей Аргентины. Более детальный анализ будет представлен в специальной публикации. По одонтологической программе приемлемое для анализа число наблюдений по отдельным признакам было получено в трех сериях: араукан и индейцев Патагонии (Рио-Негро и Чубут).

Таблица 4

Одонтологическая характеристика изученных групп араукан и патагонцев

		Арауканы	Рио-Негро	Чубут
Shov UII (2+3)		–	–	–
n/N		(1/1)	(1/1)	
LM1 (6)	%	18,2	6,7	22,2
n/N		(4/22)	(1/15)	(6/9)
dw	%	0,0	0,0	–
n/N		(0/6)	(0/1)	(1/3)
dtc	%	18,8	0,0	–
n/N		(3/16)	(0/3)	(2/3)
tami	%	4,8	0,0	0,0
n/N		(1/21)	(0/11)	(0/7)
hy (3, 3+) UM2	%	33,3	31,0	7,1
n/N		(9/27)	(9/29)	(1/14)
LM1 (4)	%	0,0	0,0	0,0
n/N		(0/22)	(0/15)	(0/9)
LM2 (4)	%	58,8	14,3	45,5
n/N		(10/17)	(2/14)	(5/11)
Cara UM1 (2–5)	%	4,5	8,3	33,3
n/N		(1/22)	(1/12)	(2/6)
Eext (5–6) UM2	%	75,0	90,0	88,2
n/N		(21/28)	(27/29)	(15/17)
Eext (5–6) LM2	%	86,7	69,2	58,3
n/N		(13/15)	(9/13)	(7/12)
Гиподонтия UM3	%	12,5	4,2	2,6
n/N		(4/32)	(2/48)	(1/39)
Гиподонтия LM3	%	4,8	4,8	17,4
n/N		(1/21)	(1/21)	(4/23)

Обозначения: n – количество случаев присутствия признака, N – общее число наблюдений для данного признака, Shov UII (2+3) – лопатообразная форма центральных верхних резцов, LM1 (6) – шестибугорковые первые нижние моляры, dw – коленчатая складка на первых нижних молярах, dtc – дистальный гребень тригонида на первых нижних молярах, tami – внутренний средний дополнительный бугорок на первом нижнем моляре, hy (3, 3+) UM2 – редукция гипоконуса на втором верхнем моляре, LM1 (4), LM2 (4) – четырехбугорковый первый и второй нижние моляры, Cara UM1 (2–5) – бугорок Карабелли на первом верхнем моляре, Eext (5–6) UM2/LM2 – межкорневой затек эмали на вторых молярах.

С горечью вынуждены отметить, что даже в общих чертах нам не удалось получить представление о важнейшем надрасовом фене – лопатообразной форме верхних центральных резцов. Практически у всех изученных черепов верхние резцы либо утрачены за долгие годы хранения, либо сильно стертые. В трех сериях этот признак был определен всего у двух индивидов. В обоих случаях резцы имели выраженные краевые гребни, то есть характеризовались лопатообразной формой. Из прочих фенов восточной ориентации в изученных сериях встречены шестибугорковые первые нижние моляры и дистальный гребень тригонида на

первом нижнем моляре. Частоты этих признаков скорее невысокие для представителей восточного одонтологического ствола (см. табл. 4). Судить о частоте коленчатой складки метаконида нам сложно из-за стертости эмали, число наблюдений этого признака не превышает шести случаев у араукан. Межкорневые затеки эмали на вторых молярах, еще один фен восточной ориентации, отмечены с высокой частотой. Для всех групп характерен высокий уровень матуризации моляров: полное отсутствие четырехбугорковых первых нижних моляров, низкие частоты четырехбугорковых вторых нижних моляров, слабый уровень редукции гипоконуса на вторых верхних молярах. Необходимо отметить очень низкий процент гиподонтии нижних моляров – не более 17,4%. Для сравнения: по данным стоматологов, у современного населения частота гиподонтии третьих моляров превышает 70%. Очень редкая встречаемость бугорка Карабелли на первых верхних молярах вполне предсказуема.

Эти предварительные данные подтверждают замечание А.А. Зубова (1999), о том, что, одонтологический комплекс признаков у представителей коренного населения Южной и Северной Америки имел пониженный удельный вес монголоидного компонента. Нам еще предстоит детальный анализ полученных данных, но хочется отметить довольно большое количество редких морфологических вариантов на зубах индейцев изученных групп. Это наблюдение, которое, к сожалению, трудно будет выразить статистически.

Заключение

Анализ линейных размеров черепа разных групп Аргентины показал, что большая часть краниологических серий характеризуется большими значениями линейных размеров. Относительно остальных меньшие значения большинства признаков имеют черепа араукан. По форме мозгового отдела черепа в большинстве регионов мезокранные, за исключением черепов из Сан-Бласа, которые по форме оказались брахикранными, а черепа из провинции Рио-Негро, наоборот, долихокранными. Лицевой отдел, а также форма носа, орбит и альвеолярной дуги также в основном находятся в границах средних значений указателей в большинстве групп.

Анализ изменчивости исследуемых черепов показал довольно высокую гетерогенность всех территориальных групп. Несмотря на это, общие закономерности распределения показывают отличия большинства черепов с территории Рио-Негро от черепов из региона Чубут. Индивиды с территории Огненной Земли находятся в центре распределения всей общности изученных черепов, следовательно, по исследуемым признакам не дифференцируются. Черепа араукан выделяются относительно

малыми размерами ширины (в области посторбитального сужения и скуловых отростков) и длины лобной кости, но большими широтными размерами мозгового отдела. Черепа с о. Гама выделяются и большими размерами лобной кости и большими широтными размерами мозгового отдела. Последние ближе к области распределения черепов из провинции Чубут. Таким образом, по результатам анализа краниометрических признаков исследуемых групп можно заключить, что они достаточно разнообразны.

Первичное изучение ДВП черепа позволяет установить значение частот некоторых краниологических фенев и дать популяционно-фенетическую характеристику коренного населения Аргентины путем выявления комплекса признаков, имеющих повышенные частоты на фоне размаха изменчивости современных групп Северной Азии и Америки. Почти во всех группах (за исключением Рио-Негро) часто встречались дополнительные подглазничные отверстия (*foramen infraorbitale accessorium*). В сериях черепов из Рио-Негро наблюдается завышенная частота незамкнутых остистых отверстий (*foramen spinosum apertum*). Все исследованные краниологические серии характеризуются пониженными значениями частот лобного отростка височной чешуи (*processus frontalis ossis temporalis*). По предварительным результатам данного исследования, полученные частоты ДВП всех рассмотренных краниологических серий в большей степени характерны для известного разнообразия популяций Северной Азии. Но следует учитывать, что на текущий момент нам не известен размах изменчивости краниофенетических признаков, встречающийся в популяциях Южной Америки, в рамки которого могли бы быть вписаны и полученные в данном исследовании частоты ДВП черепа, наблюдаемые у коренного населения Аргентины.

Одонтологические комплексы всех изученных серий (арауканы, Рио-Негро, Чубут) характеризуются выраженной матуризацией как верхних, так и нижних моляров. Признаки восточного одонтологического ствола отмечены во всех сериях, однако частоты их существенно ниже, нежели в большинстве монголоидных популяций Евразии.

В следующих исследованиях планируется дальнейшее проведение сравнительного анализа полученных данных с другими группами по разным системам признаков. Это позволит лучше понять положение изученных серий в масштабе внутривидовой изменчивости и сделать предположения об их происхождении.

Список источников

- Аксянова Г.А. Одонтология // Тюрки таежного Причулымья: (популяция и этнос). Томск: Изд. Том. ун-та, 1991. С. 200–209.
- Аксянова Г.А. Одонтология нганасан // Нганасаны. Антропологическое исследование. Вып. II. М.: ИЭА РАН, 1992. С. 226–265.

- Аксянова Г.А. Одонтология // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск, 2003. С. 292–344.
- Аксянова Г.А. Происхождение кетов по данным антропологии: история вопроса, новые материалы // Вестник антропологии. 2013а. № 1(23). С. 20–58.
- Аксянова Г.А. Одонтологическая характеристика шорцев в связи с таксономическими проблемами на юге Западной Сибири // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. 2013б. № 4. С. 68–79.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Алексеева Т.И., Ефимова С.Г., Эренбург Р.Б. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии Московского государственного университета: Палеолит-современ. эпоха : [Каталог]. М.: Изд-во МГУ, 1986.
- Беневоленская Ю.Д. Признаки черепного свода как маркеры различных уровней дифференциации различных рас // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии / Отв. ред. И.И. Гохман; АН СССР. ИЭ. 1991. № 44. С. 136–152.
- Бунак В.В. Лицевой скелет и факторы, определяющие вариации его строения // Антропологический сборник II (ТИЭ. Новая серия. Т. I). М.: Изд-во АН СССР. 1960. № 2. С. 84–152.
- Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. 1961. № 8. С. 88–98.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1951. № 17.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология древних эскимосов (Ипиутак, Тигара) // Этнические связи народов севера Азии и Америки по данным антропологии. М.: Наука, 1986. С. 6–149.
- Дмитренко Л.М., Зубова А.В. Первые результаты изучения коллекций индейцев омагуака (крепость Пукара-де-Тилкара, Северо-Западная Аргентина) в собрании МАЭ РАН // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 1. С. 149–157.
- Дубов А.И. Одонтологическая характеристика хантов, селькупов и эвенков // Полевые исследования Института этнографии, 1983 / отв. ред. С.И. Вайнштейн. М.: Наука, 1987. С. 106–113.
- Дубова Н.А., Тегачко Л.И. Одонтологическая характеристика населения Северо-Востока Азии // На стыке Чукотки и Аляски / редкол.: В.П. Алексеев (отв. ред.), Т.И. Алексеева, С.А. Арутюнов, И.С. Гурвич; АН СССР. ИЭ. М.: Наука, 1983. С. 170–199.
- Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968.
- Зубов А.А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973.
- Зубов А.А. О расовом типе аборигенного населения Америки // Расы и народы. Вып. 8. М.: Наука, 1978. С. 47–58.
- Зубов А.А. «Восточный зубной комплекс» у населения тихоокеанского побережья Перу // XIV Тихоокеанский конгресс. СССР, Хабаровск, авг. 1979 г. Т. II. М.: Тихоокеанская науч. ассоциация, 1979. С. 194–195.
- Зубов А.А. Биолого-антропологическая характеристика коренного доевропейского населения Америки // Население Нового Света: Проблемы формирования и социокультурного развития / А.А. Истомин (ред.). М.: ИАЭ РАН, 1999. С. 11–66.
- Зубов А.А., Золотарева И.М. Монголы в мировой систематике одонтологических типов // Вопросы антропологии. 1980. № 64. С. 69–87.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. М.: Наука, 1989.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993.
- Козинцев А.Г. Заднескуловая щель как расоразграничительный признак // Вопросы антропологии. 1984. № 74. С. 55–61
- Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л.: Наука, 1988.

- Козинцев А.Г.* Материалы к краниоскопической характеристике американских индейцев // Сборник Музея антропологии и этнографии РАН. 1991. № 44. С. 152–165.
- Козинцев А.Г.* Кеты, уральцы, «американоиды»: интеграция краниологических данных // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез. К 75-летию Ильи Иосифовича Гохмана / А.Г. Козинцев (ред.). СПб. : Изд-во МАЭ РАН, 2004. С. 172–185.
- Козинцев А.Г.* Свидетельства физической антропологии и генетики. Глава 4 // Заселение человеком Нового Света: Опыт комплексного исследования / Васильев С.А., Березкин Ю.Е., Козинцев А.Г., Пейрос И.И., Слободин С.Б., Табарев А.В. СПб.: Нестор-история, 2015.
- Лейбова Н.А., Забияко А.П.* Одонтологическая характеристика эвенков Приамурья: новые данные // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. № 18. С. 164–174.
- Мовсесян А.А.* Фенетическая краниоскопия: учебное пособие для студентов биологических специальностей высших учебных заведений. М.: (б.и.), 2022.
- Мовсесян А.А.* Фенетический анализ в палеоантропологии. М.: Университетская книга, 2005.
- Мовсесян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г.* Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. № 51. С. 58–77.
- Рогинский Я.Я.* Проблема происхождения монгольского расового типа // Антропологический журнал. 1937. № 2. С. 43–63.
- Томашевич Т.В.* Закономерности распределения частоты третьего решетчатого канала черепа человека // Вопросы антропологии. 1990. № 84. С. 106–113.
- Федорчук О.А.* Материалы к соотносительной изменчивости измерительных признаков черепа человека. М.: Клуб печати, 2022.
- Халдеева Н.И., Томтосова Л.Ф., Жомова В.К.* Одонтологический тип якутов как вариант дифференциации восточного одонтологического ствола // Полевые исследования Института этнографии. 1993. Т. 1, № 2. С. 94–104.
- Чебоксаров Н.Н.* Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // Труды Института этнографии АН СССР. 1947. № 2. С. 24–83.
- Этническая одонтология СССР / Отв. ред. А.А. Зубов, Н.И. Халдеева. М.: Наука, 1979.
- Bernal V., Béguelin M., Gordón F., Cobos V.A., Gonzalez P.N., Lotto F.P.* Craniofacial variation, body size and ecological factors in aboriginal populations from central Patagonia (2000-200 years B.P.) // Homo. 2014. Vol. 65, № 2. P. 101–114. doi: 10.1016/j.jchb.2013.11.004.
- Bernal V., González P.N., Perez S.I., Pucciarelli H.M.* Entierros humanos del noreste de Patagonia: nuevos fechados radiocarbónicos // Magallania. 2008. Vol. 36. № 2. P. 125–134.
- Bernal V., Perez S.I., Gonzalez P.N.* Variation and causal factors of craniofacial robusticity in Patagonian hunter-gatherers from the late Holocene // Am. J. Hum. Biol. 2006. Vol. 18, № 6. P. 748–765. doi: 10.1002/ajhb.20546.
- Berón M., Baffi E.* Procesos de cambio cultural en los cazadores recolectores de la provincia de La Pampa, Argentina // Intersecciones en antropología. 2003. Vol. 4. P. 29–45.
- Berón M., Luna L.* Distribución espacial y cronológica de la deformación craneana tabular erecta en Pampa y Norpatagonia // Arqueología de Patagonia: una mirada desde el último confin / Salemme, M., F. Santiago, M. Álvarez, E. Piana, M. Vázquez y E. Mansur (Eds.). 2009. P. 561–575.
- Berry A.C., Berry R.J.* Epigenetic variation in the human cranium // Journal of Anatomy. 1967. Vol. 101, № 2. P. 361–379.
- Choudry R., Choudry S., Anand C.* Duplication of optic canalis in human skulls // Journal of Anatomy. 1988. № 159. P. 113–116.
- De Stefano G.F., Macchiarelli R.* Traits discontinus dans un échantillon de crânes d'habitants de la Terre de Feu // L'Anthropologie. 1979. Vol. 83, № 1. P. 105–108.
- De Stefano G.F., Macchiarelli R.* Caratteri metrici e non-metrici in crani di Fuegini // Rivista di Antropologia. 1981. Vol. LX, № 1. P. 139–148.

- Del Papa M.C.* Estructuración espacial de la variación biológica humana en la República Argentina durante el Holoceno tardío final a través de los rasgos epigenéticos craneofaciales // *Rev. Arg. Antrop. Biol.* 2008. Vol. 10, № 2. P. 21–41.
- Del Papa M.* La estructura y dinámica del poblamiento humano de Pampa y Patagonia continental durante el Holoceno tardío: un análisis de rasgos epigenéticos craneofaciales: PhD Thesis. Universidad Nacional de la Plata, 2013.
- Dembo A., Imbelloni J.* Deformaciones Intencionales del Cuerpo Humano. Buenos Aires: Humanior, 1938.
- Fabra M., Laguens A.G., Demarchi D.A.* Human colonization of the central territory of Argentina: design matrix models and craniometric evidence // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2007. Vol. 133, № 4. P. 1060–1066. doi: 10.1002/ajpa.20634
- González-José R.* El poblamiento humano de la Patagonia: Análisis de la variación craneofacial en el contexto del poblamiento de América. PhD Thesis. Universidad de Barcelona. Barcelona. España, 2003.
- González-José R., Dahinten S., Hernández M.* The settlement of Patagonia: a matrix correlation study // *Hum. Biol.* 2001. Vol. 73, № 2. P. 233–248.
- Haeussler A.M., Turner C.G.* The dentition of Soviet Central Asians and the quest for New World ancestors // *Journal of Human Ecology.* 1992. Special Is. 2. P. 273–297.
- Hauser G., De Stefano G.F.* Epigenetic variants of the human skull. Stuttgart: Schweizerbart, 1989.
- Hernández M., Fox C.L., García-Moro C.* Fuegian cranial morphology: the adaptation to a cold, harsh environment // *Am. J. Phys. Anthropol.* 1997. Vol. 103, № 1. P. 103–117. doi: 10.1002/(SICI)1096-8644(199705)103:1<103::AID-AJPA7>3.0.CO;2-X.
- Howells W.W.* Cranial variation in man: A Study by Multivariate Analysis of Patterns of Difference among Recent Human Population // *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology.* 1973. Vol. 67.
- Lehmann-Nitsche R.* Catálogo de la Sección Antropología del Museo de La Plata. Buenos Aires: Imprenta Coni Hnos, 1910.
- Madrid P., Barrientos G.* La estructura del registro arqueológico del sitio Laguna Tres Reyes 1 (Provincia de Buenos Aires): nuevos datos para la interpretación del poblamiento humano del sudeste de la región pampeana a inicios del Holoceno tardío // *Relaciones de la Sociedad Argentina de Antropología.* 2000. Vol. XXV. P. 179–206.
- Martin R.* *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer darstellung.* Jena: Fischer, 1928. P. 579–991.
- Moreno F.* Cementerios y paraderos prehistóricos de la Patagonia // *Anales Científicos Argentinos.* 1874. Vol. 1. P. 2–13.
- Outes F.* Arqueología de San Blas (provincia de Buenos Aires) // *Anales del Museo Nacional de Buenos Aires.* 1907. Vol. 16. P. 249–273.
- Perez S.I.* El poblamiento holocénico del sudeste de la región pampeana: Un estudio de morfometría geométrica craneofacial. PhD Thesis. Facultad de Ciencias Naturales y Museo. Universidad Nacional de La Plata. Argentina, 2006.
- Perez S.I., Bernal V., González P.N., Sardi M.L., Politis G.G.* Discrepancy between cranial and DNA data of early Americans: Implications for American peopling // *PLoS One.* 2009. Vol. 4, № 5. e5746.
- Sanguinetti de Bórmida A.C.* Proyecto Nordpatagonia. Arqueología de la costa septentrional // *Anales de la Academia Nacional de Ciencias de Buenos Aires.* 1999. P. 1–35.
- Sardi M.L., Ramírez Rozzi F., González-José R., Pucciarelli H.M.* South Amerindian craniofacial morphology: Diversity and implications for Amerindian evolution // *Am. J. Phys. Anthropol.* 2005. Vol. 128, № 4. P. 747–756.
- Shapiro R., Robinson F.* The foramina of the middle fossa: a phylogenetic, anatomic and pathologic study // *Am. J. Roentgenol. Radium Ther. Nucl. Med.* 1967. Vol. 101. P. 779–794.
- Torres L.M.* Arqueología de la península San Blas (provincia de Buenos Aires) // *Revista del Museo de La Plata.* 1922. Vol. 26. P. 473–532.

Vignati M. Investigaciones antropológicas en el litoral marítimo subatlántico bonaerense // Notas Preliminares del Museo de La Plata. 1931. Vol. 1. Pp 19–31.

References

- Aksianova G.A. (1991) Odontologiya [Odontology]. In: *Tiurki taezhnogo Prichulyum'ia: (populiatsiia i etnos)* [Turks of the taiga Chulyum region: (population and ethnicity)]. Tomsk: Izd. Tom. un-ta. pp. 200–209.
- Aksianova G.A. (1992) Odontologiya nganasan [Nganasan Odontology]. In: *Nganasany. Antropologicheskoe issledovanie* [Nganasany. An anthropological study]. Vol. II. Moscow: IEA RAN. pp. 226–265.
- Aksianova G.A. (2003) Odontologiya [Odontology]. In: *Etnografiia i antropologiya Yamala* [Ethnography and anthropology of Yamal]. Novosibirsk. pp. 292–344.
- Aksianova G.A. (2013a) Proiskhozhdenie ketov po dannym antropologii: istoriia voprosa, novye materialy [The origin of the Kets according to anthropological data: history of the issue, new materials], *Vestnik antropologii*, no. 1(23), pp. 20–58.
- Aksianova G.A. (2013b) Odontologicheskaiia kharakteristika shortsev v sviazi s taksonomicheskimi problemami na iuge Zapadnoi Sibiri [Dental Anthropology of Shors and Taxonomic Problems in The South of Western Siberia], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya*, no. 4, pp. 68–79.
- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964) *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranioemetry: Anthropological research methodology]. Moscow: Nauka.
- Alekseeva T.I., Efimova S.G., Erenburg R.B. (1986) *Kraniologicheskie i osteologicheskie kolleksii Instituta i Muzeia antropologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta: Paleolit-sovremen. epokha: (Katalog)* [Craniological and Osteological Collections of the Institute and Museum of Anthropology of Moscow State University: Paleolithic-Modern Era : (Catalog)]. Moscow: Izd-vo MGU.
- Benevolenskaia Iu.D. (1991) Priznaki cherepnogo svoda kak markery razlichnykh urovnei differentsiatsii razlichnykh ras [Signs of the cranial vault as markers of different levels of differentiation of various races]. In: *Novye kolleksii i issledovaniia po antropologii i arkheologii* [New collections and research in anthropology and archaeology] / Ed. by I.I. Gokhman; AN SSSR, no. 44, pp. 136–152.
- Bernal V., Béguelin M., Gordón F., Cobos V.A., Gonzalez P.N., Lotto F.P. (2014) Craniofacial variation, body size and ecological factors in aboriginal populations from central Patagonia (2000-200 years B.P.), *Homo*, Vol. 65, no. 2, pp. 101–114. doi: 10.1016/j.jchb.2013.11.004.
- Bernal V., González P.N., Perez S.I., Pucciarelli H.M. (2008) Entierros humanos del noreste de Patagonia: nuevos fechados radiocarbónicos, *Magallania*, Vol. 36, no. 2, pp. 125–134.
- Bernal V., Perez S.I., Gonzalez P.N. (2006) Variation and causal factors of craniofacial robusticity in Patagonian hunter-gatherers from the late Holocene, *Am. J. Hum. Biol.* Vol. 18, no. 6, pp. 748–765. doi: 10.1002/ajhb.20546.
- Berón M., Baffi E. (2003) Procesos de cambio cultural en los cazadores recolectores de la provincia de La Pampa, Argentina, *Intersecciones en antropología*, Vol. 4, pp. 29–45.
- Berón M., Luna L. (2009) Distribución espacial y cronológica de la deformación craneana tabular erecta en Pampa y Norpatagonia. In: *Arqueología de Patagonia: una mirada desde el último confin* / M. Salemmé, F. Santiago, M. Álvarez, E. Piana, M. Vázquez y E. Mansur (Eds.). pp. 561–575.
- Berry A.C., Berry R.J. (1967) Epigenetic variation in the human cranium, *Journal of Anatomy*, Vol. 101, no. 2, pp. 361–379.
- Bunak V.V. (1960) Litsevoi skelet i faktory, opredeliaushchie variatsii ego stroeniia [The facial skeleton and the factors determining variations in its structure]. In: *Antropologicheskii sbornik II* [Anthropological collection II] (TIE. Novaia seriya. Vol. L). Moscow: Izd-vo AN SSSR, no. 2, pp. 84–152.

- Cheboksarov N.N. (1947) Osnovnye napravleniia rasovoi differentsiatsii v Vostochnoi Azii [Main areas of racial differentiation in East Asia], *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*, no. 2, pp. 24–83.
- Choudry R., Choudry S., Anand C. (1988) Duplication of optic canalis in human skulls, *Journal of Anatomy*, no. 159, pp. 113–116
- De Stefano G.F., Macchiarelli R. (1979) Traits discontinus dans un échantillon de crânes d'habitants de la Terre de Feu, *L'Anthropologie*, Vol. 83, no. 1, pp. 105–108.
- De Stefano G.F., Macchiarelli R. (1981) Caratteri metrici e non-metrici in crani di Fuegini, *Rivista di Antropologia*, Vol. LX, no. 1, pp. 139–148.
- Debets G.F. (1951) Antropologicheskie issledovaniia v Kamchatskoï oblasti [Anthropological research in the Kamchatka region], *Trudy Instituta etnografii AN SSSR*. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, no. 17.
- Debets G.F. (1986) Paleoantropologiya drevnikh eskimosov (Ipiutak, Tigara) [Paleoanthropology of the ancient Eskimos (Ipiutak, Tigara)]. In: *Etnicheskie svyazi narodov severa Azii i Ameriki po dannym antropologii* [Ethnic Relations of the Peoples of Northern Asia and America According to Anthropology]. Moscow: “Nauka”. pp. 6–149.
- Del Papa M. (2013) *La estructura y dinámica del poblamiento humano de Pampa y Patagonia continental durante el Holoceno tardío: un análisis de rasgos epigenéticos craneofaciales*. PhD Thesis. Universidad Nacional de la Plata.
- Del Papa M.C. (2008) Estructuración espacial de la variación biológica humana en la República Argentina durante el Holoceno tardío final a través de los rasgos epigenéticos craneofaciales, *Rev. Arg. Antrop. Biol.* Vol. 10, no. 2, pp. 21–41.
- Dembo A., Imbelloni J. (1938) *Deformaciones Intencionales del Cuerpo Humano*. Buenos Aires: Humanior.
- Dmitrenko L.M., Zubova A.V. (2020) Pervye rezultaty izucheniia kollektzii indeitsev omaguaka (krepost' Pukara-de-Tilkara, Severo-Zapadnaia Argentina) v sobranii MAE RAN [Collection Related To The Omaguaca Indians From The Pucara De Tilcara Fortress, Northwestern Argentina, At The Museum Of Anthropology And Ethnography Ras, St. Petersburg: Tentative Findings], *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, Vol. 48, no. 1, pp. 149–157.
- Dubov A.I. (1987) Odontologicheskaia kharakteristika khantov, sel'kupov i evenkov [Odontological characteristics of the Khanty, Selkups and Evenks]. In: *Polevye issledovaniia In-ta etnografii, 1983* [Field research of the Institute of Ethnography, 1983] / Ed. by. S.I. Vainshtein. Moscow: Nauka. pp. 106–113.
- Dubova N.A., Tegako L.I. (1983) Odontologicheskaia kharakteristika naseleniia Severo-Vostoka Azii [Odontological characteristics of the population of Northeast Asia]. In: *Na styke Chukotki i Aliaski* [At the border of Chukotka and Alaska] / Editorial board: V.P. Alekseev (editor in chief), T.I. Alekseeva, S.A. Arutiunov, I.S. Gurvich; AN SSSR. IE. Moscow: Nauka. pp. 170–199.
- Etnicheskaya odontologiya SSSR* [Ethnic odontology of the USSR] / Ed. by A.A. Zubov, N.I. Khaldeeva. Moscow: Nauka, 1979.
- Fabra M., Laguens A.G., Demarchi D.A. (2007) Human colonization of the central territory of Argentina: design matrix models and craniometric evidence, *Am. J. Phys. Anthropol.* Vol. 133, no. 4, pp. 1060–1066. doi: 10.1002/ajpa.20634.
- Fedorchuk O.A. (2022) *Materialy k sootnositel'noi izmenchivosti izmeritel'nykh priznakov cherepa cheloveka* [Materials on the relative variability of the measuring features of the human skull]. Moscow: Klub pečati.
- Gokhman I.I. (1961) Ugol poperechnogo izgiba lba i ego znachenie dlia rasovoi diagnostiki [The angle of the transverse bend of the forehead and its significance for racial diagnosis], *Voprosy antropologii*, no. 8, pp. 88–98.
- González-José R. (2003) *El poblamiento humano de la Patagonia: Análisis de la variación craneofacial en el contexto del poblamiento de América*. PhD Thesis. Universidad de Barcelona. Barcelona. España.

- González-José R., Dahinten S., Hernández M. (2001) The settlement of Patagonia: a matrix correlation study, *Hum. Biol.* Vol. 73, no. 2, pp. 233–248.
- Haeussler A.M., Turner C.G. (1992) The dentition of Soviet Central Asians and the quest for New World ancestors, *Journal of Human Ecology*. Special Issue, 2, pp. 273–297.
- Hauser G., De Stefano G.F. (1989) *Epigenetic variants of the human skull*. Stuttgart: Schweizerbart.
- Hernández M., Fox C.L., García-Moro C. (1997) Fuegian cranial morphology: the adaptation to a cold, harsh environment, *Am. J. Phys. Anthropol.* Vol. 103, no. 1, pp. 103–117. doi: 10.1002/(SICI)1096-8644(199705)103:1<103::AID-AJPA7>3.0.CO;2-X.
- Howells W.W. (1973) Cranial variation in man: A Study by Multivariate Analysis of Patterns of Difference among Recent Human Population, *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology*, Vol. 67.
- Khaldeeva N.I., Tomtosova L.F., Zhomova V.K. (1993) Odontologicheskii tip iakutov kak variant differentsiatsii vostochnogo odontologicheskogo stvola [The Yakut dental type as a variant of differentiation of the eastern dental stem], *Polevye issledovaniia In-ta etnografii*, vol. 1, no. 2, pp. 94–104.
- Kozintsev A.G. (1984) Zadneskulovaia shchel' kak rasorazgranichitel'nyi priznak [The posterior zygomatic fissure as a racial delimiting feature], *Voprosy antropologii*, no. 74, pp. 55–61.
- Kozintsev A.G. (1988) *Etnicheskaia kranioskopiia. Rasovaia izmenchivost' shvov cherepa sovremennogo cheloveka* [Ethnic Craniology. Racial variability of modern human skull sutures]. Leningrad: Nauka.
- Kozintsev A.G. (1991) Materialy k kranioskopicheskoi kharakteristike amerikanskikh inditsiev [Materials for cranioscopic characteristics of American Indians], *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii RAN*, no. 44, pp. 152–165.
- Kozintsev A.G. (2004) Kety, ural'tsy, «amerikanoidy»: integratsiia kranilogicheskikh dannikh [Kets, Uralians, “Americanoids”: integration of craniological data]. In: *Paleoantropologiia. Etnicheskaia antropologiia. Etnogenez. K 75-letiiu II'i Iosifovicha Gokhmana* [Paleoanthropology. Ethnic anthropology. Ethnogenesis. On the 75th anniversary of Ilya Iosifovich Gokhman] / A.G. Kozintsev (ed.). St. Petersburg: Izd-vo MAE RAN. pp. 172–185.
- Kozintsev A.G. (2015) Svidetel'stva fizicheskoi antropologii i genetiki. Glava 4 [Evidence from Physical Anthropology and Genetics. Chapter 4]. In: *Zaselenie chelovekom Novogo Sveta: Opyt kompleksnogo issledovaniia* [Human settlement of the New World: An attempt at a comprehensive study] / Vasil'ev S.A., Berezkin Iu.E., Kozintsev A.G., Peiros I.I., Slobodin S.B., Tabarev A.V. St. Petersburg: Nestor-istoriia.
- Lehmann-Nitsche R. (1910) *Catálogo de la Sección Antropología del Museo de La Plata*. Buenos Aires: Imprenta Coni Hnos.
- Leibova N.A., Zabiiko A.P. (2016) Odontologicheskaiia kharakteristika evenkov Priamur'ia: novye dannye [Odontological Characteristics of Evenks in The Amur Region: New Data], *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia “Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia”*, no. 18, pp. 164–174.
- Madrid P., Barrientos G. (2000) La estructura del registro arqueológico del sitio Laguna Tres Reyes 1 (Provincia de Buenos Aires): nuevos datos para la interpretación del poblamiento humano del sudeste de la región pampeana a inicios del Holoceno tardío, *Relaciones de la Sociedad Argentina de Antropología*, Vol. XXV, pp. 179–206.
- Martin R. (1928) *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer darstellung*. Jena: Fischer. pp. 579–991.
- Moreno F. (1874) Cementerios y paraderos prehistóricos de la Patagonia, *Anales Científicos Argentinos*, Vol. 1, pp. 2–13.
- Movsesian A.A. (2005) *Fenicheskii analiz v paleoantropologii* [Phenetic analysis in paleoanthropology]. Moscow: Universitetskaia kniga.

- Movsesian A.A. (2022) *Feneticheskaia kranioskopiia: uchebnoe posobie dlia studentov biologicheskikh spetsial'nostei vysshikh uchebnykh zavedenii* [Phenetic Craniology: A Textbook for Students of Biological Specialties at Higher Education Institutions]. Moscow.
- Movsesian A.A., Mamonova N.N., Rychkov Iu.G. (1975) Programma i metodika issledovaniia anomalii cherepa [Program and methodology for studying skull anomalies], *Voprosy antropologii*, no. 51, pp. 58–77.
- Outes F. (1907) Arqueología de San Blas (provincia de Buenos Aires), *Anales del Museo Nacional de Buenos Aires*, Vol. 16, pp. 249–273.
- Perez S.I. (2006) *El poblamiento holocénico del sudeste de la región pampeana: Un estudio de morfometría geométrica craneofacial*. PhD Thesis. Facultad de Ciencias Naturales y Museo. Universidad Nacional de La Plata. Argentina.
- Perez S.I., Bernal V., González P.N., Sardi M.L., Politis G.G. (2009) Discrepancy between cranial and DNA data of early Americans: Implications for American peopling, *PLoS ONE*, Vol. 4, no. 5, e5746.
- Roginskiĭ Ia.Ia. (1937) Problema proiskhozhdeniia mongol'skogo rasovogo tipa [The problem of the origin of the Mongolian racial type], *Antropologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 43–63.
- Sanguinetti de Bórmida A.C. (1999) Proyecto Nordpatagonia. Arqueología de la costa septentrional, *Anales de la Academia Nacional de Ciencias de Buenos Aires*, pp. 1–35.
- Sardi M.L., Ramírez Rozzi F., González-José R., Pucciarelli H.M. (2005) South Amerindian craniofacial morphology: Diversity and implications for Amerindian evolution, *Am. J. Phys. Anthropol.* Vol. 128, no. 4, pp. 747–756.
- Shapiro R., Robinson F. (1967) The foramina of the middle fossa: a phylogenetic, anatomic and pathologic study, *Am. J. Roentgenol. Radium Ther. Nucl. Med.* Vol. 101, pp. 779–794.
- Tomashevich T.V. (1990) Zakonomernosti raspredeleniia chastoty tret'ego reshetchatogo kanala cherepa cheloveka [Frequency distribution patterns of the third ethmoid canal of the human skull], *Voprosy antropologii*, no. 84, pp. 106–113.
- Torres L.M. (1922) Arqueología de la península San Blas (provincia de Buenos Aires), *Revista del Museo de La Plata*, Vol. 26, pp. 473–532.
- Vignati M. (1931) Investigaciones antropológicas en el litoral marítimo subatlántico bonaerense, *Notas Preliminares del Museo de La Plata*, Vol. 1, pp. 19–31.
- Zubov A.A. (1968) *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniĭ* [Odontology. Methods of anthropological research]. Moscow: Nauka.
- Zubov A.A. (1973) *Etnicheskaia odontologiya* [Ethnic odontology]. Moscow: Nauka.
- Zubov A.A. (1978) O rasovom tipe aborigennogo naseleniia Ameriki [On the racial type of the native population of America], *Rasy i narody*. Vol. 8. Moscow: Nauka. pp. 47–58.
- Zubov A.A. (1979) «Vostochnyi zubnoi kompleks» u naseleniia tikhookeanskogo poberezh'ia Peru ["Eastern dental complex" among the population of the Pacific coast of Peru]. In: *XIV Tikhookeanskii kongress. SSSR, Khabarovsk, avg. 1979 g.* [Pacific Congress. USSR, Khabarovsk, August 1979]. Vol. II. Moscow: Tikhookeanskaia nauch. assotsiatsiia. pp. 194–195.
- Zubov A.A. (1999) Biologo-antropologicheskaiia kharakteristika koren'nogo doevropeiskogo naseleniia Ameriki [Biological and anthropological characteristics of the indigenous pre-European population of America]. In: *Naselenie Novogo Sveta: Problemy formirovaniia i sotsiokul'turnogo razvitiia* [Population of the New World: Problems of Formation and Sociocultural Development] / A.A. Istomin (ed.). Moscow: IAE RAN. pp. 11–66.
- Zubov A.A., Khaldeeva N.I. (1989) *Odontologiya v sovremennoi antropologii* [Odontology in modern anthropology]. Moscow: Nauka.
- Zubov A.A., Khaldeeva N.I. (1993) *Odontologiya v antropofenetike* [Odontology in anthropogenetics]. Moscow: Nauka.
- Zubov A.A., Zolotareva I.M. (1980) Mongoly v mirovoi sistematike odontologicheskikh tipov [Mongols in the world taxonomy of odontological types], *Voprosy antropologii*, no. 64, pp. 69–87.

Сведения об авторах:

ФЕДОРЧУК Ольга Алексеевна – кандидат биологических наук, научный сотрудник кафедры антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: fedorchukoa@my.msu.ru

КАСТРО Степанова Александра Андреа – кандидат биологических наук, сотрудник НИИ и Музея антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: aacas06@gmail.com

ЧИРКОВА Алина Харисовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник НИИ и Музея антропологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: chirkovaah@my.msu.ru

ЛЕЙБОВА Наталья Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра физической антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: leibova.natalia@iea.ras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Olga A. Fedorchuk, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: fedorchukoa@my.msu.ru

Alexandra A. Castro Stepanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: aacas06@gmail.com

Alina Kh. Chirkova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: chirkovaah@my.msu.ru

Natalia A. Leibova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: leibova.natalia@iea.ras.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 7 июля 2024 г.;
принята к публикации 30 августа 2024 г.*

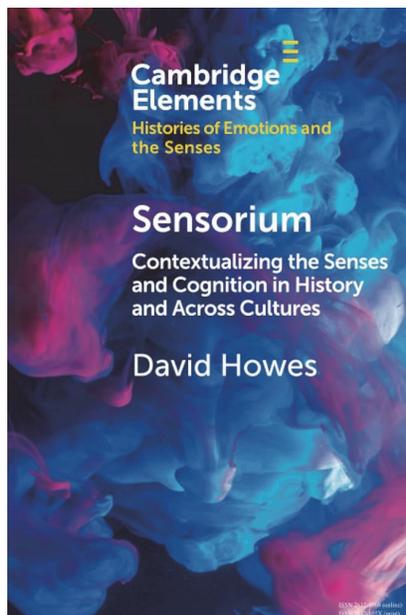
*The article was submitted 07.07.2024;
accepted for publication 30.08.2024.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 39:612.8
doi: 10.17223/2312461X/45/9

Антропология восприятия Дэвида Хауза

David Howes. *Sensorium. Contextualizing the Senses and Cognition in History and Across Cultures*. Cambridge: Cambridge, 2024. 86 p. ISBN: 978-1009517225

Для цитирования: Соколовский С.В. Антропология восприятия Дэвида Хауза (Рец. на: David Howes. *Sensorium. Contextualizing the Senses and Cognition in History and Across Cultures*. Cambridge: Cambridge, 2024. 86 p. ISBN: 978-1009517225) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 206–209. doi: 10.17223/2312461X/45/9

For citation: Sokolovskiy, S.V. (2024) Sensory Anthropology by David Howes (Review of David Howes. *Sensorium. Contextualizing the Senses and Cognition in History and Across Cultures*. Cambridge: Cambridge, 2024. 86 p. ISBN: 978-1009517225). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 206–209 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/9

Исследователи восприятия и чувств – психологи, социологи и антропологи, специализирующиеся в областях психологической и когнитивной антропологии, с удовольствием и несомненной пользой познакомятся с этой компактной, но весьма содержательной новой работой Дэвида Хауза, известного канадского специалиста в области антропологии

восприятия, автора, соавтора и редактора множества работ по сенсорной антропологии, включая такие книги, как «Виды сенсорного опыта», «Аромат: культурная история запаха», «Чувственные отношения: чувства в культуре и социальной теории», «Империя чувств: ридер по сенсорной культуре», «Способы ощущать: восприятие ощущений в обществе» и «Сенсорные исследования: история чувств в антропологии, социологии и праве» (Howes 1991, 2003, 2004, 2023; Classen, Howes, Synnott 1994; Classen, Howes 2014). Эти работы Хауза, часть которых написана в соавторстве с Констанс Классен, сделали их обоих лидерами в области исследований восприятия и ощущения, а положенные в их основу исследования по праву рассматриваются в качестве краеугольных камней в фундаменте сенсорной антропологии (Milner 2015: 568). Кроме того, Хауз является одним из основателей выходящего с 2006 г. журнала *The Senses and Society* и редактором известных книжных серий *Sensory Formations* (2003–2009) и *Sensory Studies* (2015–2024).

Рассматриваемое здесь издание также является частью серийного издательского проекта Кембриджского университета – книжной серии «Элементы», или, более официально – «Начала в историях эмоций и чувств» (*Elements in Histories of Emotions and the Senses*), до 2023 г. вышедшей под общей редакцией известного немецкого историка чувств Яна Плампера (умер в ноябре прошлого года в возрасте 53 лет; в издательстве НЛЮ вышла книга под его редакцией «Российская империя чувств» (Плампер и др. 2010)). Основной идеей этой новой небольшой работы Хауза является исторический подход к восприятию и чувственности, исходящий из представления, подтвержденного собственными полевыми исследованиями автора, что классический западный набор из пяти чувств не является нормой для человечества в целом, тем более – на разных этапах его существования. Сенсориум – так автор обозначает ту исходную нерасчлененную перцептивную совокупность, которая затем была разделена и классифицирована по каналам восприятия, выступает в качестве основного объекта исследования в этой книге. Автор последовательно отстаивает исторический подход к ощущению и восприятию и развивает свою идею о синестезии как исходном состоянии сенсориума, заявленную им еще прежде, например, в его книге, написанной в соавторстве с Констанс Классен (Classen, Howes 2014), последняя глава которой как раз посвящена анализу синестетических феноменов. Новичкам, впервые знакомящимся с этой интереснейшей областью исследований, каковую несомненно представляет сенсорная антропология, будет интересно познакомиться с разворачивающимися в ней дискуссиями о числе основных каналов восприятия (сколько всего «чувств»?), а также по таким вопросам: проявляются ли эти чувства независимо друг от друга или вступают в отношения интерференции или иные виды взаимодействия; можем ли мы сознательно управлять таким взаимодействием

и, например, слушать цвета или видеть звуки; почему запахи столь эффективно нагружены; отличаются ли ощущения и восприятия от культуры к культуре и от эпохи к эпохе?

В отличие от физиологов и психологов, часто ограничивающих исследования перцепции стенами своих лабораторий, Хауз для объяснения собственной позиции по перечисленным проблемам рисует широкую панораму культур и эпох, позволяющую увидеть слабые места модернистских концептуализаций ощущения и восприятия. Обнаруживается, что сенсориум не распадается на предзаданное число категорий по числу органов восприятия и их каналов, но делится во многих культурах или периодах существования человечества по-разному, что позволяет рассматривать так называемую научную классификацию в ряду других культурных артефактов, а сами чувства как сконструированные культурами специфические для каждой из них области восприятия. Даже к знакомой всем нам со времен Аристотеля европейской классификации, в которой были названы всем известные пять чувств, в XIX в. было добавлено еще два – проприоцептивное и кинестетическое.

Во многих культурных традициях классификация областей восприятия оказывается также и частью космологии, а сами чувства, что уже менее удивительно, – тесно связанными с мировоззрением. Новым для читателей станет также рассмотрение автором чувств как динамических сред, играющих роль посредников между телом и миром, а не как состояний или автоматических реакций телесных рецепторов. Автор последовательно анализирует слух, обоняние и взаимосвязи между зрением и аффективностью. История восприятия и чувств проиллюстрирована рассмотрением конкретных кейсов. Хауз на примере Маргарет Кэвендиш, графини Ньюкасла (1623–1673), рассматривает гендерные аспекты подчинения восприятия программным целям научной революции XVII в. Еще одним проанализированным в книге кейсом, иллюстрирующим сенсориум уже XIX века, является биография американского художника-экспата Джеймса Уисслера (James McNeill Whistler, 1834–1903), насыщавшего свои полотна музыкой (ближайшее сравнение – Чурлёнис, и если говорить об обратном случае синестезии – преобразении цвета в звук – Скрябин).

В целом эта небольшая книга представляет собой отличное введение в исследования по сенсорной антропологии, которое может быть использовано и как основа специализированного учебного курса, и как полезный источник сведений об ощущении и восприятии, позволяющий обогатить программы полевых этнографических исследований, и в этом отношении она подходит как для начинающих антропологов, так и для исследователей, уже имеющих большой полевой опыт.

Сергей Валерьевич Соколовский

Список источников

- Плампер и др. Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. М.: НЛЮ, 2010.
- Classen C., Howes D. *Ways of Sensing: Understanding the Senses in Society*. L.: Routledge, 2014.
- Classen C., Howes D., Synnott A. *Aroma: the Cultural History of Smell*. L.: Routledge, 1994.
- Howes D. (ed.). *The Varieties of Sensory Experience*. Toronto: University of Toronto Press, 1991.
- Howes D. *Sensual Relations: Engaging the Senses in Culture and Social Theory*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.
- Howes D. (ed.). *Empire of the Senses. The Sensual Culture Reader*. Oxford: Berg, 2004.
- Howes D. *Sensorial Investigations: A History of the Senses in Anthropology, Psychology, and Law*. University Park: Penn State University, 2023.
- Milner M. Review: DAVID HOWES and CONSTANCE CLASSEN. *Ways of Sensing: Understanding the Senses in Society*. New York: Routledge, 2014 // *American Historical Review*. April 2015. P. 568–569.

References

- Plamper et al. (2010) *Rossiiskaia imperiia chuvstv. Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii* [Russian Empire of Senses. Approaches to the Cultural History of Emotion] / ed. by Jan Plampera, Schamma Schahadat and Mark Ely. Moscow: NLO.
- Classen C., Howes D. (2014) *Ways of Sensing: Understanding the Senses in Society*. London: Routledge.
- Classen C., Howes D., Synnott A. (1994) *Aroma: the Cultural History of Smell*. London: Routledge.
- Howes D. (ed.) (1991) *The Varieties of Sensory Experience*. Toronto: University of Toronto Press.
- Howes D. (ed.) (2004) *Empire of the Senses. The Sensual Culture Reader*. Oxford: Berg.
- Howes D. (2003) *Sensual Relations: Engaging the Senses in Culture and Social Theory*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Howes D. (2023) *Sensorial Investigations: A History of the Senses in Anthropology, Psychology, and Law*. University Park: Penn State University.
- Milner M. (2015) Review: DAVID HOWES and CONSTANCE CLASSEN. *Ways of Sensing: Understanding the Senses in Society*. New York: Routledge, 2014. *American Historical Review*. April. pp. 568–569.

Сведения об авторе:

СОКОЛОВСКИЙ Сергей Валерьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sergei V. Sokolovskiy, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: SokolovskiSerg@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 августа 2024 г.;
принята к публикации 1 сентября 2024 г.*

*The article was submitted 03.08.2024;
accepted for publication 01.09.2024.*

Рецензия
УДК 929
doi: 10.17223/2312461X/45/10

К вопросу об основном инстинкте *Homo sapiens*

Банников К.Л. Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации. М.: ИЭА РАН, 2022. 94 с. ISBN 978-5-4211-0300-4

Для цитирования: Луговой К.В. К вопросу об основном инстинкте *Homo sapiens* (рец. на Банников К.Л. Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации. М.: ИЭА РАН, 2022. 94 с. ISBN 978-5-4211-0300-4) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 3. С. 210–218. doi: 10.17223/2312461X/45/10

For citation: Lugovoy, K.V. (2024) Towards basic instinct of *Homo sapiens* (Review of Bannikov K.L. Instinct to Harmonise Meanings. The informational theory of ethnicity: Aspects and interpretations. Moscow: IEA RAS, 2022. 94 p. ISBN 978-5-4211-0300-4). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 210–218 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/45/10

Человек – это животное, висящее в паутине смыслов, сотканной им самим.

Макс Вебер

Первое июля 2024 г. стало первым днем рождения Сергея Александровича Арутюнова, которое мы отпраздновали здесь, на этом свете, без него. Этот выдающийся мыслитель и любимый тысячами его коллег и сотнями учеников, оставил после себя колоссальное наследие, которое будет вдохновлять нас и, хочется надеяться, также наших учеников. Недавним образцом такого вдохновения является книга К.Л. Банникова

«Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации», написанная к 90-летию Сергея Александровича... в качестве тоста, и опубликованная, согласно пожеланию юбиляра, как есть, за исключением самоцензуры дионисийских оборотов. В итоге получилось чтение, безусловно, интересное, но и весьма непростое, как для понимания, так и для рецензирования. И начинается эта проблемность непосредственно с заглавия работы. Ведь если со второй его частью, «Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации» – всё более или менее понятно, то первой составляющей, «Инстинкт гармонии смыслов», автор бросает читателю откровенный вызов, заранее намекая на грядущий синтез поэтического и аналитического компонентов. О том же свидетельствует и выбранный автором эпиграф – завораживающие единством разума и чувств строки Бродского. Такая вот проверка алгебры гармонией и наоборот.

Однако искушенный читатель увидит в этом заглавии парафраз «инстинкта к комбинациям» Вильфредо Парето и обнаружит в тексте ссылку на его теорию «базовых человеческих инстинктов»: *«Теория “базовых человеческих инстинктов” Вильфредо Парето понимает под оными, с одной стороны, неудаляемые инстинкты, с другой – специфически человеческие свойства, составляющие (в силу “неудаляемости”) атрибутивный признак человеческой природы, без которого невозможно речь о специфически человеческом. Именно поэтому на первое место он выносит креативный “инстинкт” системообразования – “инстинкт к комбинациям”. Определение данного свойства сознания как “инстинкт” обусловлено тем, что системообразование не является предметом свободного выбора человека или следствием вынужденной общественной необходимости. Это органическое свойство сознания как такового»*. То есть поэтичность названия книги опирается на совершенную логику и научные школы, ставшие уже классическими. И в этом есть своего рода особенность всего творчества Банникова, не разделяющего науку и поэтику, руководствуясь античной максимой: система есть гармония. И наоборот.

Впрочем, обо всем по порядку. Первый и самый объемный раздел книги, метко озаглавленный «Из научной биогеобиблиографии», судя по всему, призван усыпить бдительность читателя и создать у него иллюзию принципиальной традиционности юбилейного текста. Здесь Банников обстоятельно излагает основные этапы личного и научного пути С.А. Арутюнова, выделяя не только биографические факты, но и социокультурный контекст, определивший те или иные повороты действительно крайне интересной и насыщенной жизни большого ученого. Причем «обстоятельно» вовсе не означает «сухо» или «скучно», потому что основа лейтмотива этого раздела – безусловная любовь и уважение ав-

тора к юбиляру, которые звенят буквально в каждом абзаце. *«Выступление Арутюнова на конференции – это образующий конференцию фактор, или, во всяком случае, придающий ей некое особое качество. На вопрос “как прошла конференция?” один крупный ученый сказал: “Она состоялась. В ней участвовал Арутюнов”»*. И это – первое несомненное достоинство книги Банникова, заряжающее стандартный байопик эмоциональностью и создающее личностную интерференцию объекта и субъекта исследования.

Банников, используя оптику любви и уважения, внимательно следит за эволюцией своего героя, бережно вписывая его в интеллектуальный и социальный контекст. *«Сергей Александрович – личность титаническая. Таково было и время его молодости, когда сложилось уникальное поколение ученых-“шестидесятников”, для которых наука была работой, наверное, в самую последнюю очередь. А в первую – образом жизни и мысли, пространством реализации личной свободы»*. И в результате следующий шаг автора, отмечающий расширение ракурса от человека науки к человеку творчества, воспринимается как совершенно закономерный и естественный. *«Исследователь-интеллектуал ценит в предмете исследования проблему, которую он расчленяет до атомарной структуры. Исследователь-ученый – тайну строения мира, в мировой гармонии единства и многообразия систем. И в исследовании быта народа постигает бытийные смыслы. Ученые поколения Сергея Александровича привозят из экспедиций не только новые рефераты, статьи, монографии, но и поэтические сонеты»*. В дальнейшем образ Арутюнова-поэта будет возникать в книге неоднократно, каждый раз отмечая тот или иной аспект авторской мысли.

Следующий раздел книги, «Проверено кризисом», посвящен главному в теоретическом наследии С.А. Арутюнова – информационной теории этноса. Осветив основные ее положения и обстоятельства введения в научный оборот, Банников резюмирует: *«информационная теория этноса и цивилизации блистательно прошла “апробацию” главной современной информационной технологией, изменившей мир. А все потому, что автор вывел ее не из собственных фантазий, а из своей полевой работы. Он выкапывал ее лопатой археолога, добывал ружьем охотника, открывал вниманием собеседника в общении с людьми на их родных языках»*. Это замечание как нельзя лучше характеризует ту высочайшую степень «сонастройки», что отличает автора и его Учителя.

Дальше текст совершает акробатический этюд, и начинается самое интересное, важное и противоречивое в работе Банникова. Начиная с раздела «Антропный принцип», автор не только содержательно, но и стилистически меняет концепцию своей работы – от сформулированного им же биогеобиблиографического подхода он переходит к соб-

ственно социально-антропологическому исследованию и совмещает информационную теорию С.А. Арутюнова с актуальными культурными и политическими реалиями, чтобы через призму этой теории проанализировать причины, механизмы и метаморфозы современной европейской политической культуры, которые с ней случились, по мнению автора, вследствие перверсий глобализации, в которой эмиссия глобальных смыслов является производной от эмиссии глобальных финансовых потоков, осуществляемой теми же транснациональными элитами с аналогичными целями глобальной власти. Нет ничего более глобального на этой планете, чем нечто антропное, и в данном ключе автор рассматривает современный всесторонний кумулятивный кризис, предсказанный Арутюновым десятилетия тому назад: *«На лекции по поводу своего 80-летия Сергей Александрович, сравнивая кризисную фазу нашей цивилизации с Римской империей Диоклетиана. Прошло 10 лет, и мы находим себя уже в Риме Одоакра, и наблюдаем, как Запад шлет Востоку инсигнии, и новые геополитические разломы и водоразделы возникают на карте мира».*

Антропный принцип, указывает Банников, это константа не только космологическая, определившая логику развития Вселенной, но и социально-политическая: *«...в качестве доминирующего принципа управления миром утвердился антропный принцип».* В качестве примера его реализации в актуальной реальности приводится, в частности, феномен прав человека. Но и права человека для автора не столько политическое или юридическое понятие, сколько фон, на котором развивается новая реальность, тот «дивный новый мир», которого уже давно ждут и боятся мыслители самых разных направлений: *«Организаторы и модераторы прав человека позиционируют себя носителями власти от лица всей человеческой природы. Следовательно, они же определяют критерии истины и добра. Истиной и добром является все, что они объявляют добром и истиной».*

Кроме того, в рамках этого же подхода Банников в деятельности современной цивилизации выделяет основной нарратив, основанный на доминировании определенной скоординированной позиции, не терпящей никаких нюансов и отхождений от магистральной линии: *«Игнорирование мнений, альтернативных официальному, как и профанация подлинного научного знания, ведет к разрушению несущих конструкций общества, государства, системы в целом. Так современный всесторонний кризис, прикрытый инфодемией, т.е. пандемией лжи, стал моментом истины для так называемой “либеральной демократии” – кареты, превращающейся в тыкву».* Что же, в чем автору точно не откажешь, так это в радикализме и отчаянной смелости.

Далее, развивая тему функционирования антропного принципа в современном обществе, Банников затрагивает проблему соотношения эт-

ничности, воплощенной в традиционности, и моральных оснований существования социума. И если в традиционной культуре это соотношение определяло социальную эффективность, то в современности ситуация радикально поменялась в силу появления множественных технологий, способных влиять на человека и его эмоциональную сферу. Итог автор видит в стремительной абсурдизации культуры: *«в эпоху синхронных мультимедийных коммуникаций, воздействующих аудиовизуальными каналами на чувства скорее, чем на разум, воздействие на моральные и аморальные эмоции осуществляется при активной апелляции к абсурду. Мобилизация масс путем абсурда, управляемого посредством шоу – это то, что входит во все современные политические практики. Приучение к абсурду – известная технология власти».*

Отсюда Банников переходит к следующей итерации развития современной цивилизации – формированию системы глобальной манипуляции общественным сознанием, примеры чего он обнаруживает буквально на всех этажах социально-политической реальности: *«Недавний период локдаунов поставил над народами мира эксперимент на предмет выживания личности в условиях изоляции, десоциализации, атомизации».* Характерно, что здесь необычайно ярко проявляет себя любопытная особенность современного гуманитарного, прежде всего антропологического, знания – изучать людей значит быть с ними, в горе и радости, на самом острие их проблем и страхов, в результате чего научное исследование начинает опасно балансировать между объективной реальностью науки и субъективной реальностью человеческого мировосприятия. Более того, формируется особого рода субъект-объектный информационный синкретизм, сам достойный стать предметом научного анализа. Вопрос, кто же будет сторожить сторожей, судя по всему, наполняется новой актуальностью.

Далее в разделе «Власть и синхрония. Во власти синхронии» Банников переходит к противопоставлению виртуального (цифрового) и реального (аналогового) бытия и функционированию информационных потоков в этих инвариантах реальности. *«В аналоговой же реальности одновременно быть кем угодно не получается, потому что неигровая аналоговая среда основана на взаимосвязях и последовательностях, тогда как цифровая являет собой совокупность отдельных, не связанных друг с другом пикселей, каждый из которых доступен к актуализации одновременно и без временной и смысловой протяженности, как кадры клипа».* То есть формирующаяся клиповая культура является таковой не в переносном, как это принято утверждать в большинстве современных исследований, а в самом непосредственном смысле этого слова.

Характеризуя клиповую культуру, автор выделяет ряд ее видовых признаков, – постмодернизм, антропоморфизм, инфантилизм, анти-

иерархизм, деконструкция, конструктивизм, антиинтеллектуализм, которые в своем холистическом единстве и образуют тот специфический социум, который мы привычно называем современной цивилизацией.

Раздел «Архаический синдром» продолжает развивать проблематику функционирования информационных потоков в разных типах обществ. Здесь на передний план выходит противопоставление синхронии и диахронии как частный случай глобальных противоречий между традицией и инновацией. И автор последовательно препарировывает все основные «болевые точки» современной культуры, уже получившие в широких кругах пренебрежительное клеймо «повесточки» – экологию, карнавализацию политики, массовую «голивудскую» культуру, сексуальную ориентацию, гипертрофированность прав сексуальных меньшинств, толерантность и политкорректность, культ потребления. Все это у Банникова складывается в единый мировоззренческий комплекс, формирующий концептуальную аксиологическую систему, практически диагностирующую культуру современного условного Запада.

Далее, в разделе «О мир! Ты – клип» автор продолжает анализировать особенности клиповой культуры и ее влияние на текущие социальные связи и отношения. Сформулировав тезис о том, что *«цифровой синхронный мир, за отсутствием аналоговых диахронных последовательностей, лишен и структурных взаимосвязей»*, он приходит к выводу, что *«извращения либерализма происходят вследствие тотальной синхронизации – синхронно быть кем/чем угодно, – и выражаются в архаизации и инфантилизации»*, и, более того, *«деградация смыслов и обществ начинается с десоциализации элит, что влечет приход к власти субъектов, не обладающих субъектностью, и личностей, лишенных лица»*.

Начиная со следующего раздела, озаглавленного «Монада и система», общая структура книги начинает замыкаться, моделируя не раз упоминавшийся Банниковым образ змея Уробороса, и вновь возвращается к информационной теории С.А. Арутюнова. Но переход этот Банников совершает через анализ последствий постмодернистской деконструкции западных ценностей: *«И вот мы видим, как бессистемный, бесструктурный, дезориентированный за монтажем ориентиров мир, замыкается собственными энергиями на себя, и тем самым переходит из состояния системы в состояние монады. За монадностью следует сингулярность, взрыв, и космогония начинается заново»*. Отсюда у автора возникает необходимость порассуждать об общей логике космогонических процессов, о сущности Космоса и Хаоса, об их роли в формировании культуры и социума. Что вполне органично в рамках поставленной задачи – вернуть текст и контекст к главному герою книги, Сергею Александровичу Арутюнову. Ведь *«в размышлениях над информационной теорией этноса Арутюнова возникает потребность вновь обратиться к первоначалам мысли и мироздания, и мыслей о мироздании»*.

В итоге, пройдя долгий путь от греческой философии до квантовой механики, Банников приходит к закономерному выводу, что *«информационная теория этноса Сергея Александровича – она также о законах информации в социуме, таких же объективных, как законы физики, и более того, поскольку законы информации лежат в основе и законов физики, и метафизики»*.

Следующий раздел, «Миру – миф!», посвящен анализу роли и места мифологических представлений в формировании аксиологической базы социума, которая, в свою очередь, создает основу для возникновения и закрепления идентификационных механизмов. Отмечая, что *«миф есть первая информационная теория этноса, созданная им самим как операционная система мышления, стало быть в мифологии отражена когнитивная эволюция вида»*, Банников пишет: *«как хаос обретает свойства, будучи выведенным из состояния покоя, так материя обретает информацию, будучи выведенной из состояния симметрии»*. Что, в свою очередь позволяет ему утверждать, что *«сама эволюция есть ни что иное, как поток информации о среде адаптирующей, воплощенной в телах адаптируемых, как означающее в означаемом. Асимметрия информации и материи, пространства и времени, формы и энергии, организма и среды, функции и органа – все это есть отношение знака и значения»*. Что вновь возвращает автора к космогонической мифологии и к теории С.А. Арутюнова, поскольку *«теория Арутюнова о том, как космогонические идеи создают племена, касты, нации, цивилизации»*.

Далее автор, в рамках все той же информационной теории, показывает некоторые перспективы развития современной цивилизации, предполагая, что человечество в рамках всеобщего глобализационного кризиса предпочтет формировать свои грядущие идентичности по лекалам этнокультурогенеза. И это, с точки зрения автора, неизбежно, поскольку *«перемена карты географии под властью этнографии – естественное состояние живого мира»*. Будущее при таком подходе оказывается за традиционализмом: *«инновации, сдерживаемые традициями – не прихоть консерваторов, но принцип существования и условие выживания социо-информационных систем»*.

Раздел «Антропность и этничность» призван поставить окончательную точку в воображаемой дискуссии о сущности этничности и этнической идентификации между конструктивистами и примордиалистами, и симпатии Банникова оказываются целиком на стороне вторых. *«Примордиальные парадигмы культуры обретаются не в биологии и географии, а в объективных законах информации, и закономерностях воздействия информации на социальные системы. И примордиалист Арутюнов блестяще показал это в своих “Народах и культурах”, и еще раз доказал в “Силуэтах этничности”*. И здесь же мы видим попытку вернуть современную этнографию в то, что автор называет «ее прекрасной

эпохой», формулируя этничность как *«системное состояние социума, которое формирует этнос как структурно-динамическую информационную систему, воплощенную в общечеловеческой биологии тел и внебиологических принципах адаптации этих тел к природно-климатическим, социально-психологическим и прочим средам»*.

Заканчивается «Инстинкт гармонии смыслов» небольшим, но невероятно поэтичным разделом «Песни людей – речи богов». И это логично, ведь посвящен он еще одной грани жизни и творчества Сергея Александровича Арутюнова – поэзии. Как пишет Банников, о слове, которое было в начале: *«то слово было стих, озвучивший стихию»*. И здесь, наверное, самым правильным будет обратиться непосредственно к поэзии Сергея Александровича, тем более, что, к счастью, такая возможность есть – в 2012 г. вышла его книга «Жизнь как текст», где представлены также прекрасные образцы его поэтического творчества.

Книга К.Л. Банникова «Инстинкт гармонии смыслов. Информационная теория этноса: аспекты и интерпретации» – необычайно интересная работа, прекрасно написанная, хорошо читаемая, но при этом провокационная и вызывающая физическую потребность постоянно спорить с автором. И это закономерно, поскольку Банников занимается живой антропологией, антропологией на линии огня, анализируя не абстрактные явления из иных мест и времен, а то, что касается каждого здесь и сейчас. Социальные страхи, мечты и галлюцинации оказались пропущены не только через исследовательскую методологию, но и через сознание исследователя, породив нечто совершенно новое в научном знании (или, наоборот, давно забытое) – феномен полной инкорпорированности ученого в предмет своего внимания. То есть этот ученый наконец-то спустился со своей башни из слоновой кости и оказался, как писала Анна Ахматова, «со своим народом». Испытывая те же боль, ярость, разочарование, но переформатировав их в исследовательский инструмент, точный и беспощадный. Как и полагается настоящему ученому.

И последнее, что хотелось бы сказать о книге Банникова, – она удивительно музыкальна. Читая ее, буквально слышишь музыку текста, когда речитатив сухих фактов перемежается взрывными аккордами множественных поэтических и интеллектуальных аллюзий, одинокий авторский голос переходит в полифонию цитат самого широкого спектра, а медитативность некоторых разделов разрывается критикой социальной реальности в духе протестных субкультур 1970-х. Это, конечно, в научной работе не главное, но радует и доставляет искреннее удовольствие.

Кирилл Владимирович Луговой

Информация об авторе:

ЛУГОВОЙ Кирилл Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: keer.007@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kirill V. Lugovoy, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: keer.007@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 3 августа 2024 г.;
принята к публикации 1 сентября 2024 г.*

*The article was submitted 03.08.2024;
accepted for publication 01.09.2024.*

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2024. № 3

Редактор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Д.Э. Уигет

Подписано в печать 28.09.2024 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 14. Усл. печ. л. 18,2. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 6030. Цена свободная.

Дата выхода в свет 16.10.2024 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru